

Владислав Николаевич Конюшевский
Иной вариант

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan, OCR, ReadCheck, Conv - Zladey; Check - Az)

«Иной вариант / Владислав Конюшевский»: Ленинградское издательство; СПб.; 2011
ISBN 978-5-9942-0787-1

Аннотация

Наверное, многие задавались вопросом, что было бы, если в 1991 году победил ГКЧП? Сумели бы потом прийти к власти более прогрессивные силы? А если бы в результате их прихода «парад суверенитетов» закончился распадом не только СССР, но и России? Скажете, слишком фантастическое предположение? Конечно, ведь мы-то знаем, что и как случилось на самом деле. Вот и бывший лейтенант частей специального назначения Сергей Корнев тоже так думал, пока не встретился с ученым, сумевшим активировать древний артефакт и открыть путь в параллельный мир. Там тоже есть наша страна. Но дело в том, что этот мир в начале девяностых пошел совсем по иному пути развития, и Корнев оказывается в страшной «зазеркальной России». В той России, где «истинная демократия» одержала полную победу.

Владислав Конюшевский

Иной вариант

ГЛАВА 1

Гид с основной группой туристов ушел вперед уже метров на двадцать, но и отсюда достаточно хорошо был слышен его профессионально поставленный голос:

— ...и тогда, по призыву папы Климента Третьего в 1189 году вновь был организован поход, который возглавили Фридрих Барбаросса, Филипп Второй и Ричард Львиное Сердце. Всем участникам в очередной раз обещалось отпущение грехов и вечное спасение. Речь папы с огромным энтузиазмом восприняло не только рыцарство, но и...

Вздыхнув, я поправил цветастую панамку и, сильно пожалев, что не надел солнцезащитные очки, сплюнул на остатки каменных плит мостовой. Герои Джека Лондона, героически осваивавшие северные золоторудные месторождения, таким образом температуру проверяли. Вот и я решил последовать их примеру. Только у лондоновских ударников капиталистического труда плевков замерзал на лету, а мой испарился, лишь только коснулся раскаленных солнцем камней. Ну правильно если тут даже в тени — под сорок...

М-да, «страус закапывает свои яйца в песок и плачет. Почему плачет? А вы попробуйте закопать свои — поймете!» Присказка, конечно, детская, но в данном случае актуальная. По-моему, на здешних валунах не только яичницу можно жарить, но и мясо при желании испечь. Ёперный театр, и черт меня понес на эту экскурсию! Хорошо хоть подвезли к самому замку, а то я слышал, что есть такой маршрут, где заставляют на гору карабкаться пешком. Для меня это не проблема, но вот пенсионеры, составляющие основную часть тургруппы, померли бы еще у подножия. Наверное, учитывая возможность подобного исхода, нас и доставили, как белых людей, к самому входу. Хотя входов здесь немерено... в смысле дыр и проломов в крепостной стене. Но вид отсюда просто потрясающий открывался. Да и внутри было на что посмотреть. Чем мы и занимались, с интересом разглядывая выбеленные солнцем, растрескавшиеся валуны старинной крепости и слушая экскурсовода, рассказывающего о европейских средневековых туристах, гордо называющих себя крестоносцами и ревнителями веры.

Только лично с моей позиции, эти «ревнители» вели себя точь-в-точь как наши гопники конца двадцатого века. Судите сами — ушлые рыцари под предлогом поиска Гроба Господня активно грабили местное население, ставили местных олигархов на счетчик да еще попутно организовывали показательный геноцид в отдельно взятых районах. Аборигены были тоже ребята не промах, поэтому беспредела терпеть не стали и постоянно навешивали неугомонным захватчикам по сусалам. А те все лезли и лезли... Вон, гид уже о третьем походе рассказывает...

Но мне что-то неинтересно стало слушать о том, как тупорылые предки европейцев раз за разом наступали на одни и те же грабли. Тем более я знал самый что ни на есть конечный результат этого противостояния. От крестоносцев, на сегодняшний день, в здешних местах лишь старинные руины остались, а вот первым помощником мэра Парижа в прошлом, две тысячи четырнадцатом году, под давлением хиджабоносной¹ общественности, стал некий Абульхалик Фарух. Так что в этом долгоиграющем соревновании бывшие сарацины победили окончательно и, похоже — бесповоротно.

Только если говорить честно, я приотстал от группы не потому, что экскурсовод говорил скучно, а потому, что из боковой галереи пару минут назад вынырнули двое

¹ Хиджаб — в исламе — любая одежда, однако в современном мире под хиджабом понимают традиционный исламский женский головной платок.

девчонок. Одна в джинсах и топике, а вторая в форме АОИ,² с нашивками рав турая.³

Но не это главное. Я ведь здесь уже седьмой день торчу. В смысле, не в этой крепости, конечно, а в Израиле и каждый раз, видя местных девушек, поражаюсь — откуда тут столько красавиц взялось? Нет, может, у меня просто «синдром отпускника», но один черт количество симпатичных барышень на единицу площади в здешних местах просто зашкаливает. Вот и эта парочка выглядит так, как будто в свободное от службы время фотомоделями подрабатывает. То есть не похожими на бледных спирохет манекенщицами, а именно фотомоделями, со всеми положенными выпуклостями, впуклостями и округлостями в нужных местах...

Поэтому, словно невзначай оттянувшись в арьергард, я теперь имел все возможности разглядывать не замшелые руины, а весьма симпатичные попки, красоту одной из которых особо сильно подчеркивал покроем узких брючек. А девочки тем временем, прибавив шаг, подошли к охраннику нашей тургруппы. Похоже, они между собой знакомы, так как парень, поправив свой «мини-узи»,⁴ сразу же разулыбался и начал о чем-то оживленно болтать с ними на иврите.

Хм, вот интересно — чего эти дамочки сюда вообще приперлись? Недосержантиха так вообще в форме, но, правда, без оружия. И судя по тому, как она лобзнула автоматчика, это явно не его сестра... Ага, наверное, барышня, находясь в увольнении, решила навестить бойфренда. А вторая с ней за компанию поехала. Или, если учесть, что сюда рейсовые автобусы не ходят, вот эта, в топике и с сиськами, скорее всего просто подвезла свою подружку к ухажеру.

Поглядев какое-то время на радостного парня, я завистливо покрутил головой. Нет, понятно, что он просто в охранной фирме работает, но девчонка-то явно срочную служит! Вот нам бы так служить! В смысле — в подобном коллективе. Да нас бы тогда из армии и ломом не выгнали!

М-да, плохо, что все эти мечты разбиваются о суровую прозу жизни. В России такого точно не будет, так как даже у евреев женский пол в боевые части практически не берут. И встречаются девочки со своими ухажерами, лишь в находясь в увольнении...

А парнишка отнесся к появлению солдатки... солдатихи... бр-р-р, интересно, как ее в данном случае назвать-то? В общем, пацан к гостям отнесся радостно, но бдительности не потерял, продолжая во время разговора осматривать местность. То есть — бдел, невзирая на возникшие обстоятельства. Хотя на спецуру боец вовсе не похож. Даже бывшего. Молод слишком, да и повадки не те.

Я ведь за неделю пребывания здесь на самых разных сопровождающих насмотрелся... Простой раз, когда нас возили к замку, находящемуся возле палестинских территорий, в охране тургруппы был зубр, вооруженный гражданским вариантом «Тавора»,⁵ явно прошедший и Крым, и Рим. Это и по замашкам, и по поведению хорошо было видно. А эта крепость, судя по всему, считается местом достаточно безопасным, вот и придали в сопровождение салабона.

Вы можете спросить, откуда у меня такие специфические Познания, что могу различать не только марки иностранного оружия, но и хотя бы приблизительно определить

² Армия Обороны Израиля.

³ Рав турай — воинское звание в АОИ, что-то среднее между нашим ефрейтором и младшим сержантом.

⁴ Пистолет-пулемет кал. 9 мм.

⁵ Tavor — TAR-21 Штурмовая винтовка кал. 5,56 мм. состоящая на вооружении АОИ. Гражданский вариант — кал. 9 мм.

квалификацию сопровождающих? Хм, просто когда-то это было необходимо для непосредственной работы. Ныне уже бывшей работы... Хотя, наверное, надо рассказывать по-порядку.

Я — Сергей Васильевич Корнев, 1985 года рождения. Детство, отрочество и часть юности проведенный так же, как и миллионы моих ровесников. То есть стандартно — детсад, школа, уличные разборки, сидение за компьютерными игрушками, ухаживание за одноклассниками, первая сигарета и нож-«бабочка» в заднем кармане джинсов. Но к концу школы, когда в полный рост встал вопрос о будущей профессии, вмешался тогда еще живой дед — полковник танковых войск в отставке. Проигноировав тот факт, что я имел твердое намерение последовать за своей тогдашней зазнобой и поступать в Санкт-Петербургский государственный университет, бывший танкист взял дело в свои руки. Развернув передо мной необъятные просторы, раскрашенные в соблазнительные тона, он быстро убедил внука, что лучше армии доли нет. Правда, не меньшую роль в выборе сыграли просмотренный накануне боевик, рассказывающий о действиях наших храбрых десантников в Чечне, и ссора с подругой. Наложившись друг на друга, эти факторы дали нужный эффект, в результате которого я плюнул на Питер и поступил в Новосибирский военный институт, на факультет подготовки командиров подразделений войсковой разведки. Сначала было пожалел о выборе, но позже неожиданно для себя — втянулся. Ну еще бы, какому пацану в семнадцать-восемнадцать лет не хотелось бы ощутить себя суперменом? А мы себя ощущали именно так. Правда не сразу... На первом курсе была натуральная умираловка. Зато потом стали людьми, которым любое море по колено.

Закончив вуз, служил по специальности. А если конкретней — почти четыре года в девятнадцатой ОБрСпН.⁶ И служил бы дальше с большим удовольствием, если бы не случай. Довольно-таки поганый случай. Но, наверное, надо по порядку.

Я ведь в свое время считался неплохим группником.⁷ Просто после института сразу не женился. Не сложилось как-то. Наверное, поэтому целиком ушел в службу и командование нарадоваться не могло на рьяного офицера.

Радость начальства проявилась в досрочном получении мною звания старшего лейтенанта. А когда мысленно я уже примерял капитанские погоны, жизнь выкинула неожиданный фортель. Хотя сам виноват — сдержаннее надо быть...

Нет, к хамству в армии я отношусь довольно равнодушно, привыкнув к нему еще с училищных времен. Но тут все так нехорошо совпало... И началось-то с мелочи — будучи в командировке, уже вечером после службы, просто пошел искупаться. А что — личный состав, состоящий из дюжины выдрессированных, но один черт «залетных» срочников и трех сержантов-контрактников, за которыми тоже нужен глаз да глаз, остался на МПД,⁸ в трехстах километрах от меня. Поэтому я, чувствуя себя совершенно вольной птицей, перед посиделками с такими же командировочными, решил сходить на речку. Остальные оказались лентяями, поэтому пошел один. А когда собирался уходить, на пустынном пляжике нарисовался какой-то ухарь в спортивном костюме и, увидев нежащуюся тушку, возле которой была сложена форма, принялся орать дурниной. При этом безостановочно требуя, чтобы я ему представился. По воплям стало понятно, что это какая-то шишка, возможно даже из тех представителей ГУБП,⁹ которые сейчас шерстят соседнюю мотострелковую

⁶ Отдельная бригада специального назначения.

⁷ Группник — командир первичного подразделения войск специального назначения. В обычных войсках эта должность соответствует командиру взвода.

⁸ Место постоянной дислокации.

⁹ Главное управление боевой подготовки и службы войск ВС РФ.

часть. И эта шишка почему-то считает, что все его должны знать в лицо и ходить мимо строевым шагом, даже если он сам при этом будет в семейных трусах.

Но, во-первых, мне не понравился сам наезд, а во-вторых, делать доклад хмырю в «адидасе» — совсем себя не уважать. Поэтому довольно миролюбиво посоветовал мужику или надеть погоны и потом высказывать претензии, или просто идти, куда шел. Услышав подобный ответ, он окончательно взбеленился и отвалил только тогда, когда я пообещал настучать в бубен неугомонному скандалисту. А перед уходом «спортсмен» пригрозил, что вернется с патрулем. Портить себе настроение разборкой с патрульными у меня желания не было, поэтому я смылся практически следом за ним. И пока находился на курсах, с этим придурком больше не встречался.

А месяца через три после командировки судьба показала свою тыловую проекцию. Хотя никаких подлян я не ожидал, совершенно забыв летний казус, и спокойно готовился к очередной проверке. Но вот надо же было такому случиться, что среди приехавших проверяющих оказался тот самый подпол; которого я в свое время послал. Шанс на подобную встречу был один из тысячи, так как носитель «адидаса» никоим боком к подразделениям разведки не относился и мог попасть к нам лишь случайно. Вот случайность и сыграла...

И что характерно — этот чмошник меня сразу узнал и чуть не обделался от восторга. Сначала, при людях, просто доколупывался до каждой мелочи, опуская командира группы ниже плинтуса. А потом, заведя в канцелярию, долго и с наслаждением трахал мозги, попутно поливая отборным матом. В принципе, наверное, я бы сдержался. Но тут как раз сыграло свою роль то самое совпадение. Очередной облом в налаживании личной жизни наложился на недосып, возникший из-за подготовки к проверке, общую головную боль и охренительное чувство внутреннего протеста. Поэтому когда раздухарившийся подпол в запале слегка пихнул меня в грудь, я так зарядил хаму в ухо, что его шитая фуражка-«аэродром» упорхнула куда-то за сейф.

Кстати, чтобы вы знали — в армии бывает и так, что младший по званию дает люлей старшему. Бывает, бывает. Очень редко, но все-таки... Не посадили меня по нескольким причинам. Во-первых, тяжких телесных повреждений тому козлу я не нанес. В смысле — все обошлось без сотрясений и прочих увечий. А во-вторых, раздувание этого случая подполу было невыгодно, потому как он сам, первым, грубо нарушил уставные требования. Да и при отсутствии свидетелей мое слово было против его. Только в этом случае присутствовал еще один неучтенный момент — волосатая лапа в Министерстве обороны. В смысле — подполковничья «лапа». Поэтому его слово оказалось значительно весомее, и как ни уламывал «Батя» замять все это дело, ничего не вышло. «Адидасоносец» выдвинул категорическое условие, что не будет катить на меня бочку только в том случае, если некий хулиганистый старлей сам подаст рапорт об увольнении из рядов ВС РФ.

Вот так я и оказался на гражданке. Хорошо, что комбат помог еще раз, дав координаты своего старого знакомого в Москве. Тот работал в одной медийной фирме начальником охраны и по рекомендации «Бати» брался пристроить бывшего комвзвода к себе.

Но при встрече с президентом компании выяснилось, что у меня чересчур много мозгов для простого стояния на фишке, так что соискателю работы была предложена должность в техотделе. Начальник охраны, который привел меня на это собеседование, против подобного предложения не возражал и лишь одобряюще кивнул. Таким образом я и попал в число сотрудников «Роскома» — солидного учреждения, занимающегося предоставлением населению услуг интернет-провайдера. И хоть зарплата стала ровно в три раза выше, чем денежное довольствие взводного, но по армии я до сих пор скучаю.

Зато в гражданской жизни есть и плюсы. Оно ведь как — во время службы у меня была первая форма допуска. А это значит — никаких выездов за границу. То есть обычную поездку в Турцию или Египет, которая для других людей являлась само собой разумеющейся, я представлял себе лишь теоретически. Правда, существовала еще возможность попасть в заграникомандировку. Но эта возможность была совершенно

призрачной и для старшего лейтенанта практически нереальной. Если только куда-нибудь в африканские джунгли — папуасов инструктировать да комаров кормить. Но снабжать комаров-переростков экзотическими продуктами мне не улыбалось, а более цивилизованные страны российские летёхи не посещали. Вариант же поездки за бугор на танке, в составе нашей армии, хоть и представлялся достаточно брутальным, но отметался как чреватый международными осложнениями. Вон, наш начштаба несколько лет назад, в составе 58-й армии, доехал практически до Тбилиси, так до сих пор «общечеловеки» на каку исходят...

Поэтому, не ударяясь в крайности, я спокойно дожидался, когда пройдут положенные пять лет после моего досрочного дембеля и можно будет получить справку, необходимую для оформления загранпаспорта. Но случилось так, что в военкомате нашелся старый знакомый, и вожделенную справку, в нарушение всех инструкций, я получил гораздо быстрее. Так что уже почти месяц свободен в своих желаниях, как муха в полете.

И тут в дело вступили Кузнецовы. С этой семейкой я подружился довольно давно — как только в Москву перебрался и снял квартиру на одной площадке с «микроскопическими». «Микроскопическими», потому что Светка была ростом метра полтора, а Мишка выше нее всего на полголовы. Но мелкий рост они компенсировали большими достижениями на ниве частного бизнеса, являясь владельцами довольно процветающего туристического агентства.

В общем, как только Мишка узнал, что Корнев стал выездным, он тут же начал зазывно шевелить бровями, надувать щеки и соблазнять разнообразными турами. Соблазнение обычно сопровождалось показом фотографий с комментариями и было достаточно завлекательным. Но дело упиралось в то, что я копил себе на машину, поэтому в средствах был ограничен. Только Кузнецовы не сдавались и за пять дней до моего очередного отпуска затащили соседа к себе, поставив перед фактом. Точнее, пока Света накрывала на стол, Мишка хлопнул передо мной цветастый проспект, торжественно объявив:

— Помнишь, я тебя спрашивал, какую сумму ты можешь потратить для отдыха? Ну, чтобы свою автомечту не похерить?

— И что?

— Радуйся! Ты едешь в Израиль!

От неожиданности я закашлялся и удивленно поинтересовался:

— Это с какого перепуга? Чего я там, у евреев, забыл? Да и насчет машины ты знаешь...

Мишка хмыкнул:

— Машина останется в неприкосновенности. Просто я добыл для тебя горящую путевку и по деньгам это получится дешевле, чем в Ялту смотаться. Вот, цени, какие у тебя друзья есть! Теперь хоть за границей побываешь. Увидишь, как там классно! Море, пляжи, девушки, экзотика. Десять дней сплошного безделья и флирта! Поездки по злачным местам и дайвинг по желанию! Хочешь, можешь даже с парашютом прыгнуть!

Выставив ладони вперед, я отказался:

— Нет уж. Напрыгался уже.

Собеседник покладисто согласился:

— Не хочешь, не прыгай. Но зато хоть почувствуешь разницу в обслуживании, между совковыми пансионатами и иностранными отелями. Да и вообще, сам прикинь... Ты ведь с приятелями в Карелию собирался, на сплав по речке? Так не лучше за те же бабки за бугор рвануть? И никаких тебе комаров.

— Угу, понятно. — Постучав пальцами по столу, я ехидно спросил: — Поёшь ты хорошо, а в чем подвох? Там что — жить в бараке придется? Или кормежки не будет?

Миха возмутился:

— Какой еще барак? Нормальный отель! Точнее — отели, так как ты аж в трех местах успеешь пожить... Стараешься тут для него, а он еще выкобенивается!

— Слушайте, вы, банда лилипутов, не надо меня лечить! Почему ты мне эту путевку настолько дешево втюхиваешь?

Тут вступила в разговор Светка:

— Потому что она «горячая». Да и еще есть нюанс — группа будет не наша, а иностранная. То есть требуется знание языка. Но учти, что иностранцев обычно обслуживают лучше, а ты английский знаешь в совершенстве, так что какая тебе разница, с кем пить?

Съездить за бугор, тем более за такие смешные деньги, очень хотелось, поэтому я, удовлетворенный ответом, пожав плечами, произнес:

— В общем-то никакой... Спасибо, ребята!

Вот так день 17 июля 2015 года и вошел в историю моей жизни как поворотный и полностью ее изменивший. Но тогда я этого еще не знал и, спокойно отдав Кузнецовым документы, с жаром принялся изучать по Интернету гражданскую жизнь страны под названием Израиль. Что собой представляет военная его часть, мне было приблизительно известно. Тактика, техника, вооружение, состав армии, способы работы спецслужб — это еще в институте давали, при изучении армий иностранных государств, и вузовские знания не совсем выветрились из головы. Но вот чем дышат мирные люди? О них я мог судить только из новостных выпусков и передачи «Клуб путешественников». Наверное, поэтому страна евреев у меня прочно ассоциируется с Мертвым морем, в котором даже спяну не утонешь, пустыней и Стеной Плача, возле которой странные мужики в черных шляпах бьют частые поклоны. Еще в тех ассоциациях присутствовали неисчислимые легионы злобных арабских террористов и маца, которую я себе представлял в виде пирожков с мясом. Почему именно с мясом, не знаю, наверное, это как-то связано с «кровью христианских младенцев», на которой ее, судя по анекдотам, замешивают. Ну и конечно, песней «Семь-сорок», пользующейся неизменным успехом в наших кабаках.

А уже через неделю, когда я прилетел в «землю обетованную», выяснилось, что маца — это вовсе не пирожок, а пресная лепешка, пустыня тут присутствует, но садов и деревьев больше. Арабские террористы после того, как месяц назад закончилась крупная заварушка на ливанской границе, сидят тихо, как мыши под веником, и песня «Семь-сорок» здесь гораздо менее популярна, чем в России.

Но самое главное я понял, что значит — «иностранная группа». Оказывается, это толпа забугорных пенсионеров, которые если и пьют, то тайно и лишь в своей тесной компании. А так как отель был небольшой и русских в нем не было вообще, я двинул в город. И сделал два вывода. Первый — Хайфа особо красива вечером и второй: даже при полном незнании английского, здесь не пропадешь. В Хайфе можно знать только один язык — русский. Этого вполне достаточно, так как за несколько дней гуляния по городу я видел только вывески и указатели на иврите, но не встретил ни одного человека, который бы не понимал по-русски. Меня даже начали терзать сомнения, а есть ли за этой границей иностранцы вообще? Ведь даже два афериста, пытающиеся развести лоховатого с виду туриста на бабки, и те радостно вешали лапшу исключительно на языке Пушкина и Лермонтова.

Единственное, где нужен был английский, так это на экскурсиях. И то, потому что группа была иностранная, а искать соотечественников в других отелях, чтобы присоединиться к ним на ознакомительных выездах, мне было влом. И так все устраивало. Огорчало лишь одно — только я познакомился с одной симпатичной киевлянкой, как мы сменили отель и вся группа переехала в южную часть страны. Это было обидно — девочка была очень даже ничего, во всех смыслах. Но зато на новом месте было Мертвое море, к которому прилагались лечебные грязи и душ. В море я дрейфовал, как непотопляемая баржа, в грязях изображал из себя свинтуса, измазавшись черной, вязкой массой с ног до головы. А если учесть, что у кромки воды нашел халявный сувенир в виде полностью заросшей соляными кристаллами палочки, то, считай, день вообще удался.

А на следующее утро нас потащили на экскурсию к какой-то старинной крепости, развалины которой здесь пылятся еще со времен Крестовых походов. Крепость была интересна, гид тоже не подкачал, напрягало лишь одно — жара, которая сильно смазывала

общее впечатление от созерцания руин...

Тем временем экскурсовод сделал приглашающий жест и толпа, как цыплята за наседкой, потянулась за ним в сторону выхода. Я тоже, выбравшись из тенька, добавил ходу, прислушиваясь, о чем это все так оживленно галдят. Оказывается, гид предложил быстренько сгонять в еще одно место, находящееся сравнительно недалеко отсюда. Там, дескать, находится один жутко древний храм, который раскопали совсем недавно, и поэтому туристов туда пока не возят. Но у нашего провожатого есть нужные связи, так что специально для своей группы он получил разрешение на посещение столь эксклюзивного места.

Лично мне ехать еще куда-то совершенно не хотелось, поэтому я, купив две порции мороженого в самоходном ларьке перед входом, догнал увлеченно размахивающего руками гида и озабоченно спросил:

— А храм, он большой? Мы его долго смотреть будем?

Тот взглянул на мою кислую физиономию и улыбнувшись, ответил:

— Не больше получаса. Но вы точно не пожалеете! Впечатлений останется на всю жизнь!

Пожав плечами, я полез на свое место в автобусе, машинально отметив, что привлечшие мое внимание девчонки тоже грузятся в свой ярко-желтый «жук» и явно собираются ехать следом за нами. Ну-ну. Видно, сержантиха еще не наобщалась со своим бойфрендом и решила сопровождать его дальше.

А когда все загрузились, автобус резво покатил вниз по дороге. Экскурсовод безостановочно трещал в микрофон, и все, следуя его указаниям, послушно крутили головами налево и направо, разглядывая местные достопримечательности. Потом мы свернули с трассы и еще какое-то время двигались по довольно пустынной дороге до тех пор, пока, въехав на очередную горку, не увидели на ней какие-то развалины. По сравнению с уже увиденными они мне показались полным фуфлом. Остатки стены, строения, похожие на сараи без крыш, башенка, торчащая метрах в ста от основных построек, и в общем-то все.

Но иностранцы, горящие желанием приобщиться к вечному, держа наготове свою фотоаппаратуру, бодро вывалились наружу и, весело гомоня, потопали куда-то внутрь этой груды обломков. Я же, выйдя последним, несколько приотстал, крутя головой в поисках необходимой мне детали пейзажа. Просто воды надулся, аж в ушах булькало, вот и придавило. Но биотуалета, типа «продвинуто-экологический сортир», нигде не наблюдалось. Прав был гид — туристов сюда точно не возят и инфраструктуры нет никакой. На площадке стояли только наш пепелац, девчачий «жук» и чей-то фольксвагеновский микроавтобус. Тоже, наверное, туристов привез...

Поэтому, хмыкнув и воровато оглянувшись, я, обойдя кусты и спрятавшись за валунами, оросил древние руины. После сего варварского действия, сильно повеселевший и взбодрившийся, быстро догнал группу, приветливо улыбнувшись окинувшей меня взглядом черноволосой барышне в топике. Взгляд у нее был явно заинтересованный и я, моментально забыв про бухтящего гида, тут же начал соображать, насколько вообще возможно знакомство с такой красавицей. Ну или даже пусть не романтическое знакомство, а просто общение? Пацан с «узи», тот вроде как на службе, и лезть к нему с вопросами — неудобно. А вот у девчонки было бы любопытно разузнать, как у них вообще в армии служится? Тут ведь все через вооруженные силы прошли, значит, тема ей знакома. Сначала, правда, было сомнение, а поймет ли она меня вообще, но потом прикинул, что по-английски тут вроде все спикают, поэтому языкового барьера быть не должно. Единственно, пока они болтают с автоматчиком, как-то неудобно влезать в разговор...

И тут мне повезло — у чернявой зазвонил телефон и, оставив подружку говорить с парнем, она отошла на несколько шагов в сторону. Стоя возле стены, я подобрался, выбирая момент, когда девушка уже закончит разговор, но еще не успеет вернуться к своим друзьям. Тогда-то ее и можно будет перехватить, завязав беседу. Все рассчитал очень точно, но как

раз когда она, что-то прощально прочирикав в трубку, захлопнула флип телефона, день потерял свою жаркую томность и события понеслись вскачь.

Мы все стояли на центральной площади, как вдруг со стороны башни донесся еле слышный хлопок, после которого охранник мягко свалился на выщербленную временем брусчатку, громко брякнув автоматом. В первые секунды никто ничего не понял и народ только начал оборачиваться на звук падения, как хлопок прозвучал снова, а голова лежащего парня дернулась и вокруг нее стала быстро расплываться кровавая лужа.

Все планы познавательной беседы от увиденной картинке моментально испарились, и я просто застыл возле стенки, тупо пялясь на убитого солдата. В том, что он убит, сомнений не было совершенно. Когда мозги выстрелом выплескивает из черепной коробки, то диагноз оспариванию не подлежит. Но все случилось настолько неожиданно, что машинально отметив приблизительное местонахождение снайпера, бывший крутой спецназовец Корнев не стал ни искать укрытия, ни предпринимать еще какие-либо действия а как последний гражданский лох впал в ступор. Даже рот приоткрыл от удивления. А вы что хотели? Стою тут весь в неге и расслабленности, разглядывая природу и баб, как вдруг — стрельба, трупы. Это кого хочешь из колеи выбьет.

Но с другой стороны, пока тело пребывало в опупении, башка после некоторой заминки стала выдавать самые разнообразные мысли. Начиная с неинформативной — «Опаньки — это что за фигня?» и заканчивая более умными, с попыткой анализа ситуации. А этот анализ говорил, что мы, похоже, очень крепко попали. Снайпера, они ведь обычно в одиночку не ходят. Значит, есть прикрытие. И это прикрытие, скорее всего, уже поникало нашего водителя, который остался возле автобуса. Вернее, не «скорее всего», а точно. Ведь буквально за мгновение до падения охранника на землю я услышал со стороны площадки какой-то странный звук, но не успел его идентифицировать, так как начал работать снайпер. А теперь могу уверенно сказать, что тот звук был похож на выстрел из оружия с глушителем.

Тут меня опять заклинило, наверное, из-за полнейшей нестандартности ситуации. Я просто-напросто не знал, что делать. Самый оптимальный вариант — бегство без оглядки — не выдерживал даже поверхностной критики. Стрелок на башне наверняка четко отслеживает весь внутренний дворик. Да и те, снаружи, тоже вряд ли клювом будут щелкать. При подобных раскладах, несмотря на безобидную панамку веселенькой расцветки, шорты и сандалии, меня могут посчитать опасным смутьяном и превентивно шлепнуть, дабы не делал лишних движений, смущая остальных туристов. А что — это хорошо укладывается в схему взятия заложников. Одного пристрелить, зато остальные сразу станут послушными, как овечки. Быть пристреленным не хотелось категорически. Становиться заложником, с непредсказуемыми последствиями — тоже.

Или, может, все-таки решиться на рывок? Сейчас вот шмыгнуть в арку, за которой идет ход в сарай. А там куча проломов, через которые можно будет выскочить и скрыться в рощице. Но вспомнив про свою форму одежды, я скривился. Угу — шмыгнуть... В сандалетах... Далеко же в них убежишь, особенно когда через каждые три шага надо вытряхивать попавшие камушки. Зараза! Ведь хотел же кроссовки надеть, но посчитал их слишком жаркими. А теперь тяга к прохладе выходит боком...

В общем, мои сомнения и сожаления продолжались довольно долго. Секунды две как минимум. А потом рав турай, стоявшая ближе всех к упавшему парню, наклонилась над ним и с башни раздался новый выстрел, от которого барышня, не успев выпрямиться, свалилась на убитого.

От неожиданности я подпрыгнул и коротко матюгнулся. Да ё-моё! Она ведь не ствол схватить хотела, а просто сунулась помочь, но снайперу, похоже, было все равно — он тупо валил всех, кто мог бы воспользоваться лежащим возле трупа автоматом. Или просто мочил тех, кто был в форме и представлял хоть какую-то угрозу? Мысль еще не оформилась до конца, когда над ошарашенной увиденным группой прозвучал первый старушечий визг. Все сразу зашевелились и загомонили. Кто-то присел, лихорадочно оглядываясь, кто-то, наоборот, засеменил в сторону арки, откуда мы пришли.

Меня этот визг тоже пробудил к действию. Но не к бегству. Просто видя, что чернявая, с которой я так хотел познакомиться, сейчас бросится к своей упавшей подружке и, вполне возможно, спровоцирует стрелка на новые жертвы, я не сходя с места, громко сказал:

— Эй, ты, стой! Стой, где стоишь!

К счастью, оставшаяся в живых барышня понимала английский, поэтому и не сделала пары последних в своей жизни шагов, вместо этого оглянувшись на меня. А я, пользуясь тем, что привлек ее внимание, опасно поглядев в сторону башни, как можно более внушительно произнес:

— Не подходи к убитым. Снайпер может посчитать, что ты хочешь взять оружие, и опять открыть огонь.

Пока это говорил, очень медленно подходил к ней. А подойдя, ухватил за предплечье. И вовемя, так как девушка, попытавшись вырваться, воскликнула:

— Но там Кейла! Она ранена!

Угу, как же — ранена! Пуля твоей подружке прямо в затылок вошла... И если она еще жива, тут подручными средствами явно не обойдешься. А сунешься помогать — сам дырку схлопочешь... Поэтому, ничего не объясняя, я затянул вырывающуюся девчонку под арочный козырек, тем самым выходя из сектора обстрела, и уже спокойнее сказал:

— Она убита. Поверь мне. Ты сама в этом через пару минут сможешь убедиться, когда все решится.

Чернявая еще пару секунд машинально потрепыхалась, но потом до нее дошли мои слова и она, в упор глянув карими глазами, выпалила:

— Как — убита? Что решится? Откуда вы знаете?

Черт! И как ей быстро объяснить то, что я, пока соображал бежать или не бежать, для себя уже все разложил по полкам? И выстрелы снаружи, и работу снайпера... Похоже, у арабов очередной раз крышу снесло и они решили для какой-то неведомой мне цели захватить заложников. Только вот раньше я про подобные захваты даже не слышал. Здесь ведь граница на таком замке, что никакому Карацупе¹⁰ не снилось! И «колючка», и секреты, и камеры, и минные поля, и мобильные посты на всем ее протяжении. А так как эта протяженность просто смешная, то евреи прикрываются от арабов очень качественно.

Единственно, что можно сказать уверенно — нас тут уже ждали. А это значит, что или гид в доле с бандитами, или он просто языком трепанул про то, что повезет свою группу в столь удаленное от обычных маршрутов место. Хотя нет, судя по выпученным глазам нашего провожатого, он не при делах. Та-ак... но он ведь араб. Сам хвастался, что из какого-то бедуинского рода происходит. И если учесть, что родственников у них немерено, то вполне может быть, что кто-то из его клана передал новость про поездку. Передал кому следует, наплевав при этом на безопасность своего соплеменника...

Угу... похоже на то. Не могут ведь террористы неделями на объекте сидеть, добычи дожидаясь? Значит, приехали незадолго до нас. Интересно, какие же рискованные отморозки на это решились? Палестинцы? Не-е-т... Те исключительно с евреями воюют, развлекаясь самоподрывами в людных местах. Только даже в этом случае стараются, чтобы иностранцы под удар не попали, ибо это сильно чревато потерей имиджа. А имидж для них — это всё. И поддержка в европейских странах, и деньги, и гуманитарная помощь... То есть отказываться от большой халявы ради сомнительного теракта палестинцы точно не будут. Не стоит овчинка выделки...

А что я вижу сейчас? Хм, нападение на зарубежных туристов на чужой территории... У нас в группе — американцы, канадцы и австралийцы. И это значит, что за захватчиками начнет охотиться как минимум четыре страны. Четыре, потому что евреи это дело, разумеется, тоже просто так не оставят. Россию, выступающую в защиту своего гражданина,

¹⁰ Карацупа Никита Федорович — легендарный советский пограничник. За 20 лет службы задержал 338 и уничтожил 129 вооруженных нарушителей границы.

попавшего в подобную передрагу, я себе представляю слабо, поэтому относительно нее иллюзий даже строить не буду. Только ведь и перечисленных стран вполне хватит для огромнейшего скандала.

Угу, все верно, но как быть с правилом насчет того, что израильтяне с террористами переговоров не ведут? Они их тупо стреляют при каждом удобном случае... Стоп. Но ведь в данном случае атакованы не их граждане, и поэтому говорить придется.

Наверное, на это и рассчитывают террористы. И чтобы боевиков во время переговоров еврейский спецназ не почикал, они будут прикрываться нами, как живым щитом.

Так-с... Вспомнив традиции и привычки местной спецуры, я задумчиво пожевал губу. Не, не канаает... Израильтяне могут просто наплевать на сохранность иностранцев и действовать, как обычно, чтобы не создавать прецедент. Налетчики этого не могли не просчитать... Тогда что же получается? Какая цель всей этой бодяги? И главное — как террористы уходить собираются? Ведь не вечно они с нами сидеть будут? Нас им вывезти не дадут однозначно, а время прибытия местного спецназа по тревоге какое-то очень маленькое... Насколько помню, чуть ли не двадцать минут и — они на месте. Тут ведь достаточно одного выстрела... Ага... а стрелки пользуются оружием с глушителями... Значит, раньше времени шум поднимать не хотят. А чего они тогда хотят?

Мозги кипели, ответа не было, но сейчас, судя по всему, должны появиться основные действующие персонажи, которые избавят меня от сомнений и заодно от объяснений с зажатой в угол девчонкой.

Я как в воду глядел, потому что буквально сразу после вопроса фигуристой кареглазки на площадь выскочили трое мужиков с автоматами. И их вид развеял последние сомнения относительно национальной принадлежности террористов. Во всяком случае, у евреев точно не было принято заматывать морды куфией.¹¹

Автоматчики появились и сразу принялись за дело. В первую очередь они развернули троих престарелых канадцев, которые так и не успели добраться до дыры в ограждении, и жесткими тычками погнали их обратно. Меня, вместе с барышней, тоже извлекли из-под козырька и пинком указали направление к остальным туристам. В общем, буквально через минуту тургруппа сгрудилась возле недоразрушенной стены. Шипя сквозь зубы от боли и потирая ушибленный копчик, я безропотно встал, где было указано, и с нарастающим удивлением наблюдал за дальнейшими действиями террористов.

Нет, это понятно, что заложников надо запугать до такой степени, чтобы у них и мысли о сопротивлении не возникло. Только мне сильно не понравилось, как один из арабов поступил с австралийской бабкой. Остальное турье, приседая от страха, выполняло все указания захватчиков, а эта старуха, впад в шок, начала визжать. Я бы еще понял, если бы ей влепили пощечину для успокоения. Но вот то, что австралийке дали прикладом автомата между лопаток, наводило на интересные мысли. Ее ведь не просто толкнули, а влепили не жалеючи. Старуха, неестественно выгнувшись, аж влетела в толпу, где и сползла на землю. Это, конечно, укладывалось в рамки запугивания, но тут уж надо было или стрелять, или обращаться мягче. Свежий труп предостерег бы людей от необдуманных действий. А покалеченная бабуса, вместо спокойствия среди заложников, создаст террористам массу проблем. Потому как, если убитый за непослушание застрашает остальных и тем самым принесет пользу захватчикам, то за раненым надо ухаживать. И добивать раненого тоже чревато — это может озлобить заложников и вывести их из повиновения.

Непонятны мне эти арабы. С одной стороны, вроде крутые профессионалы. Уже одно то, что они смогли проникнуть на территорию Израиля, данный факт подтверждает. Но вот как они с нами обращаются... Хм, такое впечатление складывается, что бандюки с захваченными людьми вообще никаких отношений выстраивать не собираются. Только это противоречит логике. Ведь за каким-то чертом нас взяли? И явно не для того, чтобы

¹¹ Мужской головной платок, у нас более известный как «арафатка».

демонстративно изничтожить. Деньги будут требовать небось. Или, как вариант, захотят освобождения своих кентов, томящихся в лапах «кровавой гэбни». То есть бррр... в лапах Шабак.¹²

Но вот как они уходить собираются?! Меня почему-то очень сильно интересовал этот вопрос. Тут чувствовалась какая-то заковыка, но я никак не мог понять какая именно.

А террористы, пока я размышлял, потирая ушибленную пятую точку, времени не теряли. На отличном английском языке они потребовали, чтобы все отдали им свои телефоны. В принципе — вполне ожидаемый ход. Кстати, я даже не сомневаюсь, что если бы кто-то после убийства нашего охранника достал телефон, снайпер бы его тут же снял. И именно поэтому стрелок дал девчонке, которая до сих пор цепляется за мою руку, убрать в карман «сотку» и только потом открыл огонь. Ведь в противном случае она могла бы успеть сказать о захвате. А если бы он начал отстрел с нее, то парень с «узи» мог бы успеть укрыться и создать массу заморочек. Точнее, в обоих случаях поднялась бы тревога и очень скоро тут оказалось бы много обозленных вояк с оружием.

Но это все лирика, а с момента первого выстрела снайпера и пяти минут не прошло, как нас согнали в кучку, обыскали и выстроили вдоль стенки, после чего один из арабов что-то пробормотал в уки-токи и во дворе появились еще два персонажа. Один квадратный, как Шварценеггер, и ростом под два метра, зато второй — его полная противоположность. Я вначале даже подумал, что это баба. Но когда недомерок, пройдя вдоль строя заложников, остановился перед каким-то мужиком лет шестидесяти и заговорил, стало понятно, что к женщинам он явно не относится. Он относится к щеглам, лет восемнадцати-двадцати. Только судя по замашкам, малолетний шкет и есть старший всей этой команды. Вон, остальные как на него поглядывают. А «Шварценеггер» при нем, получается, замом работает? Или дядькой-нянькой? Черт, ничего не понятно! И времени обдумать эту странность тоже не было, так как разговор между пацаном и американским дедком полностью привлек мое внимание.

Недомерок, остановившись напротив престарелого туриста, сдернул с фейса платок и, как-то криво улыбаясь, сказал по-английски:

— Ну что, полковник, как видите, мой отец держит слово. И ваша встреча все-таки состоится...

А потом, даже не оборачиваясь к своим нукерам, просто шевельнул пальцем. После этого шевеления двое арабов резво подскочили ближе и, ухватив мужика за руки, поволокли его в сторону выхода.

Я, как и все остальные, просто повернул голову, глядя вслед американцу, а мозги в это время опять заработали на полную катушку. Ничего себе! Это что же получается? Арабам ВСЕ заложники не нужны? Им нужен был только тот, которого щегол назвал «полковником»? Именно для его поимки и была задумана вся эта операция? А как же мы? Что с нами эти сыны Ближнего Востока делать собираются? Хотя «сынами» этого самого Востока являются далеко не все из террористов. Здоровяк, он больше на европейца похож.

Во всяком случае, глаза, видимые в щель куфии, светлые. И цвет загара немного другой...

Да ё-мое! Какая разница, кто он — сириец, француз или англичанин? Тут главное — нам теперь чего ожидать? А «Шварценеггер» тем временем, наклонившись к пацану, что-то сказал по-арабски. Что, я, разумеется, не понял, но судя по всему, поняла держащаяся за мой локоть еврейка. Она сильно сжала пальцы и, уткнувшись носом мне в плечо, чуть слышно произнесла:

— Они нас всех убьют...

У меня от такого «радостного» известия аж коленки ослабли. И нутро в узел скрутило. Наверное, потому что поверил ей сразу и безоговорочно. Вроде явных предпосылок не было,

¹² Служба безопасности Израиля.

но жопа-вещун, как только я услышал разговор с полковником, сразу дала знать, что мы попали конкретно. Мозги еще не могли все факты сопоставить, а интуиция уже все разложила по полочкам. Только тогда я все-таки надеялся, что это попадалово будет не НАСТОЛЬКО конкретным...

А когда самая первая, противно-липкая волна страха немного отступила, мне стало очень обидно. Нет, вот надо было переться на другой конец света, чтобы тебя, за твои же собственные деньги, ухлопал какой-то недоделанный житель пустыни? Твою маман! Да лучше бы на меня дома кирпич свалился! По крайней мере, это не настолько экзотическая смерть. А самое смешное, что я этих бандитствующих потомков Али-Бабы только по телевизору видел! Вот сидел бы в Москве, так и дальше наблюдал бы все эти разборки исключительно по ящику. Не-е... меня сюда принесло! Как будто своих отморозков прямо на дому не хватало...

Обида на собственную невезучесть несколько заглушила панику, и поэтому снова включилось рациональное мышление. Радости оно не принесло, зато появилось хоть какое-то занятие. Теперь можно было досконально обдумать, почему я поверил словам девчонки о том, что нас завалят?

Хм, да все просто! Я наконец-то понял разгадку той загадки, что меня мучила с момента убийства охранника. Они нас не собираются куда-то везти. Переговоры проводить тоже никто не будет. Это ведь не террористы, и им заложники в пупок не уперлись. У этих козлов спецоперация была с задачей — захват американского полковника. И они ее выполнили. Без шума, без пыли. Причем очень быстро, буквально за пять минут. Так что теперь им надо быстро уходить. Но и фора по времени тоже нужна. Хотя бы на полчаса. До тех пор, пока сюда следующая экскурсия не пожалует или дикие одиночные туристы не забредут. За эти полчаса они через пол Израиля при желании проскочить успеют. Причем совершенно не таясь, а как вполне добропорядочные граждане. Не зря ведь даже одеты боевики не как обычно — во что-то грозно-военное или полувоенное, при разгрузках, берцах и прочих прибабах, а вполне обычную гражданку. И скинь они «арафатки», ремни с подсумками да пистолеты-пулеметы, как моментально внешне перестанут отличаться от туристов или местных жителей. И ищи их, свищи... А американца по своим каналам потихоньку переправят в нужное место. Или здесь же, у евреев, встречу с папашей этого женоподобного типа проведут и всё.

Ну а мы — лишние свидетели. Да и стоим уже возле стенки, как по заказу. Чего уж проще — в три ствола замочить двенадцать человек... Это десять секунд времени. И еще немножко на добивание раненых. После чего бросить оружие, рассесться по машинам и — гоу! Документы-то у них наверняка в полном порядке, поэтому никаких проверок на дороге эти ребята не боятся...

Стоп. А может, нас просто свяжут всех, кляпы в рот запихнут и уедут? И останутся все живы-здоровы! М-м-м... цыкнув зубом, я скривился. Шиш! Мы знаем задачу, мы видели лицо главного, мы слышали разговор про недовольного отца... Нет, живыми не выпустят. Да и просто нажать на курок гораздо быстрее, чем качественно запаковать такое количество людей. А потом они возьмут один или парочку трупов с собой, отвезут к подножию горы и закинут в овраг. После этого исчезновение полковника уже вовсе не так будет бросаться в глаза. Что даст еще какую-то фору и запутает следствие. Пусть и на время...

ГЛАВА 2

От этих мыслей мне стало совсем нехорошо. Но почти сразу появилась злоба. Фигассе! Какие-то бедуины-бабуины меня просто так, походя, пристрелят? Эх, сюда бы ствол, я бы им показал, что такое русская спецпура! Но с голыми руками шансов нет... Даже если прыгну на пацана, то здоровый меня в полете срежет...

А может, чернявая с переводом ошиблась или не так их расслышала? С внезапно вспыхнувшей надеждой я повернул голову налево и, стараясь не шевелить губами, уточнил:

— Они прямо так и сказали, что убьют?

Мне в ответ тихонько всхлипнули:

— Большой сказал молодому что-то вроде — «господин, идите в машину, мы сами тут все закончим». А молодой отказался...

Нет, не ошиблась... Точно — хана...

И глазки у этого малолетнего упыря что-то уж совсем странно загорелись. То ли маньячит потихоньку, то ли в первый раз в жизни людей кончать будет, вот и мандражирует. Ухватившись за эту мысль, я приказал себе перестать трястись и попробовать прикинуть дальнейшее развитие ситуации. Может, хоть что-то это даст. Так... щегол явно нервничает, постоянно облизывая губы. Да и пальцами — вон как рукоятку автомата сжал. Сейчас его вскинет и начнет стрелять? Хм, вряд ли... Ему для стрельбы повод нужен будет. Это здоровяк без особых эмоций всех бы покрошил. Потому как профессионал. А мелкий змееныш волнуется. Но и упивается ситуацией. Так, так, так... Истероидный тип? Угу, похоже. Значит, наверняка — будет искать повод. Доколуется до какой-нибудь мелочи, разорется и только потом, брызгая слюной, начнет палить. Весь магазин выпустит, тем самым доказывая, что он взрослый мужчина и кровавых дел не боится. Себе доказывая, «Шварценеггеру»-няньке, бойцам своим вонючим, папику долбаному...

Ага — вроде пока все логично. То есть для начала он обязательно должен подойти к кому-то из нас и завести разговор. Понятно, что их время сейчас сильно поджмает, но с момента уничтожения охранника прошло всего несколько минут. Шума боевики не наделали и могут себе позволить в боевой обстановке провести дрессуру молодого волчонка. Точнее, не просто рядового волчонка, а сыночка очень крутого папика.

Да уж, действительно, Восток — дело тонкое. Вот, захотел отпрыск арабского набоба лично гяуров пострелять, и запретить ему никто не осмелился. У здоровяка только и хватило духу, чтобы мягко ему посоветовать уйти, пока спецы будут заниматься своей работой. А пацан в ответ закусил удила — как же, ведь его уход может быть воспринят подчиненными как слабость. Глупо это, конечно, и непрофессионально... совсем непрофессионально. Но нам сейчас любые ошибки противника на руку...

Единственно — отпустит ли его «Шварц» одного, пусть даже на эти пятнадцать-двадцать шагов? Или будет идти рядом? Вообще-то должен отпустить. Ведь, идя рядом, он подвергнет сомнению способность мелкого гада к самостоятельным поступкам и тем самым принизит его самооценку. Да и кого опасаться? Толпу старичков? Щупленького полубоморочного гида? Тех трясущихся жиробасов из Лос-Анджелеса? А может, меня с девахой? Вряд ли. Я, конечно, вовсе не выгляжу задохликом, но внешний вид сейчас играет на меня. Одна панамы чего стоит...

Да и не догадываются они, что тут русский затесался. Группа ведь иностранная. А все эти иностранники с детства приучены в подобных ситуациях не рыпаться. Поэтому щегол должен пойти один... Угу — в поисках повода. Будет идти, заглядывая каждому в глаза. Ощущая себя вершителем судеб. Накачиваясь куражом и предвкушением. А как накачается — начнет...

Так может — дать ему повод? Что я теряю? Если он начнет с того края, то шансов вообще не останется. А если ко мне подойдет в упор, то хоть прикрыться им попробую. Автомат сдернуть, конечно, не успею. Пистолет... нет, ствол у него в кобуре. Остается нож, рукоять которого торчит из ножен на ремне. Вариант, конечно, дохлый. Очень дохлый, но это лучше, чем ничего. И если здоровяк при нем действительно нянькой работает, то в первую же секунду меня не пристрелят. Не пристрелят из-за опасения зацепить командира. Главное — самому не подставиться. А там — куда кривая вывезет. Но всяко-разно это лучше, чем подохнуть вообще без всякого трепыхания! Уж щегла я завалить сумею и тем самым расстрою «Шварценеггера» до невозможности. Ведь папаша этого недомерка за смерть сына со всех боевиков голову снимет. Хоть какая-то радость напоследок...

Все эти соображения заняли не больше полудесятка секунд, и арабчонок еще не успел согнать упрямое выражение с морды, возникшее после вопроса своего зама. Выражение-то

не согнал, но глазами уже начал обшаривать строй людей, стоящих возле стенки. Значит, сейчас всё и завертится.

План вчерне сложился, и, может, мы со стоящей рядом незнакомкой, ошибались в своих предположениях, но быть оптимистом в данной ситуации просто глупо. Упустишь момент — помрешь совсем бесполезно... Да и адреналиновая волна уже пошла по телу. Поэтому, опять повернувшись к еврейке, я тихо сказал:

— Когда все начнется, встань за меня.

— Что начнется?

— Просто держись позади меня. Поняла?

Девчонка, может, и не совсем поняла, но взглянула вполне осмысленно, кивнув в ответ. А я почти в голос добавил:

— Дорогая, отпусти, пожалуйста, руку.

Есть контакт! Араб, который уже собирался подойти к середине строя, услышав мой голос, нехорошо улыбнулся и направился к нам со словами:

— Чего это вы там шепчетесь, дети собаки?

Здоровяк и второй бандит при этом остались на месте, с интересом наблюдая за развитием событий. Даже оружие к плечу не вскинули, продолжая контролировать толпу просто направленными в ее сторону стволами. Здорово! Получается, что подляны не ожидают и дают право пристрелить меня с девахой именно этому салабону. А на себя возьмут остальных.

И нож у арабчонка без предохранительного темляка. Держится только за счет пружины в ножнах. Это радует, так как после начала моего движения каждое мгновение на счету будет. Тем временем сынок высокопоставленного папы, остановившись напротив нас, повторил свой вопрос:

— Чего замолчал, гяур? У себя в Америке вы обычно очень голосистые. А сейчас уже штаны мокрые? — И, обращаясь к наполовину спрятавшейся за меня барышне, добавил: — И ты, еврейская свинья, не прячься, не поможет. Когда твои соплеменники убили моего старшего брата, я поклялся уничтожить тысячу израильтян. Пришло время исполнять клятву.

После чего сдвинул кобуру на живот и картинно положил на нее руку. А я, чувствуя плечом, как трясет прижавшуюся ко мне девчонку, просто стоял, кусая губы. Черт, черт, черт! Прогодал... Этот мудака, конечно, стоит всего в двух шагах от меня, но вот «Шварц», хоть и не стал подходить ближе, зато просто сместился по фронту и теперь вскинув свой «микро-узи»,¹³ снабженный длинным набалдашником глушителя, полностью контролирует ситуацию. Стоит мне только дернуться, здоровяк наплюет на все педагогические порывы и просто нашпикует возникшую для своего подопечного опасность свинцом.

Блин, а я так рассчитывал, что мелкий ублюдок подойдет вплотную и начнет, брызгая слюнями, шипеть мне прямо в лицо. А может?.. Вспомнив любимое словечко нашего курсового «залетчика» Рината Игнатуллина, я пробормотал:

— Иншалла.¹⁴

Бандиту, наверное, показалось, что он ослышался, и, сделав шаг вперед, щегол переспросил:

— Что? Что ты сказал, американец?

И как раз в этот момент с другой стороны нашей шеренги послышался надтреснутый вопль:

— Она не дышит! Не дышит! Вы ее убили!

¹³ Израильский пистолет-пулемет кал. 9 мм.

¹⁴ Считается что это значит — «на все воля Божья». Но более верно это звучит так — «может да, может, нет» и не несет с собой никакой христианской обреченности. То есть с одной стороны воля конечно Божья, но и человек вполне может поучаствовать в решении своей судьбы.

«Шварценеггер» и второй автоматчик машинально повернули голову в сторону шума. Арабчонок тоже. И даже захотел отступить назад, дабы получше разглядеть, из-за чего возник незапланированный переполох и кто именно там «не дышит». Но я, начавший работу за мгновение до неожиданного даже для меня вопля, не дал ему этого сделать. Ухватив за тонкую шею, подтянул бандита ближе и со словами: «Я — русский!!» — ткнул большим пальцем ему в глаз. Морда у него была повернута, поэтому тычок вышел не очень удачным. Но боевику и этого хватило. А пока он еще только вскидывал руки к поврежденному месту, одним рывком развернул легкого пацана спиной к себе. Кобуру он, конечно, исключительно вовремя сдвинул, вот я и смог заранее разглядеть, что там не пистолет, а револьвер, который вовсе не нужно взводить. Это сыграло решающую роль, поэтому, не связываясь с ножом, схватился именно за револьвер. Здоровяк и автоматчик еще только поворачивались в мою сторону, а я, уже направив ствол в сторону замотанного в куфию мужика с автоматом, сделал два выстрела.

Зараза! Расчет на то, что у них лишь автоматы с глушителем, себя не оправдал... Кургузый уродец в моей руке оказался чем-то вроде нашего ОЦ-38,¹⁵ поэтому чуть слышно кашлянул и все. Черт, и где он только добыл настолько эксклюзивный ствол? Хотя какая сейчас разница, главное, что возможность звуком выстрелов поднять тревогу меня отсутствует! А ведь так надеялся, что бабахами привлеку внимание кого-нибудь. Место, конечно, пустынное, но чем черт не шутит. Вдруг кто-нибудь по округе бродит. Те же археологи, например...

Только, видно, не судьба... Ну и хрен с ним! Главное, что мне удалось попасть и автоматчик упал, а я, не теряя времени на пустые сожаления и пытаясь спрятаться за щупленькой фигуркой неудачливого террориста, каким-то мерзким фальцетом завопил:

— Оружие на землю! Оружие на землю, а то я убью этого человека! Оружие на землю!

После моего крика послышался топот ног. Ага, понятно, это сюда бегут те, кто полковника к машинам утаскивал. То-то сейчас им радости будет от незапланированно изменившейся ситуации! Или я перед смертью «порадуюсь», если ошибся в своих расчетах и мой заложник представляет гораздо меньшую ценность, чем рассчитывалось.

Но прошло уже секунды четыре, а по мне пока никто не стреляет. Все члены тургруппы, как будто им ноги подружили, с началом пальбы повалились на землю, прикрыв голову руками, а бандиты всё молчат. И ведь не посмотришь, что они там делают, так как стоит только высунуть голову, как ее моментом прострелят. Тут даже гадать не нужно. Поэтому я и не высовывался, продолжая орать, срывая горло:

— Оружие на землю! Быстро! Оруж... Кхе кхе...

От волнения я перестарался в громкости поэтому, пустив позорного «петуха» закашлялся. Да и английский для показания экспрессии и непреклонности намерений как-то не очень подходит... Наверное, поэтому машинально стал вносить в свои требования русские непарламентские выражения:

— Стволы на землю, суки! Я ему б...ь башку сейчас отстрелю в п...у! Вы, п...ы, маму вашу через семь коромысел, выполнять приказ! Е...е папуасы, быстро оружие положили!

А сам тем временем, чтобы оценить обстановку, присел еще ниже и используя обмотанную вокруг шеи щегла «арафатку» как удавку, осторожно на секунду выглянул из-под его локтя. Этой секунды хватило, чтобы увидеть, что двое захватчиков, вбежавших во двор, остановились, повинуясь жесту здоровяка, и застыли недалеко от входа на площадь. И вот еще что интересно — действительно у «Шварца», когда он услышал русские маты, глаза, видимые в щель куфии, расширились, или мне показалось? Хотя какая разница? Главное, что они автоматы так и не побросали! Чувствуя противную дрожь в коленках, я выдал длинную матерную тираду на родном языке, закончив ее, однако, по-английски:

¹⁵ Бесшумный револьвер под спецпатрон СП-4 разработанный И. Я. Стечкиным.

— Считаю до пяти и, если вы не бросите стволы, убиваю этого крысеныша! И пох... что будет дальше! Раз! Два!

И тут услышал хриплый бас, ответивший на том же английском:

— А если мы сейчас перестреляем заложников? И первой будет твоя баба! А сам ты пожалеешь, что родился на свет. Лично тебе буду кишки выпускать!

— Ха! Начинай! Тогда вторым, после девушки, будет этот п...с! И живым вы меня один хрен не возьмете! Три! Четыре!

И бас сломался:

— Стой, не стреляй! Мы положим автоматы и отойдем, а ты отпустишь Ахмета.

После этого послышался металлический бряк. Еще раз выглянув и убедившись, что оружие террористы действительно положили на землю, я продолжил выдвижение требований:

— Эй, здоровый, возьми рацию и скажи снайперу на башне, чтобы выбросил винтовку! Говори!!!

Этот снайпер был самым уязвимым местом моего плана. То есть там была, конечно, целая куча этих мест, но снайпер... Я ведь его не видел и поэтому пока тыкал в глаз арабчонку, попутно выдирая ствол, все время ожидал выстрела. Но видно, стрелок тоже несколько отвлекся на крик, поэтому момент упустил. Или, что гораздо вероятнее, как только боевики взяли ситуацию под контроль, занялся наружным наблюдением, следя за дальними подходами. А когда все завертелось и я уже палил в автоматчика, то он мог видеть только мою руку с револьвером. Вот и побоялся работать, опасаясь задеть главаря. Да и сейчас наверняка какие-то части моего тела, выступающие из-за щегла, он может наблюдать. Но, видимо, не жизненно важные, поэтому и не стреляет. Ведь если меня только ранить, я всегда могу успеть нажать на курок, а лишняя дыра в организме арабчонку точно здоровья не прибавит!

Но от этого стрелка один черт надо избавляться как можно быстрее, поэтому мне пришлось снова завести счетчик:

— Б...ь! Не вижу винтовки! Считаю до пяти и ваю вашего п....а! Раз! Два! Три!

— Подожди! Сейчас, сейчас он ее выбросит!

Ага — здоровяк опять поддался и что-то начал говорить по-арабски. Наверное — в рацию. А я спросил у стоящей за моей спиной девушки:

— Чего он бормочет?

— Не слышу... Кажется, что-то про оружие.

— И что?

— Пока ничего... подожди... вот! Выкинул!

Ну, одной головной болью меньше. Но только одной. На самом деле все только начинается, а чем закончится, вовсе не известно. Сильно ткнув стволом начавшего трепыхаться заложника, я более смело высунул голову и окинул взглядом создавшуюся диспозицию. Понятно, что у снайпера есть альтернативное оружие, но до бойницы, откуда выпала винтовка, достаточно большое расстояние, поэтому пистолета можно не опасаться. Да даже если там и автомат, точнее говоря, пистолет-пулемет у помощника снайперюги найдется, то стрелять все равно никто не решится. Пока не решится. Но стоит мне отпустить заложника, из любой щели могут начать пальбу. Я ведь не знаю, сколько их всего собралось. В принципе, должно быть не более десяти человек. То есть от семи до десяти. Один уже лежит. Один у меня. Трое передо мной. Один-два на башне. А где еще трое, можно только гадать.

Радует, что за спиной стена капитальная, без проломов, и оттуда ни одно мурло не вылезет. Но больше поводов для радости не вижу. Пока сыночек крутого папы пердит от переживаний, выгибаясь от упертого в поясницу ствола, все застыло в равновесии. Только вечно так продолжаться не может...

Всей шкурой ощущая общую напряженность ситуации, я обильно потел, чувствуя себя мужиком, поймавшим тигра за хвост. И держать боязно, и отпустить — смерть. Правда,

потел не просто так, а попутно перебирал варианты. В конце концов, решившись, крикнул стоящим шагах в двадцати от меня бандитам:

— Снимайте подсумки и отходите к выходу. Вон туда! Когда мы заберем автоматы, я освобожу вашего человека!

Здоровяк, просунув руку под платок, поскреб шею, а потом, повелительно кивнув стоящим рядом арабам, принялся стягивать с себя амуницию. Через минуту, покидав боеприпасы рядом с оружием, они отошли еще шагов на тридцать, расположившись возле кучи валунов перед входом. А я, очередной раз ткнув стволом в почку мелкого крысеныша, которому никак не стоялось смирно, спросил у девчонки:

— Тебя как зовут?

— Та, не выходя из-за моей спины, ответила:

— Майя.¹⁶

Хм, имя какое-то не еврейское. Но сейчас это роли не играет никакой. Поэтому, не теряя времени на посторонние мысли и понимая, что помощи ждать мне больше все равно не от кого, попросил:

— Майя, ты сейчас медленно и спокойно подойдешь к лежащему оружию, соберешь автоматы и подсумки, после чего принесешь всё сюда. Поняла?

Барышня от такого предложения вздрогнула, но после пятисекундного молчания ответила:

— Поняла. Только мне очень страшно...

Я вздохнул:

— Мне тоже, но деваться некуда. Если я сам пойду, да еще и вместе с этим арабом, то меня из любой дыры могут пристрелить в спину. Если я начну передавать тебе револьвер и меняться местами, чтобы ты встала возле заложника, то в этот момент нас тоже кто-нибудь сможет подстрелить. И тогда всех положат. А пока этот пацан у меня в руках, тебя не тронут... Ну что, сделаешь?

Девчонка вместо ответа всхлипнула и, вывернувшись из-за меня, какой-то деревянной походкой направилась к амуниции. Ну вот и хорошо... А то я боялся, что она струсит и откажется идти. Тогда — пиши пропало. Но сейчас мы еще повоюем.

Глядя, как Майя, сгибаясь под тяжестью барахла, возвращается обратно, я довольно кивнул и приказал подошедшей девчонке:

— Возьми оружие и подсумок с боеприпасами на себя надень.

Мокрая как мышь деваха, глянув на меня шальными глазами, выполнила все, что было сказано, и, опять спрятавшись сзади, жарко прошептала:

— Там, возле пролома сидит автоматчик. Я его заметила, когда назад шла.

— Понятное дело. Такую хорошую позицию не занять просто нельзя. Ну да черт с ним! Ты сейчас лучше достань во-о-н из того подсумка гранату, слегка разогни усики и дай ее мне.

Получив тяжеленький кругляш, удовлетворенно ощерился — знакомая штучка. Да и как ей не быть знакомой, когда это киданная мною сотни раз русская Ф-1! Продемонстрировав «лимонку» здоровяку, я с трудом запихнул ее в тесный нагрудный кармашек на сетчатой жилетке арабчонка. Запихнул так, чтобы скоба торчала наружу, и крикнул:

— Скажи своим людям, чтобы никто не вздумал стрелять, а то я вашего человека заминировал. Вот видишь — у меня палец в кольцо продет. Если я упаду, то и ему конец!

«Шварценеггер», нервно переминающийся с ноги на ногу, заволновался:

— Эй, мы так не договаривались! Ты обещал его отпустить, когда получишь оружие! Мы свое оружие отдали, теперь ты должен выполнить обещание!

Щаз! Спешу и падаю! Совсем меня за дурака держат... Вместо ответа я опять спросил

¹⁶ Майя (от маим — вода (*ивр.*) — еврейское женское имя.

свою напарницу:

— Майя, у тебя веревочка есть?

— Какая?

— Любая! Можно леску или проволочку... что, нет? Жалко... Тогда держи!

Я передал ей револьвер и, не вынимая палец из кольца, принялся стягивать куфию с шеи яростно сверлившего меня одним глазом пацана. Второй у него тоже был на месте, просто в данный момент не открывался, заплыв сильной опухолью. Подмигнув косому пленнику, я отдал платок девчонке, сказав:

— Оторви от нее две полоски и дай мне. Сделай одну ленту потолще, я ею руки этому парню свяжу, а другую тоньше — ее за гранатное кольцо завяжу. Сможешь?

— Конечно!

— Тогда — действуй!

За спиной какое-то время слышалось сосредоточенное сопение, а потом треск разрываемой материи.

— Ой!

Я напрягся:

— Что «ой»?

Майя, разглядывая оторванный шматок, виновато сказала:

— Криво вышло...

— Ничего страшного! Давай его сюда и делай второй пошире, для рук.

Пока девчонка мучилась с «арафаткой», сильно переживающий «Шварц», внимательно следящий за моими манипуляциями, снова вступил в переговоры:

— Ты что творишь скотина? Мы ведь так не договаривались! Немедленно отпусти Ахмета. А то отсюда никто живой не уйдет! Нам без него не жить, но и вы жить не будете!

Я, привязав ленточку к кольцу и намотав на кулак длинный, почти полуметровый хвост, крикнул в ответ:

— Не ори! Все живыми останутся, если глупить не станешь. Ты сейчас собираешь всех своих людей, и которые возле тебя стоят, и тех, что за стенами прячутся. После чего садитесь в машину и едете вниз, до поворота. Там останавливаешься, и тогда я отпускаю к тебе Ахмета. По-другому никак не разойдемся! Согласен?

— Дай подумать.

— Думай!

В этот момент подала голос наконец-то справившаяся с платком Майя:

— А как же тот турист, которого они с собой забрали? Ну, полковник? Ты их что — с ним отпустишь?

Я кивнул:

— Ага. Иначе ничего не получится. — И видя, что девчонка хочет возразить, пояснил мысль: — Если они заберут полковника с Ахметом, то просто уедут и все. Ни секунды лишней терять не станут. У них и так операция непозволительно затянулась. Ведь с момента убийства нашего охранника уже минут десять прошло... А вот если я затребую полковника, то, получив Ахмета обратно, они вполне могут пойти на штурм, чтобы вернуть полковника и выполнить свою задачу. В данной ситуации лишние пять минут, при общей тишине и спокойствии вокруг, для них роли не сыграют. Ну а я один против них не потяну. Да и ты ведь не из боевых подразделений? Вот видишь... Значит, бой вести не сможешь. И тогда ляжем все.

— А если им Ахмета не отдавать? Пока он у тебя, смотри какие они послушные!

Я фыркнул:

— Если боевики заподозрят, что им пацана не отдадут, то штурм начнется еще быстрее. Со всеми вытекающими последствиями. Нет уж! Я не Рэмбо, поэтому пусть забирают обоих и уматывают! Или есть возражения?

Майя, тяжело вздохнув, покачала головой. Хм, быстро же она очухалась от потрясения, возникшего во время захвата. И как всякая женщина, сразу же, как только ситуация более-

менее выправилась, захотела большего. Но вообще наш диалог мне сильно напомнил сказку о рыбаке и рыбке. Если конкретнее, то как раз тот момент, со словами: «Не хочу быть царицей земною, хочу стать владычицей морскою!» Правда, кареглазая принцесска, в отличие от сказочной бабки, сумела найти в себе силы и вовремя остановиться. А ведь мне нужно было именно ее согласие. Обдуманное согласие, а не выжатое. Просто я должен наблюдать, как арабы грузятся и уходят, а она все это время будет оставаться на месте, держа Ахмета на поводке. И если бы я не стал объяснять побудительной причины своего поступка, то кто его знает, что придет девчонке в голову?

Вдруг почувствовав себя хозяйкой положения, она объявит арабчонка своим личным пленником и начнет качать права? Нет уж! Лучше все разжевать и быть спокойным...

— Эй, русский!

О, здоровяк голос подал!

— Чего тебе?

— Мы согласны! Но если ты опять обманешь или станешь выдвигать новые условия, то мы вернемся и уже тогда разговаривать ни с кем не будем! А смерть твоя будет настолько страшной, что даже я испугаюсь!

— Я тоже пугаюсь, поэтому говорю правду! Если ВСЕ твои люди уедут к повороту, то я сразу же отпущу Ахмета. Он мне не нужен! Мне главное, чтобы вы нас в покое оставили!

— О'кей! Только кто будет за нами наблюдать?

— Я! А девчонка вашего пацана посторожит!

— Не пойдет! Жизнь Ахмета я еврейке не доверю! Пусть она смотрит, а ты его сам контролировать будешь!

Блин! Видно, здоровяк тоже хорошо шансы прикидывать умеет... Но еще раз хоть как-то подставлять девушку мне вовсе не хотелось, поэтому я крикнул в ответ:

— Нет! Я ей доверяю, и этого достаточно! А тебе придется доверять мне. Поэтому начинай действовать!

«Шварц» сплюнул и махнул рукой:

— Хорошо!

А я, передав веревочку Майе, попросил:

— Смотри внимательно и от стены не отходи. Я скоро вернусь.

После чего, подняв ранее сдернутый с заминированного главаря «узи», замотал ему руки обрывком «арафатки» и, напялив на себя один из трофейных ремней с подсумками, притащенных Майей, потопал в сторону выхода. Шел и по пути сильно боялся, даже не того, что боевики шутки шутить начнут, а того, что наши странные движения могут заметить какие-нибудь посторонние люди. Пусть вокруг и пустынно, но по закону подлости какой-нибудь водитель из изредка проезжающих по нижней дороге машин разглядит, что здесь происходит. Две минуты назад я об этом мечтал, а сейчас, когда ситуация стала разруливаться, поднятая ими тревога могла бы мне конкретно икнуться. Аборигены тут все дерганные до невозможности, и многие гражданские ходят с оружием. Вот увидят боевиков и вполне могут вообразить себя героями. Ладно, если просто отзвонятся воякам. А если стрелять начнут? Тогда все выйдет из-под контроля и шансов выжить у меня практически не останется...

Но пока нас вроде никто не замечал и, пройдя к выходу, я мог наблюдать, как террористы грузились в свой микроавтобус и «тойотовский» джип, которого я раньше не видел. Точнее — четверо заскочили в «фольксваген» и еще трое, включая здоровяка, разместились в «тойоте». При этом «Шварц», перед тем как сесть в машину, довольно буднично сказал:

— Смотри, русский... Ты, насколько я успел понять, человек достаточно умный. И прекрасно понимаешь, что наше время уже вышло. Так что или через пять минут мы уезжаем с Ахметом, а вы продолжаете жить спокойной жизнью, или мы все, включая вас, превращаемся в шахидов. Мы в добровольных, так как вернуться без сына хозяина просто нельзя, а вы — в вынужденных. Поэтому тянуть не советую.

После чего захлопнул дверь и джип, выкинув мелкие камешки из-под колес, рванул вниз по серпантину.

Я, глядя им вслед, только сплюнул. Ай-яй-яй... Как все нехорошо выходит... Можно сказать — очень плохо. Нет, меня напрягли не слова здоровяка — они как раз были вполне нормальны и ожидаемы. Мне категорически не понравилось то, что я увидел их машины. Точнее, что мне позволили их увидеть. И это могло означать лишь одно — живым меня любому оставлять не собираются. Остальных туристов, скорее всего, не тронут — тут уж не до жиру. А вот русского, который сломал все планы, уберут. Уберут по двум причинам — я видел, на чем они поехали, и, значит, буквально через полчаса полиция начнет искать именно эти колеса. А вторая... Хм, тут все упирается в менталитет и престиж. И то, и другое требовало от «Шварца» превратить меня в жмурика, чтобы можно было сказать: «Кяфир, поднявший руку на молодого господина, нами уничтожен». Потому как при проведении операции он допустил огромный косяк. И винить в этом косяке будут вовсе не невздержанного в своих желаниях сопляка, а того, кто допустил, что сына хозяина захватил какой-то турист. И только смерть дерзкого неверного может слегка выправить ситуацию.

Ой, тошненько мне... Хотя... Я очередной раз сплюнул, наблюдая, как машины боевиков подъезжают к повороту, и взбодрился. А чего, собственно говоря, горевать? Ведь предполагал, что они обязательно кого-то здесь в засаде оставят. Или в развалинах, или в — «зеленке». Просто не могут не оставить. А вдруг русский опять начнет фортели выкидывать? Тогда этот засадный стрелок меня тупо валит, плюя на все последствия. А потом вернувшиеся бандиты устраивают здесь кровавую баню, после чего героически гибнут в неравной схватке с подъехавшими вояками. В том, что вояки подъедут, я несколько не сомневался. Там, в оставшихся возле Майи подсумках, гранат вполне хватает, так что бесшумное оружие перестает играть. Да и я при падении устраиваю такой бабах, который и в Эйлате услышат.

Это первый вариант развития событий. Второй же, гораздо более приятный для террористов — это тот, где я просто отпускаю Ахмета. И как только он берет гранатный «поводок» в свои руки, меня тут же валит оставшийся в засаде бандит. Валит лишь для того, чтобы «Шварц» мог сказать коронную фразу насчет «кяфира, поднявшего руку»...

Только вот здоровяк, конечно, может быть, и профи, но, видно из-за большого расстройства, ошибку с машинами допустил. Или просто недотумкал, что я это просеку. А надо было. Зато теперь точно знаю, что меня ждет. Без вариантов. Но на первоначальный план передачи арабчонка это никак не влияет. Ну не думали же они в самом деле, что русский, стоя посреди дороги, вытащит гранату из жилетки щегла и широким жестом предложит ему бежать к своим? Щаз!

У меня на это свой план заготовлен, и пока машины ехали к повороту, я все, что надо было, приглядел. А надо мне было укрытие, в котором можно было залечь и только потом отпустить заложника. И подходящее место нашлось. С одной стороны прикрытое большим деревом, а с другой — нехилым валуном. Как говорится — то, что доктор прописал! Поэтому, махнув рукой вылезшим возле дорожного указателя боевикам, я повернулся и, скользнув взглядом по нашему автобусу, пошел обратно.

А там практически ничего не изменилось. Лишь двое туристов хлопотали возле лежащей в тенике бабки, да еще один сухонький старичок стоял рядом с Майей, воинственно сжимая в руках кургузый пистолет-пулемет. Да уж, вот что значит старая закалка. Те, кто помоложе, так и валяются жопами кверху, а этот старик... вроде канадец... ну да, точно канадец, один из тех, кто в самом начале сбежать хотел, возбужденно сверкая глазами, при моем подходе поинтересовался:

— Помощь нужна? Ты не смотри, что я старый! Рука еще крепкая! И хоть вот это, — дедок с сомнением взглянул на ствол, — и оружием не назовешь, но будь уверен — не промахнусь.

Хмыкнув, я ответил:

— Конечно, нужна, — и обращаясь к Майе, добавил: — Сейчас пойду отдавать пацана,

а ты возьми автомат нашего охранника, да и остальную амуницию, и уводи людей вон в то строение. Пусть у него задней стенки нет, но хоть с боков прикрыты будете.

Барышня, передавая мне веревку, привязанную к кольцу гранаты, кивнула и поинтересовалась:

— А ты?

— Я же сказал — пойду этого крысеныша отдавать. Но если через пять минут не вернусь, начинай стрелять из оружия охранника. Хоть в воздух, лишь бы шум был. Только не раньше, а то меня там ухлопают. Поняла?

— Да. А...

Она как-то замялась, и я вопросительно поднял брови:

— Чего?

— Может, мы этого, — девушка с Ненавистью покосилась на пленного боевика, — отпустим прямо отсюда? Зачем тебе выходить? Все спрячемся, где ты посоветовал, и отпустим. Они ведь не должны вернуться, ты сам говорил... А как отпустим, так сразу стрелять начнем. Это их здорово подстегнет к бегству...

Во блин! Я тут планы рожаю один за другим, а ведь все действительно очень просто! На хрена мне куда-то переться и подставляться под пули, когда можно спокойно занять оборону и только потом выпускать араба! А уж если сразу за этим начать пулять из «узи», то никто сюда уже точно не вернется. Террористам до основной трассы минут десять ехать надо, поэтому они подхватят своего облажавшегося главара и пулей отсюда рванут, забыв про все планы мести! А я ведь так лоханулся потому, что про оружие убитого парнишки совсем не подумал. Оно ведь без глушителя, так что сейчас такой грохот устроим, чертям тошно станет! Можно было, конечно, снять глушители с трофейных пистолетов-пулеметов, но они почему-то не откручивались, вот я и оставил эту затею. Зато сейчас...

На радостях я чуть было не чмокнул сообразительную девчонку, но неожиданно застыл. Твою маман! Ну не идиот ли? Нет, понятно, что со страха да с переполоха мозги слабо соображали. Но ведь это на поверхности лежало, как же я сразу не допер!

Майя, увидев внезапное изменение выражения моего лица, встревоженно выпалила:

— Я опять что-то не то сказала?

— Нет, ты умница и все правильно придумала. Просто меня еще одна мысль посетила. Поэтому давай, собирай туристов и гони их куда задумано. А я — сейчас...

После чего, не обращая внимания на девушку, принялся хлопывать гордо молчащего Ахмета. И почти сразу нашел, что искал. А именно — телефон. И ведь еще по одному телефону есть у убитой сержантки и у охранника. Их, а также ныне умершую бабу, боевики не обыскивали. А так как в наше время выйти из Дому без «сотки» это все равно, что выйти без штанов, то связью мы сейчас обеспечены по самые уши!

Главное теперь, чтобы прячущийся стрелок не разглядел, что же я взял у арабчонка. Или он сам не завопил, предупреждая террористов. Но это вряд ли. Не такое у него состояние, чтобы помирать сейчас. Поэтому будет молчать до тех пор, пока не добежит до своих. А «Шварц», узнав о новой опасности, тут же, забрав своих нукеров, даст деру.

Поэтому, сунув трофейный телефон в карман я, глядя, как последний турист исчезает в здании, завопил в никуда, при этом имея в виду Оставшегося стрелка:

— Эй! Я сейчас отхожу к Остальным и сразу отпускаю вашего человека.

После чего сделал, как обещал. Подтянув Ахмета ближе к стене, смотал ленточку, привязанную к гранате, в комок и, — сунув получившееся макраме арабу за пазуху, тут же нырнул в дверной проем. И уже оттуда сказал ему:

— Чего Встал? Беги к своим! Бывший пленный, Поняв, что его действительно отпускают, сразу преобразился. Выпрямился, расправил плечи, засверкал глазом, но, однако, после высокомерного плевка в нашу сторону, больше никак своего отношения показывать не стал и довольно резво порысил к выходу. Я же, глядя ему вслед, подумал, что именно присутствие вот этого гонористого малолетнего дилетанта нас всех и спасло. Без него «Шварц» со своими людьми сразу бы изъяли полковника, покрошили свидетелей и умотали.

А «папин сыночек» своими действиями им все обломал. Прямо хоть свечку за него ставь... Хотя через пару-тройку лет этот волчонок в волка превратится, и если и втыкать за него свечку, то только ему же в задницу. Так, чтобы по самые гланды...

В общем, посмотрев, как Ахмет добежал до входа и скрылся из глаз, я обернулся и протянул удивленно вытаращившейся на меня девчонке телефон:

— Давай звони, куда там у вас в таких случаях звонят? А мне вон в ту дырку понаблюдать надо, как он до остальных дойдет. И уедут ли они после этого...

Мая, вцепившись в трубку, как утопающий хватается за спасательный круг, тут же принялась набирать номер, а я, поставив канадского дедушку с пистолетом-пулеметом возле дверного проема, подошел к пролому в стене.

Начала дороги отсюда видно не было, но большая ее часть, а самое главное стоящие внизу террористы просматривались хорошо. И по тому, как начал разворачиваться джип, стало понятно, что своего главаря они заметили. Заметили и захотели подъехать к нему. Но мы так не договаривались, поэтому, ухватив неудобный и маломощный «узи» охранника, я несколькими одиночными выстрелами обозначил свое недовольство. Да уж... после чуть слышного кашлянья бесшумок, грохот пальбы заставил поморщиться. Попутно он взвил целую стаю птиц, которые с громкими криками начали кружить над рощей, растущей вокруг развалин. Но он же сразу прекратил всяческие незапланированные движения. «Тойота», клюнув носом, остановилась, и выскочивший из нее здоровяк, погрозив в нашу сторону кулаком, остался на месте.

Вот так вот. Стой, грозись, но близко не лезь... А еще секунд через десять я увидел Ахмета. Связанные за спиной руки мешали ему бежать под уклон, но арабчонок все равно развил приличную скорость, шустро перебирая конечностями. Такими темпами изнервничавшийся «Шварц» уже через полминуты сможет прижать своего непутового командира к широкой груди. Единственно... Оторвавшись от карабина, я прищурился, пытаясь понять, что там у Ахмета между ног болтается. Вроде, когда он от нас уходил, ничего такого не было...

ГЛАВА 3

— Господин Корнев, Мухаммад-аль-Исрани достаточно авторитетный в определенных кругах человек. И свои клятвы старается выполнять. Нет, конечно, с одной стороны, его слова могут так и остаться словами, но с другой... Никто не может сказать с уверенностью, что придет в голову фанатику, и на всякий случай лучше отнестись к его обещаниям со всей серьезностью. Тем более что смерть сына он, похоже, воспринял как личный вызов...

Собеседник замолк, а я, глядя на древнего, как экскремент мамонта, старика, сидящего в инвалидной коляске, вместо ответа на заданный вопрос, тяжело вздохнул и горестно пробормотал:

— Ёперный театр... Ну ведь не я же этого Исраненка ухлопал!!! Я его отпустил. Живым! Кто же знал, что он настолько безмозглый, что умудрится сам себя подорвать? И чего этот бандитствующий папик именно ко мне прицепился?

Хотя, честно говоря, с этим я несколько лукавил, отлично зная, кто непосредственно приложил руку к отправке Ахмета в мир иной. Просто не подумал вовремя головой, вот араб и бабахнул. Ведь когда его отпускал, то была мысль достать гранату из кармашка жилета. Но так хотелось гранату хотелось, выпихнуть пленного побыстрее, что я на все плюнул и, оставив «лимонку» как есть, просто сунул ленточку, привязанную к гранатному кольцу, ему за пазуху. А пока этот архар скакал вниз по дороге, матерчатая веревочка распуталась и, съехав вниз, вывалилась из-под футболки. Вот он на нее, споткнувшись, и наступил... Может быть, все и обошлось бы, только подбитый глаз не позволил Ахмету сразу это заметить, а со связанными за спиной руками гранату от себя не откинешь. Да и карман, зараза, крепкий оказался. Будь на нем китайская жилетка, шитая гнилыми нитками, типа той, что у нас на базарах продают, глядишь, рывок просто бы оставил гранату валяться на дороге.

Но, видно, не судьба...

В общем, невезучий сынок крутого бандита взорвался, не добежав буквально десяти шагов до своего зама. «Шварц» ведь тоже заметил болтающуюся ленту и, сразу поняв, что это и чем может закончиться, громко вопя что-то по-арабски, побежал навстречу своему командиру. Чуть-чуть не успел...

Да я и сам охренел от этого зрелища. Нет, на жизни боевиков, будь они хоть посланцами Бога на земле, мне плевать, но сразу вспомнил, что было обещано в случае малейшего повреждения арабчонка...

Единственно — нет худа без добра, и когда эхо взрыва стало затихать, стало понятно, что и здоровяку досталась часть осколков. Во всяком случае, он лежал на дороге, не трепыхаясь и не отдавая громогласных мстительных приказов. А оставшиеся стоять возле машин шестеро террористов, похоже, тоже растерялись и не сразу начали действовать. Зато потом, компенсировав первоначальный ступор, зашевелились очень шустро. Я сначала даже подумал, что они, как и обещалось, дружно решив стать шахидами, рванули в атаку, дабы покарать вероломных неверных. Поэтому и принялся лихорадочно стрелять в суесящихся внизу людей. Только вот расстояние было большим, из-за чего постоянно мазал...

А бандиты, не очень обращая внимание на стрельбу, подхватив тушки «Шварца» и своего командира, запихнули их в машины и, дав по газам, моментально вышли из зоны обстрела. В смысле — нырнули за поворот и, судя по звуку удаляющихся моторов, уматывали во все лопатки. Только я, запуганный здоровяком, посчитал это гнусной провокацией с целью выманить нас из убежища, поэтому еще минут двадцать мы сидели тихо, как мыши. Сидели до тех пор, пока на площадку перед входом в замок не влетели два джипа и грузовичок, из которого горохом посыпались еврейские солдаты. Их никто не обстреливал, из чего можно было сделать вывод, что даже находившийся в засаде араб тоже смылся.

Ну а нас тут же разоружили и принялись обхаживать. Всаживать уколы, давать таблетки... Двоих старичков так вообще уложили на носилки и подцепили к капельнице. Я от всех этих излишеств отказался, но один черт, пришлось ехать до города на «скорой», так как наш автобус и машину, на которой приехали девчонки, шустрые подчиненные Ахмета, оказывается, успели заминировать. Зато карет «скорой помощи» сюда нагнали столько, что они целый полк обслужить смогли бы, будь поставлена такая задача. Поэтому, дав какому-то рав серену¹⁷ наводку на автомобили боевиков, я, с чувством глубокого удовлетворения от непокоянности собственной шкуры, уселся в белый с красными моголеновидами¹⁸ микроавтобус.

А дальше... Дальше было вполне ожидаемое действие. Не знаю как с остальными, а меня в тот же день взяли за хобот два очень вежливых и улыбчивых субъекта, которые в присутствии гораздо менее улыбчивого представителя Российского посольства принялись задавать самые разные вопросы. Что, где, как, кто где стоял, кто куда пошел, как у меня вообще возникла мысль сопротивляться, как я понял, о чем говорили боевики, не знал ли я раньше американского полковника. Ну и так далее...

Скрывать мне было нечего, поэтому, обозначив на схеме все, что вспомнил о местоположении каждого, напрочь отказался от знакомства с америкосом и честно признался, что в арабском ни бум-бум, а переводила разговоры бандитов красивая девушка Майя. Кстати, с огромным удивлением узнал, что, оказывается, далеко не все евреи понимают язык своих ближневосточных соседей. Это, выходит, нам еще крупно повезло, что Майя на заре своей юности входила в организацию «Шалом Ахшав»,¹⁹ активно дружащую с

¹⁷ Рав серен — Майор.

¹⁸ Звезда Давида.

¹⁹ Шалом Ахшав (Мир сегодня) — левоекстремистское движение выступающее за отход Израиля со всех

арабами, вот и смогла вовремя протолмачить.

Не знаю, что она делала в том кружке изучения иностранных языков, но ее переводы мне очень сильно помогли. Да что там — «помогли»! Без нее я бы так и пребывал в сомнениях до тех пор, пока бы нас стрелять не начали! А тут все очень в тему получилось.

Под занавес мне показали кучу фотографий, на одной из которых я с уверенностью опознал Ахмета, и отпустили. Чему, честно говоря, я был несказанно рад. А то всякие мысли были... Ведь, как ни крути, одного террориста я ухлопал собственноручно и труп его, когда нас увозили из крепости, так и оставался лежать на старинной брусчатке. Здоровяка с малолетним командиром утащили подельники, поэтому, что еще и их мне «пришьют», я не опасался, но вот тот, застреленный из револьвера, меня сильно тревожил. Ведь, при желании, вполне можно было повесить на Корнева превышение допустимой самообороны. Глупость, конечно, и подобный вариант развития событий проходил у меня как самый хреновый, но чего в жизни не бывает...

Только все обошлось. Пожали руку, поблагодарили и, узнав, что через два дня я уже вылетаю из страны, отпустили восвояси.

А за день до вылета нарисовалась Майя в сопровождении какого-то мужика, который представился Натаном Блохом и оказался ее женихом. Я сначала обрадовался встрече, но когда узнал статус сопровождающего, энтузиазм сразу увял. Только еврейка, оказывается, не просто так прикатила, а привезла приглашение от своего деда, который хотел лично отблагодарить спасителя своей внучки.

Ехать к чьим-то престарелым родственникам мне совершенно не хотелось, поэтому я брыкался как мог до тех пор, пока Натан не сказал, что это касается моей личной безопасности. Блох оказывается, служил крупным чином в израильской спецуре, и они в рабочем порядке получили сведения, касающиеся персоны некоего русского, который уничтожил сына достаточно высокопоставленного человека. После этих слов Майя с женихом получили мое моментальное согласие ехать хоть к деду, хоть к прадеду.

А после начала общения с пращуром Майи мне стало совсем грустно. Нет, я, конечно, нутром чувствовал, что арабчонок еще икнется, только рассчитывал уехать домой до того, как поднимется буча. Но не учел расторопности его папаши...

И как сказал в завершение своей речи престарелый Зив (да-да, господин Корнев, просто Зив. Я знаю, что у русских принято называть друг друга по имени-отчеству, но меня вывезли из Львова еще во младенчестве, поэтому я далек от этих условностей):

— Даже отъезд в Россию не обезопасит вас в полной мере от мести Исрани. Он ведь являлся правой рукой Аббаса Харауи, лидера «Эль-Мухафы», так что сами понимаете, какими возможностями обладает этот человек.

На это я только и смог, что почесав затылок, протянуть:

— М-да... попал...

А Зив, грустно глядя на меня, продолжил:

— Тут ведь еще надо учитывать такой момент, что у Исрани больше никогда не может быть детей. Восемь лет назад, в Афганистане, немцы его ранили в такое место, что продолжение рода стало невозможно. Кстати, в том же бою был застрелен и его старший сын. Еще двое погибли в результате неудачно проведенного теракта, в Мадриде. А вы убили последнего.

Тут меня прорвало:

— Вот дебил! Если остался последний продолжатель рода, чего же его на такое рискованное мероприятие посылать? А теперь, козел такой, крайних ищет!

Зив пожал плечами:

— Менталитет. Руководитель подобного ранга должен жертвовать всем, ради достижения общей цели. Во всяком случае, хотя бы делать вид, что жертвует. И делать это публично. А то он очень быстро перестанет быть руководителем. Но Мухаммад-аль-Исрани

не делал вид. Этот человек — фанатик. И что самое плохое для вас, фанатик, поклявшийся на Коране, что отомстит убийце...

Как стало понятно из дальнейшего рассказа, сволочной «Шварц», который в обычной жизни носил имя Горан Савич и был хорватом, вовсе даже не помер от взрыва гранаты. Его только слегка поцарапало осколками и контузило. Вот он-то, передав ЦРУшного полковника своему нанимателю, и рассказал о трагической гибели долбанутого Ахмета. Переврал наверняка, скотобаза нехорошая, себя обеляя. А ошарашенный гибелью наследника папаша взбеленился и закономерно возжаждал крови.

Вот тут я и спекся окончательно. Но предложение Зива — сделать мне новые документы сменить имя и стать гражданином Израиля — отверг категорически. Здесь, на этом пятачке меня в пять секунд найдут. Ведь если еврейская разведка работает настолько хорошо, что ей буквально день в день становится известно, что происходит у противника (вон, даже про клятву на Коране узнали), то где гарантия, что у этого Исрани люди работают хуже? Тут ведь все в деньги упирается. Забашляет кому надо, и мое новое имя с местожительством ему принесут на блюдечке с голубой каемочкой. Нет уж! Уеду домой, а Россия — она большая! Там меня хрен кто отыщет. Работу, конечно, придется менять, но зато никакой «Эль-Мухафе» до меня не доберется. Пусть хоть на ушах стойку делают.

Вот где-то в таком ключе и ответил Майкиному деду. Тот повздыхал, постучал пальцами по подлокотнику своего самоходного кресла, а потом что-то сказал на иврите сидящему рядом Натану. Тот сразу поднялся и вышел. А появившаяся вместо него Майя принесла нам сок и какие-то печенюшки. После чего, усевшись рядом с дедом, стала рассказывать о том, как ей было страшно во время захвата и какой я героический мужчик. Слушать было приятно. Во всяком случае, это сильно отвлекало от похоронных мыслей. Я даже повеселел и тоже начал вставлять свои реплики. В результате этого разговора пришли к выводу, что если бы не мои действия, боевикам бы удалось уничтожить туристов и спокойно скрыться. В этом случае даже хваленая еврейская разведка ничего не смогла бы выяснить. Может быть, только по прошествии многих лет...

А тут, имея точные данные о том, кто именно принимал участие в теракте, буквально сразу вычислили заказчика, который находился аж в Саудовской Аравии. Конечно, сыграло огромную роль и то, что операция была засвечена и провалена, поэтому Исрани не стал делать большой тайны из гибели сына.

В разгар разговора вернулся Майин жених и передал Зиву какую-то пластиковую карточку. Тот, покрутив ее в руках, протянул карточку мне со словами:

— Господин Корнев. Поймите меня правильно. Я вам хотел помочь, опираясь на собственные силы. А они у меня, поверьте, — не маленькие. Но вы решили выбираться из сложившейся ситуации самостоятельно. Что же, я уважаю ваш выбор. Только хочу сразу сказать — если вдруг у вас что-то не получится, мое предложение остается в силе. А это, — дед кивнул на радужный прямоугольник в моих руках, — должно вам помочь на первых порах. Не поймите меня неправильно. Это не плата за спасение Майи... Жизнь внучки для меня бесценна. Это же — те деньги, которые вам помогут переехать в другой город, сменить работу и вообще — поддержат какое-то время. Там — двести тысяч. И человеку с головой, а я вас считаю именно таким, этого должно хватить.

А потом, видя удивление в моих глазах, усмехнулся и пояснил:

— Разумеется, не двести тысяч шекелей, а двести тысяч евро. В России, насколько я знаю, предпочитают именно эту валюту.

О-го-го! Твою дивизию! Вот это подарочек! Нет, понятно, что бабки мне на первых порах очень понадобятся, но с такими деньгами устроиться и жить на новом месте будет гораздо проще.

Спрятав карточку в карман, я поблагодарил понимающего ситуацию Зива, и мы продолжили разговор уже втроем. Болтали до самого вечера. Попутно я узнал от Натана гипотезу о появлении террористов на территории Израиля. Про полковника и его дела с Исрани Блох распространяться не стал, аргументируя это служебной тайной. Не сказал он, и

как арабы отследили приезд американца в страну. Как именно его вели по стране, тоже промолчал. А вот утечка конкретного маршрута движения того дня действительно произошла через нашего гида. Точнее, он просто не делал из этого тайны, что и дало возможность боевикам, большинство из которых уже находились в Израиле под видом туристов, устроить засаду. А хорват с Ахметом, скорее всего, прошли к евреям при помощи бедуинов-кочевников. Бедуинами они воспользовались, потому что морды этой парочки во всех компьютерах высвечивались и легальный въезд в страну был невозможен.

В гипотезе Натана была масса нестыковок и довольно странных мест. Почему америкоса не захватили ночью, в гостинице? Почему не взяли, когда он гулял по городу? Откуда они чуть не за две недели могли знать о том, что нас завезут на раскоп? Как боевики, ухлопав гида-араба, собирались дальше пользоваться услугами бедуинов? И вообще — зачем им надо было устраивать резню, уничтожая целую толпу иностранцев? Но когда я начал задавать вопросы, хитрый еврей, отмазавшись сохранением тайны, ничего толком объяснять не стал, а перевел разговор на мои дальнейшие планы. Но тут уже я, особо не распространяясь, заявил, что главная и первоочередная задача — это спокойно вернуться домой...

А на следующий день я, глядя на проплывающие под крылом земли Ближнего Востока, смог наконец-таки спокойно выдохнуть и, обращаясь к стюардессе, попросить:

— Принесите мне водки, пожалуйста.

* * *

— Значит, тебе нужен ствол...

— Ага. Только без фанатизма. А то я у твоего бодигарда армейский кольт видел. Сразу скажу — мне такие изыски никуда не уперлись. Нужно что-нибудь простенькое, вроде «макара».²⁰ И пару магазинов к нему.

— Хм... — Витка ухмыльнулся, — поддерживаешь исключительно отечественного производителя?

— Нет. Просто оружие знакомое. Да и затяжные бои мне не вести, так что ПМ будет самое то.

Витек затянулся сигаретой, кивнул и, хитро улыбаясь, спросил:

— Получается, что хочешь прикупить ствол исключительно на случай «шоб було» и в то же время говоришь о затяжных боях? Ох, Волк, темнишь ты чего-то... Ну да ладно, дело твое. Я в чужие разборки не лезу, но однокашнику завсегда помогу. Короче, «макарка» у меня есть. Чистый. Тебе отдам за две с полтиной. Но, — Орехов поднял палец, — можно достать и «грача».²¹ Он, конечно, дороже почти в два раза, только, сам понимаешь, — восемнадцать «маслят» они и в Африке восемнадцать... Так что, решай сам.

Хлебнув пива из запотевшего бокала, я задумался. «Грач», разумеется, и круче, и современной. Да и, как правильно сказал приятель, емкость магазина у него считай в два раза больше, чем у ПМ. Но зато «Макаров» легче да и габаритами поменьше. То есть более приспособлен для скрытого ношения, что в моем положении является решающим аргументом. А то, что прицельная дальность у него никудышная, это уже дело десятое. Я ведь реально свои шансы оцениваю, и если вдруг меня конкретно зажмут несколько человек с оружием, то в данном случае поможет только автомат, но это уже несерьезно... Поэтому — решено:

— Нет! Пусть с ярыгинским армейцы рассекают. А мне лучше «макарку». Ну и два

²⁰ Пистолет Макарова (ПМ) емкость магазина 8 патронов.

²¹ Пистолет Ярыгина (МР-443 «Грач») емкость магазина 18 патронов.

запасных магазина. А если получится ПММ²² добыть, то вообще замечательно будет.

Орехов возмутился:

— Ну ты даешь! Считаешь, что там, откуда пистолет притаранят, целый оружейный магазин в ассортименте?

— Брось, ты же меня знаешь — я вообще только до пяти считать умею! — Пихнув в плечо бывшего сокурсника, продолжил: — Да ладно тебе, Витек, не жмись. Ты ведь не штатным вооружением своего ЧОПа²³ приторговываешь, а через братву «левые» стволы добываешь. А я в жизни не поверю, что российские ОПГ²⁴ сидят на подсосе. Особенно в нынешние времена!

Орех фыркнул:

— Да уж... штатным... По штату у нас дерьмо, а не оружие. Да еще и под неустанным контролем как со стороны ментуры, так и со стороны шефов. Меня, вон, в свое время, за потерянную обойму поимели до изумления. Еле этот косяк развел...

Я подколот:

— В братве, небось, лучше жилось?

Но Орехов шутку не принял и ответил серьезно:

— Жилось лучше, но вот умиралось гораздо чаще. А сейчас пусть бабла и поменьше, зато жизнь спокойнее.

— М-да, это ты точно заметил.

— Угу. А что касается ПММ... В общем, ничего не обещаю, но если он у ребят будет, то возьму его, — после этих слов Витька поднял руку и, щелкнув пальцами, потребовал: — Эй, красавица, пиво нам обнови!

А я, опять хлебнув из своего бокала, вспомнил возвращение из первой в своей жизни турпоездки. Будь она неладна...

* * *

Тогда, приехав в Москву, я вовсе не стал на каждом углу триндеть о своем израильском приключении. Особенно после того, как буквально по приезду несколько часов провел в ФСБ, куда был вызван для приватной беседы. Оказывается, из Российского посольства в Израиле был дан сигнал о случившемся, и гэбэшники моментом взяли Корнева на карандаш. Точнее, первая беседа состоялась еще в посольстве, с тамошним представителем наших спецслужб. А когда вернулся на родину, со мной захотели побеседовать уже в Москве. В принципе, этого стоило ожидать. Это их работа, да и дело получило достаточную огласку. Вон, что в Интернете, что в западных (да и кое-каких наших) газетах, случай с инцидентом в Израиле был расписан практически от и до. Радовало только одно — анкетные данные основного борца с терроризмом не приводились. Везде писали — «русский турист из Москвы».

Так что через два дня после возвращения, получив повестку, я потопал к зданию на Лубянке. А во время допроса больше всего опасался, что они попутно раскопают мои махинации с досрочным получением загранпаспорта. Но настолько глубоко никто не рыл, и все обошлось. Государевых слуг интересовало совсем другое, поэтому, рассказав чекистам свою историю, я благополучно был отпущен домой.

А по поводу моих опасений эфэсбэшники сказали, что все эти клятвы одуревших от

²² Пистолет Макарова-Шипагова модернизированный (ПММ) емкость магазина 12 патронов.

²³ Частное охранное предприятие.

²⁴ Организованная преступная группировка.

нефтяных денег набобов практически ничего не стоят. Но напоследок посоветовали быть осторожнее и если что — сразу звонить. Даже визитку дали с номером телефона.

В общем, как и предполагалось, охраной моей персоны никто из силовиков заниматься не собирался. Так — поставили галочку, что сигнал отработан, и на этом успокоились. А типа если убивать начнут, то тогда звоните — мы подъедем.

Иного отношения и не ожидалось, поэтому, пожав плечами и пообещав, что как раз в тот момент, когда меня Бены Ладены на ленточки распускать начнут, обязательно позвоню, получил пропуск и ушел.

Но позже как-то внутренне успокоился, отоспался и все эти ближневосточные заморочки стали казаться какими-то очень далекими и нереальными. Как будто не со мной все это произошло. Нет, планы ухода продумал. И будущее место жительства подыскал. Но потом — отпустило. Особенно после повторного вызова в ФСБ. Там мне дали подписать кое-какие документы, а на повторно высказанные опасения кряжистый мужик лет сорока, представившийся подполковником Андреем Трофимовичем Лопахиним, ухмыльнувшись, ответил:

— Сергей Васильевич, вы на эти клятвы не очень внимание обращайте. Меня двенадцать лет назад Аслан Безоев лично обещал закопать живьем. Слыхали про такого? Во... Фигура! И действовал он не где-то там, на Востоке, а прямо у нас под боком. Кстати, тоже ядом брызгал и клятвы давал, как на боевом оружии, так и на священных книгах. И что? Я жив до сих пор. И дальше жить собираюсь.

— А евреи говорили, что мой свои слова на ветер не бросает...

— Правильно, — собеседник кивнул. — Если бы вы остались в Израиле, то он, возможно, постарался бы исполнить задуманное. А здесь, в России... Слишком уж вы ему накладно обойдетесь. Ведь с боевиков за каждый потраченный доллар спрос идет. Так что я думаю, слова Исрани так и останутся словами. Тем более, вы понимаете... Кхм... Постоянную охрану вам никто дать не сможет. Включить вас в программу защиты свидетелей? Честно скажу — это настолько экзотическая для нас процедура, что без достаточно веских аргументов ее никто проводить не будет.

Я фыркнул:

— Угу. Слова и угрозы к делу не пришьешь. Понятно. Ну а вы лично что бы посоветовали?

Эфэсбэшник откинулся на стуле:

— А что можно посоветовать? Живите, как жили. Ведь нет никакой гарантии, что евреи вам правду про угрозы этого террориста сказали. Кто знает, что за операцию задумал Моссад, а тот факт, что вам предлагали остаться в Израиле, вообще наводит на очень интересные мысли...

Удивившись, я спросил:

— Так вы думаете, меня хотели задействовать в какой-то разработке тамошних спецслужб? А своим отказом и отъездом я им все планы сломал?

— Не исключено. Очень уж там все мутно и непонятно... — Андрей Трофимович задумался, а потом, тряхнув головой, уже другим тоном продолжил: — Но вы здесь, и на все эти подковерные интриги уже можно не обращать внимания. Ну а если вы настолько впечатлительны, то можете просто на годик уехать из города. Поверьте, этого будет вполне достаточно. За год, как говорится, или ишак сдохнет, или падишах!

Слова безопасника меня, конечно, несколько утешили. Но тщательно закамуфлированные подозрения в трусости заставили поморщиться. Ишь ты — «если вы настолько впечатлительны»... Козел. Ему хорошо рассуждать, находясь под защитой могущественной конторы, а мне надо только на себя надеяться. И ведь знает, что я бывший офицер, а один хрен подколол решил... Хотя, может быть, этот подпол и прав? Паникую тут, как институтка, которой телефонный хулиган пообещал устроить козью морду, и она из-за этого нос из квартиры боится высунуть. И про евреев он тоже интересную мысль подкинул — вот как они умудрились узнать про угрозы буквально через несколько часов? Да

еще так «удачно» получилось, что узнал об этом, типа по службе, Майин жених и тут же поспешил сообщить мне. Официальные-то органы про это молчали!

С другой стороны, двести тысяч евро просто так не дадут, да и дед был очень убедителен... Может, в моем случае просто сработал человеческий фактор, и благодарные родственники, не имея никаких далеко идущих планов, узнав об опасности, тут же решили проинформировать спасителя внуки? Может быть такое? Вполне! Блин, и что предпринять? Наверное, оптимальным вариантом будет сейчас не дергаться, а в дальнейшем, как говорил командир — «война план покажет». Почувствую неладное — свалю. Но не раньше. А то как-то перед самим собой неудобно становится — неужели я такой трус, что угрозы, переданных с чужих слов, испугаюсь?

В общем, так и решил, тем более что дни шли, ничего не происходило, и поэтому по окончании отпуска просто вышел на работу. Ломать налаженный быт было гораздо страшнее какой-то встречи с полумифическими арабскими мстителями. Единственно, что сделал сразу — продумал линию поведения в случае возникновения опасности и снял в банке все деньги, полученные от Зива. А потом, глядя на четыре пачки пятисотевриковых купюр, с трудом подавил желание сразу бежать за возжеленной машиной. Вместо этого прикупил себе жилетку, наподобие той, в которой почил незабвенный Ахмет, и сложил пачки в нее. Жилетка была удобная, мешковатая, с множеством карманов, поэтому двести тысяч евро в ней потерялись, как камешек в пруду.

А в начале августа, когда я уже практически окончательно уверовал в благополучное окончание еврейской эпопеи и прицелился на покупку не нового, но очень даже бодрого «Ниссан Патрол», прозвучал первый звонок. В среду, возвращаясь с работы, обратил внимание на стоящую возле подъезда BMW. Точнее, не столько на машину, сколько на сидящих в ней пассажиров. Джамшуты и Казбеков в нашем дворе не проживало, поэтому меня и удивили два сына гор, сидящие в «бэхе». И — давно сидящие, так как возле пассажирской дверцы валялось штук десять окурков.

Кавказцы на проходящего мимо человека вроде никакого внимания не обратили, только у меня при взгляде в их сторону аж волосы на затылке дыбом встали. Вот так, на пустом месте, по спине как волна ледяная прошла. М-да... Интуиция ведь, она вещь такая — когда я в последний раз ее проигнорировал, через несколько секунд после такой же волны, снайпер с башенки убил нашего охранника. Так что теперь, решив отнестись к сигналам подсознания со всей серьезностью, времени терять не стал. Благо что все ходы были заранее взвешены и просчитаны. Так что будем просто приводить их в исполнение. И пусть мне потом, возможно, станет стыдно за свою панику, но сейчас стану действовать по заранее разработанному плану.

Хотя нет, стыдно точно не будет. Ведь все три недели, что прошли после той поездки, я как ни отвлекался, а все равно ходил пришибленный. Где-то подспудно жила уверенность, что старый еврей мне не соврал и ничего не преувеличил. А значит — надо уходить. Логикой утверждала обратное: дескать, все нормально, да и вообще — мстить в двадцать первом веке слишком дорогое удовольствие, чтобы его опасаться, находясь чуть ли не на другом конце света. Но на душе один черт была хмарь. И эта непонятная ипохондрия достала уже до такой степени, что сейчас я воспринял сидящую в машине парочку чуть ли не с радостью. От Иسرائи эти хмыри или нет, уже все равно. Главное в другом — я решился! Решился очередной раз изменить свою жизнь. И от этого почувствовал себе прежним Корневым, а не ходячим ожиданием проблем. С плеч как будто мешок свалился, и я, хулигански пнув попавшуюся под ноги пустую пластиковую бутылку, нырнул в подъезд.

А потом, бодро насвистывая, приступил к выполнению плана отхода. Бытом толком я так и не обзавелся, поэтому, надев валютную жилетку, собрал сумку, с которой обычно ездил в командировки, и, выключив свет, выглянул в окно. BMW стояла на месте. Ну-ну. Стойте дальше.

Злорадно ухмыльнувшись, я посмотрел в дверной глазок и, убедившись, что на площадке никого нет, прихватив отвертку, вышел наружу. После чего быстренько перекинул

телефонные пары на щите и юркнул обратно. А уже дома набрал номер ментуры и старческо-хриплым голосом наябедничал:

— Говорит пенсионер Сергиенко из пятьдесят второго дома, квартира тридцать пять. У нас во дворе стоит черная иностранная машина, в которой сидят два лица кавказской национальности. У одного из них я видел пистолет! Товарищи милиция, это — бандиты! Они или киллеры, или наш дом хотят взорвать! Что? Адрес? Да-да, конечно!..

Продиктовав адрес, отключился и, довольно потеряв лапки, перекинул пары обратно. А потом оделся и, прихватив сумку, позвонил в дверь «микроскопическим». Когда Мишка открыл дверь, я, не давая ему вставить слова, протянул ключи от квартиры, сказав:

— Миха, привет! Я тут снова в командировку убываю, недели на две. Но может так статься, что задержусь гораздо дольше. Поэтому есть просьба — у меня в хате ворью брать нечего, кроме телика. Так что ты «панель» заberi, пусть у тебя побудет. Хорошо?

Сосед пожал плечами:

— Хорошо. Сейчас и заберу. Поможешь перетащить?

— Конечно! Я его уже отключил, так что пошли.

Когда забирали телевизор, снова выглянул в окно. Увиденная картина порадовала сердце. Гости с Кавказа уже лежали на земле, а вокруг них суетились человек шесть автоматчиков в масках и еще несколько ментов в форме. Хм... быстро работают московские органы! И пяти минут не прошло, как «киллеров и террористов» разложили, словно цыплят табака. Вот смеху-то будет, если у них действительно оружие найдут! А уж как удивится склочный Сергиенко, когда ему участковый благодарность вынесет. Звонок ведь фиксируется, да и АОН у бывших ментов, уже четыре года носящих гордое звание полицейских, стоит хороший. Именно поэтому, не желая никак себя светить, я и перекинул телефонные пары, переведя стрелки на бдительного соседа-пенсионера. Пусть он теперь рассказывает, когда и как увидел пистолет у сидящих в машине. А мне уже пора поспешать, пока там «маски-шоу» в полном разгаре.

Поэтому, в темпе закинув телик к Мишке, я пожал ему руку и поскакал вниз по лестнице.

Глава «микроскопического» семейства только и успел спросить:

— Куда едешь-то?

— В Мурманск!

— Ну, счастливо! А за квартирой я пригляжу! После этих слов я резко затормозил и, стоя на нижней площадке, отсоветовал:

— Чего за ней смотреть? Сейчас урки отмороженные пошли. Ножи у каждого. Сунешься — еще прибьют, не дай бог. Лучше если что — в глазок глянь да милицию зови.

Мишка хмыкнул:

— Дык, я так и собираюсь делать. Не дурак ведь...

— Тогда — пока!

— Пока!

Махнув Кузнецову рукой, я повернулся и пошел вниз. Выйдя из подъезда, закурил и, поздоровавшись с сидящими на скамейке бабками, не торопясь двинул в сторону метро, краем уха слушая, как помятые сыны гор в чем-то клялись мамой суровым операм.

Ни те, ни другие на меня не обращали внимания, поэтому, уже спускаясь на эскалаторе, я выдохнул и похвалил себя за хорошую идею. Звонок ментозаврам, полностью отвлекшим на себя кавказцев, изначально входил в задумку. А вот спонтанная идея насчет телевизора, действительно — хороша. Мы ведь с Кузнецовыми старые приятели, так что пусть им это от меня станет прощальным подарком. Потом надо будет Мишке звякнуть и сказать про панель. Да и про квартиру тоже. Нехай он хозяйке передаст, что она может искать новых съемщиков.

М-да... до меня окончательно дошло, что целый пласт жизни неожиданно закончился. Работа, приятели, знакомые, все это остается в прошлом. И теперь ждет что-то новое. Но перед отъездом надо дела закончить. Так, так... значит: перво-наперво — уволиться. Будет несколько не по-человечески, если я просто пропаду и всё. В «Росконе» у меня отношения

нормальные сложились, поэтому подводить хороших людей, было бы неудобно. Второе — прикупить-таки тот «Патрол», с хозяином которого мы ударили по рукам. Встреча и оплата у нас назначена на послезавтра, так что отменять ничего не буду. Третье... насчет третьего у меня были сильные сомнения — а надо ли это делать вообще? В смысле — вооружаться? Если на Корнева действительно уже объявлена охота, то мне и танк не поможет. Спаситься в данном случае получится, только затерявшись на наших бескрайних просторах. А вот ствол это — статья.

Да-а... Лишь в боевиках неподготовленные люди быстро срываются с места, затариваются огнестрелом и гасят своих врагов налево-направо. А в жизни... Хе! В жизни их бы арестовали уже при покупке пистолета, так как в девяносто девяти процентах случаев оружие предлагают ряженные под бандитов оперативники. И как только ствол перейдет в руки покупателя, ему на голову сваливается группа захвата, а зона гостеприимно распахивает двери.

Только у меня были свои ходы. Просто с год назад столкнулся со своим бывшим однокашником — Витькой Ореховым, по кличке «Орех». Мы с ним в свое время не то чтобы сильно дружили, но были в приятельских отношениях. А на четвертом курсе Ореха и еще одного парня — Ленку Тянищева с нашей бursы поперли. Как было сформулировано в приказе: «за драку в общественном месте». Тогда, Витек и Леха, сцепившись с какими-то отморозками, качественно их отбучкали, после чего загремели в милицию и оказались кругом виноваты. Парней все сокурники жалели, но сделать ничего не могли. Так наши дороги и разошлись.

Столкнувшись же в прошлом году в супермаркете, мы оба обрадовались и тут же решили отметить встречу. Я рассказал о себе, Витька о себе. Он, оказывается, помыкавшись без работы, вполне закономерно двинул в криминал. Где и поднялся. Ну так еще бы, с нашей-то подготовкой... А несколько лет назад его бригада, состоящая из вполне нормальных парней, в основном бывших спортсменов, решила легализоваться. Завели себе отличную «крышу» и зарегистрировались как ЧОП. Стали типа правильными и законопослушными до безобразия. Но заведя новые связи, Орех не растерял старых, поэтому через Виктора можно было достать чистый ствол за приемлемую цену. Достать, не опасаясь милицейской подставы. Только вот — надо ли это мне?

В общем, под подобные сомнения я и доехал до места. В смысле до гостиницы, где собирался провести пару-тройку дней. Места в ней были поэтому, сняв номер, я, бросив сумку в шкаф, завалился на кровать.

Тут меня накрыло по-новой. Появилась странная мысль — а не испугался ли я собственной тени и стоит ли вот так, из-за одного подозрения менять жизнь? Ворочаясь с боку на бок, попытался прикинуть, что же меня так дернуло? И постепенно все упорядочил. Тем более что, считай, три недели прокручивал самые разные варианты появления противника. Вплоть до национальной принадлежности тех, кто будет мстить неверному, поднявшему руку на последнего сынка арабского авторитета. Это ведь не бином Ньютона. Вот кто в Москве имеет такую возможность? Однозначно — бандиты. Они за деньги маму родную прирежут. А если учесть, что еще со времен чеченских войн у кавказцев были крепкие связи с ближневосточными террористами, то логично будет предположить, что миссию поручат именно нашим Асланам и Магам. Те для отвода глаз могут, конечно, нанять славян, но это вряд ли. Зачем делиться деньгами и вообще посвящать посторонних в столь интимные разборки? В общем-то поэтому исключались и коррумпированные менты. Привлекать для моей поимки какого-нибудь прикормленного лейтенанта пэпээсника в данном случае было бы просто странно. Тут делов-то — зная ФИО, выяснить мое место жительства и постучаться в гости. Абреки это и сами в состоянии сделать, без посторонней помощи. Так что я ждал именно кавказцев...

И ведь что характерно — в Москве их пруд пруди и сталкивался я с ними каждый день, но вот именно на тех, в BMW,отреагировал как на угрозу. Интересно, почему? Почему, почему... Да черт его знает! Может, это вообще какой-то внутренний счетчик, отсчитав

необходимое время, заставил так на все реагировать? Ведь не зря же сейчас, лежа на гостиничной кровати, чувствую себя гораздо лучше, чем находясь в своей съемной квартире. Так что все правильно сделал. Оставаясь на месте, я рано или поздно точно стану мишенью. А ведь еще прапрадед говорил, что ленивые да косные гибнут в первую очередь. Сам я этого не слышал, но в семейных преданиях его слова сохранились. Просто когда в тридцать шестом, в их питерской конторе стали активно грести народ, предок взял в охапку молодую жену с сыном и рванул в Томск. Где, даже не меняя и не подделывая документов, снова устроился на работу. И всё...

Кстати, как уже после смерти Сталина стало известно, его искали. Усиленно. И в Ленинграде и в области. Но не дальше. Вот вам и всемогущий НКВД... А ведь начини он сомневаться и прикидывать, что может все еще обойдется, глядишь, и меня бы на свете не было... Черт! Сразу надо было следовать путем прапрадеда, а не закапывать голову в песок, рассчитывая, что беда пройдет стороной. Так что не будем ленивыми и будем жить!

От повышенно-оптимистических дум неожиданно разыгрался аппетит. Ну так, все правильно, я ведь еще не ужинал! Не успел с работы появиться, как пришлось в бега уходить. Поэтому, недолго думая, поднялся с кровати и потопал в ресторанчик при гостинице. Там, плотно перекусив, вернулся обратно в номер и, несмотря на ранний час, завалился спать. Нервы ведь все-таки не железные, а переволноваться мне сегодня пришлось — дай боже.

ГЛАВА 4

Наутро, встав бодрым, отлично выспавшимся и полным деятельной энергии, опять перекусил в том же ресторанчике (как бы в привычку не вошло так лихо деньгами сорить) и по окончании завтрака позвонил на работу. Сделал два звонка — шефу и кадровичке.

Так как я давно привык просто так не трепать языком, то народ на работе был не в курсе моих еврейских заморочек. Да и какой смысл им про это было знать? Помочь все равно ничем бы не сумели, зато слухи о прытком коллеге быстро могли распространиться по Москве. А оно мне надо? Поэтому сейчас, наплел с три короба, обосновывая свое желание уволиться семейными причинами и, взяв пузырь хорошего вискаря, который так уважал непосредственный начальник, поехал в контору.

Там, после продолжительных уговоров, окончательно убедившись, что Корнев настроен решительно, мне подписали заявление, не полоща мозги с отработкой.

Все эти бюрократические процедуры заняли достаточно много времени, поэтому пока я ходил с «бегунком», пока получал трудовую книжку, пока со всеми попрощался, время уже было далеко за полдень. Только один фиг вышел с «Роскома» очень довольным, так как на данную процедуру отводил себе дня два. Просто у нас фирма такая, что народ часто в разъездах находится, и кого-нибудь вполне могло не оказаться на месте. Или кладовщика, или начальницы отдела кадров или непосредственного шефа. Да и генеральный вполне мог в этот день сорваться по своим неотложным делам.

Но все срослось в «елочку», поэтому вполне удовлетворенный столь удачным стечением обстоятельств я, свободный как ветер, выйдя из конторы и весело насвистывая, двинул к метро. Вот тут-то все и приключилось...

Когда уже подходил к перекрестку, рядом, с визгом тормозов остановился темно-серый «фордовский» микроавтобус и из его распахнутой двери вывалилось три амбала. Они выскочили очень шустро, но я оказался быстрее. Наверное, потому, что действовал на одних заячьих инстинктах и ни на мгновение не усомнился, что этот «форд» прибыл по мою душу. Так что первый крепыш, за спиной которого маячили остальные, еще только выскакивал из машины, а я уже развернулся и со всех ног кинулся к оставшемуся метрах в пятидесяти за спиной въезду в переулок. Летел как на крыльях, и даже идущие навстречу прохожие практически не мешали. Только в самом начале сшиб худого очкастого мужика, который не успел увернуться. А за спиной слышался тяжелый топот и крики:

— Ситоять! Мэлысия! Корнев, ситой!

Щаз! Милиция они, как же! Без формы, с акцентом и все как один — «носороги».

Преследователи, видно, поняли, что эти крики на меня никакого влияния не оказывают, зато могут привлечь ненужное внимание, поэтому заткнулись и наддали. Я тоже прибавил ходу и, нырнув в арку, тут же рванул в сторону гаражей. Благо что район знал хорошо. Просто когда «Роском» проводил очередную «оптимизацию» расходов, нам убрали халявные обеды, и поэтому в поисках недорогой и приличной кафешки мы с ребятами тут всю округу излазили. Нашли. А потом нашли и самую короткую дорогу к ней. Тут, если пройти вдоль гаражей, кажется, что попадаешь в тупик. Но на самом деле это не так. Между домами, стоящими буквой «Г», есть узенький проход, который, пока не подойдешь к нему вплотную и не повернешь направо, не виден вообще. Вот к нему я и стремился. Главное, успеть туда нырнуть до того, как появятся загонщики. Тогда, если они не были в этих местах, вполне могут подумать, что преследуемый, зная код, заскочил в один из трех подъездов дома.

Задумка была очень соблазнительная, только вот абреки появились раньше. Появились и, пользуясь безлюдностью, тут же начали стрелять. Самого звука выстрела я не услышал, зато увидел, как из стены выбило крошку кирпичной пыли.

Ё-мое! Если до этого казалось, что я бежал со всей возможной скоростью, то сейчас, предыдущий забег стал просто детским лепетом. И откуда столько прыти взялось? Во мне как будто реактивный двигатель включился, поэтому, пулей промчавшись в проход между домами и перебежав дорогу, я одним махом перелетел высокий забор из металлошифера, отгораживающий замороженную стройку. А дальше попер по буеракам, как судно на воздушной подушке. В смысле — ни разу даже не споткнувшись.

Судя по тому, что следом никто не полез, преследователи меня потеряли. Они отставали метров на тридцать и были еще во дворе, когда я тут акробатическими трюками занимался. Да и вообще никакому нормальному человеку не придет в голову, что через этот забор вообще можно перелезть. Благо там есть несколько проходов в другие дворы, и теперь кавказцы, наверное, пытаются сообразить, в какой же из них свалил Корнев.

А я, добравшись до противоположной стороны стройки, столкнулся с новой проблемой. Во-первых, обнаружил, что порезал ладонь, а во-вторых, выяснилось, что еще раз повторить подвиг, достойный Бубки,²⁵ не получится. У меня даже до верха допрыгнуть не выходило, не говоря уже о том, чтобы перелезть через трехметровый жестяной лист.

Поэтому, настороженно поглядывая через плечо, я двинул вдоль ограды, рассчитывая найти хоть какую-нибудь дырку. Ну не могут у нас быть заборы без прорех! Ведь бомжи сюда как-то проникают? Да и вездесущие пацаны тоже наверняка лазают.

Мысль оказалась верной, и уже шагов через двадцать обнаружил, что один из листов снизу отогнут. Заглянув в эту щель, увидел довольно оживленную улицу. В то, что «мэлысия», оббегая стройку, успеет сюда добраться, я не верил совершенно. Да и не подумают они здесь меня искать. Во дворах, небось, сейчас шуруют.

Поэтому осторожно, стараясь не измазаться, я принял положение «упор лежа» и по-крабьи выскользнул наружу. Здесь, в отличие от того переулка, где бегал до этого, народу хватало, но никто не обратил никакого внимания на странного мужика, появившегося столь экзотическим образом. Ну а я, недолго думая, поднял руку и, тормознув частника, шмыгнул на заднее сиденье остановившейся машины.

Пока ехал до гостиницы, все пытался привести мысли в порядок. В том, что вчерашняя «бэха» появилась не просто так, теперь уверен совершенно. Тут я молодец, вовремя сообразил исчезнуть. Но вот нужно же быть таким кретином, чтобы не просчитать появление наемников по моему месту работы! Точнее это появление предполагалось, но я сам себя перехитрил. Думал ведь, как получится — бандиты вполне резонно посчитают, что если я

²⁵ Сергей Назарович Бубка — спортсмен-легкоатлет. Чемпион по прыжкам с шестом. Первый в мире человек, прыгнувший выше 6 метров.

исчез из дома, то значит, что-то почуял и свалил с концами. В этом случае ни один дурак не попрется на работу, чтобы соблюдать какие-то смешные формальности.

Только с чего я взял, будто кавказцы поняли, что я не просто из дому вышел, а сбежать решил? Менты их и так трясут на каждом углу, поэтому очередной шмон они могли со мной не связать. А то что как раз во время этого шмона я куда-то утопал... Да, может, к бабе человек пошел! У нее и ночевать остался. И значит, что? Значит, так как следующий день — рабочий, то и надо меня на работе искать. Что они и сделали. Не учли только запредельной прыти объекта поиска.

Да-а... хорошо еще, что меня именно так ловили, а не просто саданули автоматной очередью из окна проезжающего мимо автомобиля. Тогда бы точно — кирдык. Хм, нет, не так. Я ведь разные варианты прикидывал и такой способ ловли отмел. А то, что в переулке из пистолета палили — не считается. Это они от отчаяния стрельбу устроили, увидев, насколько резво от них Корнев улепетывает. Ведь не зря же козливый Исрани на Коране клялся отомстить. И не обычную мстю устроить, ухлопав обидчика, а обещал мою голову скормить собакам. А в его устах это не просто красивый оборот. Поэтому получается, что бандитам меня надо взять живьем. Чтобы на камеру заснять. Они это очень любят. А потом, поизмывавшись, лишит башки. Как урки ее переправлять заказчику собирались, я не знаю, да и знать не хочу. Но к ситуации надо относиться **ОЧЕНЬ** серьезно. Только, при всей серьезности, в ФСБ звонить я смысла не видел. Про персональную охрану там мне уже вполне популярно объяснили. А что они еще могут?

Хотя... могут они, конечно, многое, но вспоминая свой последний разговор на Лубянке, я все больше и больше подозревал, что из меня в лучшем случае просто решили сделать живца. А что — такой хороший способ вычислить не только тех бандитов, которые имеют выходы на забугорных террористов, но еще и людей при погонах, которые будут помогать в моих поисках. Кавказцы ведь на меня как-то вышли? Значит, без своего человека в милиции или в паспортном столе точно не обошлось. Безопасники это учитывали и данных коррупционеров наверняка уже взяли в разработку.

Ну а в худшем случае... В худшем, никто ничем не занимается и всем на всё плевать. Ведь если у нас бардак на всех уровнях, то почему я должен предполагать, что в госбезопасности все в порядке и там сидят супермены семи пядей во лбу, горящие на работе?

Но, даже при самом хорошем раскладе, быть живцом я не хочу. Смысла нет. Поймают этих, появятся другие. И так до тех пор, пока начальство арабского террориста будет готово терпеть его нецелевые расходы и осуществлять их финансирование. Так может продолжаться достаточно долго, а голова у меня одна, поэтому надо просто последовать совету эфэсбэшника и валить из Москвы, а не жалобными звонками развлекаться.

О! Кстати, про «звонки». Достав телефон, я почистил память, извлек из него сим-карту с аккумулятором и сунул трубку обратно в карман. Вот так вот. Если уж играть взрослому, то играть до конца, соблюдая все правила. Ведь фиг его знает, какие теперь резервы задействуются для моей поимки. Но всяко-разно, теперь меня через «сотку» не найти.

А после всех этих манипуляций попросил водителя остановиться возле метро. Пожилой армянин, сидящий за рулем, только пожал плечами и выполнил требуемое. Я же, расплатившись, нырнул в подземку и покатил к переходу, что на ВДНХ. Там народ активно краденными телефонами банковал, так что в моей ситуации воспользоваться их услугами сам бог велел.

Поэтому, минут через сорок, я уже спрашивал у «переходного» «жучка»:

— Нужна труба с незаблокированной «симкой». Сделаешь?

— А модель?

— А какие есть?

Фиксатый продавец хитро прищурился:

— Есть «Нокия 5340». Но с карточкой, подороже выйдет.

— Сколько?

«Жучок» на секунду задумался и выпалил:

— Полтинник.

Я удивился:

— Это ты в каких единицах считаешь?

— В евро. Но могу и по курсу — в рублях.

Цыкнув зубом, я наклонился к продавцу и вкрадчивым голосом предложил свой вариант:

— За такие деньги ты можешь эту «паленую» трубу завернуть в бумажку, положить ее в целлофановый пакет и засунуть знаешь куда? Можешь не отвечать — по глазам вижу, что знаешь. Короче — даю двадцатку и мы радостные разбегаемся. Согласен?

Терзать свою задницу фиксатый не захотел, но и с моей суммой не согласился. В конечном итоге, сойдясь на тридцати пяти евро, я получил телефон, проверил его и, выйдя из перехода, сделал первый звонок.

К тому времени оружейная тема был решена окончательно и бесповоротно. Особенно этому поспособствовала беготня, которая случилась полтора часа назад. Уж очень неудобно моя спина себя чувствовала в ожидании пули. Так что в данном случае вопрос стоял не как «ствол и возможный срок», а как «ствол и жизнь». Если сам себя не защищу, меня никто не защитит. Поэтому, когда абонент на том конце ответил, я сказал:

— Привет, Орех! Узнал? Вот и хорошо. Ты сейчас как — не сильно занят? Да нет, ничего, просто хотел пивка попить и тему одну перетереть. Куда подъехать? Хорошо! Через час буду!

* * *

А безопасникам я все-таки позвонил. Через Два дня, когда уже выехал из города. Вставил в свой старый телефон старую же карточку и звякнул. Лопахин, ответивший на звонок, был вежлив, нетороплив и вальяжен. То есть по его интонациям я понял, что никакого живца из меня делать не собирались, так как никто всерьез даже не рассматривал саму возможность мести. Зато узнав о случившемся, подполковник, мигом потеряв всю вальяжность, резко перевозбудился и сразу предложил подъехать к нему для выработки контрмер. Но тут уже я уперся и, напомнив ему его же слова об отъезде из города, сказал, чтобы они сами разбирались с оборзевшими бандитами. Пусть хоть двойника в мою квартиру селят и ловят этих сынов гор до победного конца. Только без участия Корнева. А от себя добавил, что звоню исключительно потому, что опасаюсь, как бы абреки не подключили свои связи в ментовских верхах и не объявили меня во Всероссийский розыск по какой-нибудь особо пакостной статье.

Лопахин, хмыкнув, успокоил и сказал, что уж этого точно не будет. Потом посетовал на мое нежелание сотрудничать. Но надо сказать, что это сетование было довольно мягким. Подполковник, разумеется, чувствовал некоторое неудобство и поэтому, даже когда я отказался говорить куда именно уеду, только понимающе угукнул и посоветовал: мол, если опять прижмет, сразу звонить ему и двигать в ближайший отдел ФСБ. А он уж приложит все силы для оказания быстрой помощи. Я пообещал именно так и сделать, после чего мы распрощались.

А потом была дорога. Сначала в Тулу. Там, получив положенную порцию причитаний от мамы и занудных наставлений от отчима, двинул дальше — к тетке. Вообще-то шансов, что вислоносые искатели гяура меня найдут в этом городе, не было практически никаких. Я ведь родился в Томске, а сюда наша семья переехала, когда мне три года было. Так что по месту рождения Корнева не вычислить. При устройстве на работу я, конечно, заполнял короткую анкету, но ни Тула, ни родственники в ней никак не фигурировали. Единственно что — в «Роскоме» осталась копия моего диплома и сведения о последнем месте работы — «Служба в ВС РФ». Про службу я вообще молчу. А даже если бандиты попытаются найти меня через институт, то и там ничего хорошего им не светит. Мало того что ФСБ сейчас

будет отслеживать всех, кто так или иначе интересуется личностью бывшего старшего лейтенанта, так тут еще и военная контрразведка подключится. НВИ МО РФ²⁶ это ведь вам не гражданская бурса... А если учесть, что ни прописываться, ни регистрироваться здесь я не собираюсь, то искать меня можно до посинения...

Только отчим, всю жизнь проработавший инженером, привык учитывать все варианты, поэтому было решено, что жить я буду у тети Маши. Его аргументы были достаточно вескими:

— Кто его знает, как может сыграть случай? А у нас в городе достаточно крупная кавказская диаспора, и есть шанс просто столкнуться нос к носу с одним из тех, кто тебя ищет.

Я с подобными доводами согласился, хотя причина была несколько в другом. Мы с моим отчимом, конечно, не конфликтовали, да и мужик он был вполне нормальный, только эта нормальность особенно ярко проявлялась на расстоянии. Все это хорошо понимали, поэтому изначально думал пожить у тетки — старшей маминой сестры. Я у нее, пока в школе учился, каждое лето гостевал, да и потом, раз в год-два, обязательно заезжал. Так что, распрощавшись с предками, двинул в Юрьево — маленький городок, расположенный на берегу Азовского моря.

* * *

Когда я уже рулил по знакомой с детства улочке, которая упиралась прямо в дом тети Маши, на меня нахлынули воспоминания. Эх, сколько мы с двоюродными братьями тут куролесили! И сады бомбили, и с военного завода латунные трубки тырили, и даже строили в лиманах подводную лодку. Правда, эта лодка при первом же испытании быстро и как-то совсем не торжественно потонула. Причем вместе с Вовкой — моим старшим братом. Мы с младшим — Сашкой и еще тремя конструкторами, принимавшими участие в постройке подводного «Титаника», минут сорок пытались провести спасательную операцию своими силами. А когда первый в Юрьево подводник через торчащую из воды трубку объявил, что всё — пипец, вода уже к шее подбирается, запаниковали и рванули за взрослыми. Тогда еще был жив дядя Жора, поэтому он, прихватив своего самого старшего сына — Антона и еще двух друзей, без лишних проволочек побежали спасать Вована. Да-а... Вовка с тех пор обзавелся яркой кличкой — «Капитан Немо» или просто «Капитан», а я впервые в жизни узнал, каково это — крапивой по голой попе. Тетя Маша различий между нами никогда не делала, поэтому мне досталось наравне со всеми. А Антоха, гад такой, потом еще от себя добавил.

Вот ведь странно... С тех пор уже лет двадцать прошло, а воспоминания о крапиве до сих пор живы. О крапиве, о пирожках с повидлом и о запахе моря. Вот ведь времечко было беззаботное! Хоть нас периодически и припахивали работать коробейниками, продавая отдыхающим на пляже дары теткиного огорода и ее же выпечку, но припахивали без фанатизма, и поэтому свободного времени оставалось выше крыши. Жаль, теперь уже так не порезвишься. Да и вижусь я с братьями довольно редко — все давно поразъехались. Шурик, тот дальнобойщиком стал, с постоянным местом жительства в Питере. Тошка теперь не просто Антоха, а солидный Антон Георгиевич со служебным «Мерседесом», пузом и шофером, подвизается одним из замов у губернатора Волгоградской области. А Вован, полностью оправдывая детскую кличку, рассекая на каком-то охрененном ракетноосце, на ТОФе,²⁷ активно угрожает безопасности как западных, так и восточных супостатов.

Тетя Маша же, после того как умер муж, а выросшие сыновья разъехались по всей

²⁶ Новосибирский военный институт Министерства обороны.

²⁷ Тихоокеанский флот.

России, сказала, что в гробу она видела жизнь в пустом доме, и восемь лет назад взяла из детдома девочку. Сначала с этим были заморочки, но Тоха уже тогда был какой-то шишкой в управе и поспособствовал в решении вопроса с удочерением. Так что у нас теперь есть еще и сестра — в детстве довольно милое, а сейчас крайне язвительное и весьма своенравное существо семнадцати лет от роду.

Она-то меня и увидела первой, когда я парковал машину возле ворот. И сразу с воплем: «Мама, мама! Сережка приехал!» — повисла у меня на шее.

* * *

Блин, кайф-то какой! Сидя в плетеном кресле-качалке, вытасенном во двор, я занимался сразу несколькими делами. Принимал солнечные ванны, дегустировал сливы из большого тазика и слушал трофимовскую «Аристократию помойки». Песня, конечно, старая, но к творчеству Сергея Трофимова я пристрастился довольно давно, поэтому сейчас, качнув из Интернета несколько файлов и надев наушники, предавался неге и балдежу. Тетя Маша ушла на рынок, Зойка к подружкам, вот мне никто и не мешал полноценно наслаждаться жизнью.

А когда метко кинутой сливовой косточкой попал точно в голову здоровому гусю, нагло продефилировавшему буквально в десяти шагах от меня, настроение стало вообще фестивальным. Гусь от удара заполошенно подпрыгнул, зло глянул в сторону агрессора и убрался, а я, очередной раз качнувшись в кресле, показал ему «от локтя» и пожалел, что косточка была слишком легкой.

М-да... У меня с данными птицами вообще старинная вражда. Хотя до сих пор как вспомню — неудобно становится. А началось все с того, что блестящий курсант-третьекурсник, весь в форме и значках, прибыл к любимой тетке. Но не успел дойти до калитки, как был атакован целой бандой охамевших в корень гусей. Я к тому времени уже подзабыл, насколько могут быть пакостны эти водоплавающие, поэтому, когда один из них, самый здоровый, с наглой мордой матерого уголовника встал на моем пути и, растопырившись в виде российского герба, вытянув шею, зашипел, только плюнул в него и буркнув: «Пошел в жопу, мутант», — двинул дальше. Это была ошибка... Кусаться гуси, конечно, не могут, но щиплются эти сволочи аж до слез. Да еще крыльями лупят, как палками! И ведь самое главное — не ответишь! Свернуть тонкие шеи атакующим бандитам не представляло труда, но начинать приезд со ссоры с их хозяевами вовсе не хотелось. Поэтому пришлось позорно убегать. И ладно бы мою ретираду никто не видел! Зряшние надежды! Сколько лет уж прошло, а мне нет-нет да и вспомнят прыжки и кульбиты, которые я перед теткиной калиткой выделял. В этой большой деревне соседи очень глазастые, поэтому домашним было доложено всё. И даже показано в лицах. Я, конечно, во время этих рассказов тоже ржал вместе с остальными, но крайнюю неприязнь к пернатому вместилищу «фуа-гра»²⁸ испытываю до сих пор.

Так что в полном удовлетворении от меткого попадания я закурил и, прикрыв глаза, продолжил слушать музыку и обдумывать идею вообще не возвращаться в Москву, а осесть здесь, в Юрьево. А что — климат тут просто замечательный, жилье, по сравнению с заоблачными московскими ценами, стоит совершеннейшие копейки, народ опять-таки очень доброжелательный. Девчонки так вообще — все как одна обалденно красивые и совершенно не испорченные эмансипацией. Глядишь, еще и женюсь... Тетка-то мне, уже начиная с третьего дня приезда, начала ненавязчиво сверлить мозг, чуть ли не каждый день приглашая своих подружек с взрослыми дочерьми в гости. И кстати, среди этих дочерей попадались мамзельки очень даже очень. Да и свое дело здесь можно замутить без особых проблем. Денег по меркам провинции у меня сейчас немерено, поэтому вполне можно заделаться

²⁸ Блюдо из гусяной печени.

олигархом местного пошиба. Да жить себе поживать, спокойно и размеренно. А чего бы не жить, когда я тут всех считай с самого детства знаю. Включая представителей как власти, так и криминалитета. С Женькой Запашным, который сейчас служит первым замом главного мента города, мы ту самую подводную лодку строили, а с Феликсом, который братвой рулит, столько садов соседских обнесли — вспомнить стыдно.

М-да... если здесь останусь — мне никакие Исрани страшны не будут. Пусть они хоть всей своей «Эль-Мухафой» приезжают. Как приедут, так здесь и останутся. В заброшенных карьерах места много, а народ тут хоть и доброжелательный, но за своих всегда стоит горой и горло кому хочешь перегрызет. В больших городах этого давно нет, поэтому я и отвык от подобного отношения. Там ведь как — знаешь только коллег по работе, соседей по площадке да плюс каких-то немногочисленных знакомых, оставшихся с прежних времен. И что характерно, в основном все, как говорится — «кожен сам за сэбэ».²⁹

Здесь же — как будто страна другая. И люди совершенно другие. Кхм, единственно что, если действительно надумаю остаться, надо будет с Запашным переговорить по поводу моих заморочек. А то ведь я сказал, что просто так приехал. Дескать, фирмочка, где работал, — накрылась медным тазом, а у меня отпусков неотгулянных за несколько лет накопилось чуть ли не на полгода. Вот и решил себе устроить большие каникулы.

Да-а... скажи я такое в Москве, с ее сумасшедшим ритмом жизни, мне бы только пальцем у виска покрутили. А здесь — нормально. Гуляет человек законный отпуск и пусть себе гуляет. А работа не волк — никуда не убежит, да и новую найти никогда не поздно. Правда, Женька уже неделю назад удочки закидывал насчет того, мол, не желает ли бывший старлей снова стать государевым человеком? Но мне в МВД как-то неохота идти. Лучше свой бизнес начать. Только надо еще придумать какой именно...

Тут радужные мечты были прерваны движением у забора. Повернув голову, я увидел соседа — Игоря Михайловича, носящего подпольную кличку «Профессор». Он жил через два дома от нас и считался новеньким, так как переехал в Юрьево откуда-то из-под Воронежа всего двадцать лет назад. Хм, вот еще одно проявление патриархальности — в таких городках, как этот жизнь течет очень неторопливо, поэтому и через тридцать лет человека будут здесь считать недавно приехавшим. А «Профессором» его называли потому, что сосед имел ученую степень, но почему-то давным-давно завязал с наукой и, бросив свой институт, приехал сюда. За время проживания Игорь Михайлович прослыл человеком крайне немногословным, рассудительным и где-то даже таинственным. Наверное, потому что за все годы его жизни здесь он ни с кем близко не сошелся, водку не пил, на базаре фруктами-овощами со своего сада не торговал, отдыхающим угол не сдавал и периодически исчезал на пару недель в неизвестном направлении. В общем, по местным меркам — человек-загадка.

И сейчас Профессор, остановившись возле нашего забора, взмахом руки пытался привлечь мое внимание. Сняв наушники, я положил их на ноутбук, после чего, поднявшись из качалки, сделал несколько шагов, подходя ближе, и поздоровался.

Игорь Михайлович поздоровался в ответ и, несколько помявшись, спросил:

— Сергей, мне Зоя говорила, что вы в компьютерах разбираетесь?

Пожав плечами, я кивнул:

— Разбираюсь маленько. А что у вас?

Сосед махнул рукой:

— Да что-то моя машинка работать перестала. Начинает загружаться, сканирование памяти и видеокарты проходит нормально, а потом даже заставка появиться не успевает, как все уходит в перезагрузку. Вы не подскажете, как это лечится и лечится ли вообще?

Хе, это же надо, какие у нас пенсионеры продвинутые пошли! Сосновскому, насколько мне известно, далеко за семьдесят, если даже не за восемьдесят, а гляди ты — не просто с

²⁹ Каждый сам за себя (укр).

компом дела имеет, но еще и более-менее внятно проблему описать может. Хотя что с него взять, не зря говорят — «профессор»! С другой стороны, до весны я совершенно свободен, так почему бы не помочь? Тем более что дисками с прогами затарился по самое «не могу», да и на ноуте столько всего лежит, что сложностей в процессе помощи возникнуть не должно.

Поэтому солидно ответил:

— Смотреть надо. Сейчас схожу, оденусь, сумку с «дровами» возьму, и пойдете, глянем, что у вас случилось...

* * *

Вот так я вплотную и познакомился с бывшим завлабом Радужнинского научно-исследовательского центра — Сосновским Игорем Михайловичем. Комп сделал, остался на чай, потом просто языками зацепились. А после этого как-то получилось, что я к нему довольно часто стал заходить. Собеседником Игорь Михайлович оказался очень интересным и знаниями обладал просто запредельными. Причем в самом широком спектре — от политики и до технических новинок. Ну так еще бы! Профессор, который на самом деле был доктором физико-математических наук, мне наглядно показал, что доктором он не просто так называется. Во всяком случае, до знакомства с ним я еще не встречал настолько эрудированных людей.

Поэтому и триндели мы бывало по несколько часов подряд. Причем с неослабевающим с моей стороны интересом. И как-то само собой вышло, что я ему первому рассказал об истинных причинах приезда в Юрьево. Профессор, в общем, мои действия одобрил, попеняв только на то, что я не сразу из Москвы удрал. И еще — он почему-то совсем не сомневался, что евреи меня хотели задействовать в какой-то своей операции, а я, отказавшись от их предложений, все планы Моссаду поломал. Кстати, во время того разговора у меня сложилось такое впечатление, что Игорь Михайлович на евреев имеет огромный зуб. Но когда я спросил об этом прямо, он только улыбнулся и перевел разговор на другую тему.

А ближе к концу сентября, когда я очередной раз пришел к нему в гости, сосед, выставив на стол неизменный чай с малиновым вареньем, завел довольно странный разговор. Точнее, у нас все разговоры были с заумью, но начало этого мне показалось совсем уж необычным. Игорь Михайлович, хлебнув чаю из большой расписной кружки, задумчиво посмотрел на меня и поинтересовался:

— Сережа, вы что-нибудь слышали о теории Хью Эверетта? В частности, о его «Формулировке квантовой механики через относительность состояний»?

— Чего-о-о?

Похоже, у меня сделались такие глаза, что «проф», смутившись, поспешил перефразировать и зайти совсем с другой стороны:

— Извините... Задам вопрос по-другому. Скажите — вы фантастику любите?

Я хмыкнул и ответил фразой из анекдота:

— Кушать да, а так — нет.

— Понятно... А как вы относитесь к гипотезе множественности миров?

— «Множественности» — это типа параллельных, что ли? В принципе — никак. Хотя о ней слышал. И даже фильм смотрел. Вон, на прошлой неделе новый сериал показывали, «Зазеркалье» называется. О том, как группа американских ученых бежит по тем самым «параллелям» и влипает в неприятности. А к чему это вы спросили?

Игорь Михайлович отставил свою посудину, повздыхал и, махнув рукой, словно отменяя какие-то сомнения, начал свой рассказ.

Оказывается, очень давно, еще в прошлом веке, в так называемом «закрытом» городе Радужный-2, расположенном во Владимирской области, велись исследования, в том числе и по поводу параллельных миров. А сосед был одним из руководителей лаборатории, занимавшейся данным вопросом. Все у них было совершенно по-взрослому. И строжайшая

секретность, и курирование со стороны КГБ, и допуски, по сравнению с которыми мой допуск это просто детский лепет. Был даже практически настоящий коммунизм в отдельно взятом городе. Только вот результатов не было. Кроме множества теорий и сотен неудачных экспериментов — совершенно ничего. А в 1990 году в Аркаиме археологи нашли, как выразился Сосновский, — «прелюбопытнейший артефакт».

М-да... слово «артефакт» у меня прочно ассоциировалось исключительно с компьютерными игрушками, но с «профессора» станется обозвать так все что угодно. Да и честно говоря, я не очень-то поверил в его рассказ. У людей, даже очень умных, к старости так бывает... Как бы это сказать? В общем, они слегка клинят. Кто на чем. Игорь Михайлович, похоже, находясь столько лет в одиночестве, поймал бзик на утверждении собственной значимости. Дескать, это я сейчас старый и больной, а вот ра-а-а-ныше — ух! Был кум королю, сват министру! Ну и для большей убедительности принялся рассказывать сказку о закрытом исследовательском центре. Зачем это ему надо — непонятно. А сейчас даже мне стало неудобно от подобных речей, поэтому, не заостряя вопрос на конкретизации находки и желая уберечь собеседника от «потери лица», спросил другое:

— А что такое «Аркаим»? Город или страна? Да и вообще — название какое-то нерусское. Небось где-то на Тибете находится?

Сосновский недоуменно посмотрел на меня и крикнул:

— Сергей, ну нельзя же настолько не интересоваться окружающим миром! Это ведь археологическое открытие, сравнимое по значимости с находкой Шлиманом Трои! Знайте — Аркаим это именно город. И найден он не где-то на Тибете, а у нас, в Челябинской области, в восемьдесят седьмом году прошлого века, при строительстве гидроузла.

Странно... Про этот город я действительно что-то слышал. Но как у «профа» интересно выходит реальность с выдумкой смешивать. А! Я, кажется, понял, к чему он все сведет! Ну, ну... Ладно, хочется ему поприкалываться над молодым собеседником, пусть себе. Тем более что уж в чем, в чем, а как рассказчик сосед кому хочешь фору даст...

А Игорь Михайлович, видно удовлетворенный моим подбадривающим кивком, вздохнул и, сказав, что не это главное, продолжил рассказ.

В общем, по его словам, археологи нашли, а гэбэшники приволокли в Радужный какую-то хреновину, похожую на турник. Сделана эта штука была из очень хитрого сплава, который для тех времен был просто невозможен. Ученые резво взялись ее обследовать, но, кроме странности металла, она их работе ничем не помогла. Поначалу. А потом случился прорыв. Точнее, то, что было принято за прорыв когда при определенном воздействии подключенные к объекту приборы стали выдавать весьма любопытные характеристики. Только дальше этих необычных характеристик дело не сдвинулось. Но объект был признан особо перспективным и его принялись ковырять с утроенной энергией. Работали очень плотно, до самого конца, который наступил в 1993 году...

Блин, Игорь Михайлович рассказывал все настолько серьезно, что я внутренне подобрался. Как-то слишком много подробностей. Да и глаза во время этого рассказа у него стали такие... Нет, или в его лице сцена потеряла великого актера, или... да нет, не может быть! Сейчас он дождется, когда я рот от удивления открою, и в своей обычной манере начнет по-доброму вышучивать великовозрастного балбеса, который до сих пор верит в сказки. А вот фиг он угадал! Не дождется!

Но сосед и не думал улыбаться. Наоборот, тяжело вздохнув, он продолжил рассказ, говоря о том, что к 1993 году финансирование совсем прекратилось, а на секретных объектах начали появляться какие-то мутные «иностранные наблюдатели». И как-то так совпало, что тогда же бывший «коммунистический» город начал резво превращаться в город будущих наркоманов. В общем, стало окончательно понятно, что стране уже не нужны ни ученые ни их исследования, и народ принялся активно разбегаться в поисках заработка.

Я про подобный беспредел был наслышан и относился к нему просто как к превратностям того далекого времени, но Профессор от воспоминаний совсем распереживался и даже закурил стрельнутую у меня сигаретку. Затянувшись один раз, он

закашлялся и, вытерев платочком заслезившиеся глаза, с силой воткнул ее в пепельницу. А потом, помолчав, сказал:

— Но за некоторое время до наступления полного коллапса была объявлена подготовка к плану «Сумерки».

Загасив до конца продолжавший дымиться «бычок», я осторожно поинтересовался:

— И что этот план подразумевал?

— Хм... он подразумевал очень многое. Но скажу лишь одно — этот план был разработан на случай оккупации страны противником. Так что сами можете представить, что это было за время.

— И?

— И всё. Подготовка была, но реализации не было. Где-то произошел сбой. Хотя какой там «сбой»... Когда предательство происходит на самом верху, это гораздо хуже любой самой страшной оккупации... В общем, все просто тихо развалилось и умерло. Но наш руководитель — Тихомиров, светлейшая голова и ученый с большой буквы, взял на себя ответственность и пошел на должностное преступление. Он, по ряду лабораторий, реализовал «Сумерки» на свой страх и риск, еще до окончательного развала. Все данные последних исследований были уничтожены или фальсифицированы. А наиболее перспективные к разработке объекты розданы трем руководителям проектов. Куратор от КГБ был настоящий патриот и поэтому одобрил все действия Тихомирова. Да что там говорить, без куратора ничего бы и не получилось... А так, когда какие-то непонятные люди с большими полномочиями приехали осматривать наш центр, им досталась только не представляющая интереса мелочовка и липовые результаты работы. Ну а мы просто разбрелись кто куда. Мне до пенсии оставалось всего-ничего, поэтому, доработав дворником, продал машину и переехал в Юрьево. Квартиру пришлось просто бросить, так как в Радужном-2 она стоила совершеннейшие копейки, только даже за эти копейки покупателей не было. А то, что было накоплено и лежало в сберкассе, превратилось в пшик. Хорошо еще денег с продажи «Волги» вполне хватило на покупку этого домика. М-да...

— А почему дворником устроились? Получше места не нашлось? Или это... кхм, для маскировки?

— Какая там маскировка! Туда, где платили, то есть за границу, я не собирался ехать по моральным соображениям, а на родине... В общем, так скажу: грузчик из меня получился плохой — годы не те, но вот дворник — вполне нормальный...

Игорь Михайлович, побарабанив пальцами по столу, на несколько секунд замолк, видимо вспоминая, каково ему тогда пришлось, а потом выдал:

— А теперь самое главное. Уже здесь я, насколько мог, продолжал исследования объекта «18–36 бис». Продолжал, даже зная, что раньше мы практически ничего не могли добиться целым штатом светлых голов. Но свободного времени у меня неожиданно стало очень много, вот и ковырялся потихоньку. Восемнадцать лет исследований прошли безрезультатно... Только, как это очень часто бывает в науке, все решил случай. Два года назад на... — Сосновский хмыкнул и, смущенно кашлянув, продолжил: — Да, на свалке, я нашел интересный прибор. Ну, вы, наверное, подобные видели. На базе трансформатора Теслы сделана такая игрушка — стеклянный шарик с электрическими разрядами. Принес ее домой, починил и, включив, поставил на стоящий в углу столик. Как раз рядом с «турником». И представьте мое удивление, когда внутреннее пространство объекта «18–36» вдруг потемнело! То есть буквально через пару секунд налилось сплошной чернотой! Я был поражен! Ведь еще в Радужном что мы только не пробовали. В том числе и трансформаторы Теслы. Но результата не было. А тут вдруг все получилось... М-да... В общем, не буду утомлять вас рассказами о том, что и как я делал потом, просто скажу — мне удалось открыть путь в параллельный мир!

Я, хлопая глазами, слушал этот рассказ, не зная — верить или нет. Ведь все было сказано без тени улыбки. А глаза, тональность, мимика, интонации только подтверждали, что человек говорит правду. Но он не может ее говорить! И дело даже не в фантастичности

самой истории! Дело совершенно в другом.

Сосновский, видно, правильно истолковал мое молчание, потому что, улыбнувшись, спросил:

— Вас что-то смутило в моем рассказе?

Я кашлянул и честно ответил:

— Вообще-то да. Спорить не стану — в жизни и не такие чудеса встречаются. Но сами посудите — по вашим словам, вы практически всю жизнь проработали на государство. Причем не просто на государство, а на его наиболее закрытые проекты. И что такое режим секретности знаете не понаслышке. Да что там говорить — он у вас в крови сидеть должен! А тут... как там у классиков было... — Прикрыв глаза, я по памяти процитировал: — «И тогда Ипполит Матвеевич открыл первому же встреченному им проходимцу все, что ему было известно о бриллиантах». Так что или вы вообще не работали в закрытом городе, или никакого открытия не было, а вы мне сейчас, кхм... извините, просто сказку рассказали.

Мне казалось, что после этих слов Игорь Михайлович может обидеться, но этого не произошло. Наоборот, удовлетворенно кивнув, словно убедившись в каких-то своих предположениях, он серьезно произнес:

— А третий вариант вы не учитываете?

— Какой?

— Безвыходное положение. Кстати, у Кисы Воробьянинова оно тоже было безвыходным, только «предводитель дворянства» это не сразу понял. Но чисто инстинктивно поступил правильно. Ведь если рассуждать трезво, то без Остапа Ипполит Матвеевич не нашел бы вообще ни одного стула. А с Бендером лишь случайность помешала добраться до сокровищ. Вот и у меня сейчас безвыходная ситуация. Просто мне для одного очень важного дела, направленного на продолжение исследований, **КРАЙНЕ НЕОБХОДИМ** помощник. Причем не в научной части, а скорее в силовой. То есть молодой, крепкий и неболтливый человек, который умеет хранить чужие секреты.

«Проф» многозначительно замолк, а я облегченно выдохнул, фу-у-у, вот тут-то ты, мил человек, и прокололся! «Безвыходное положение» у него. Щаз! При подобных раскладах у ученого никак не может быть этого самого «безвыходного положения». Да как только государевы люди узнают об успешном эксперименте, у соседа не возникнет никаких проблем и вопросов. Ну, может, кроме одного: «Что? В какой валюте я хочу получить положенную вместо Нобелевской премии компенсацию?»

Но желая поддержать предложенную игру, я не рассмеялся в голос, а только въедливо поинтересовался:

— И для чего он вам нужен? На роль подопытной крысы? — и тут же добавил: — Если вы меня на эту роль сватаете, то разу скажу я несогласный. Я электричества боюсь, да и вообще... — А потом сменив тон, фыркнул: — Вам не надоело? Как по мне, так шутка затянулась. Рассказывали вы, конечно, очень увлекательно, но я слишком хорошо знаю СИСТЕМУ, чтобы вам поверить. Судите сами — как только государство узнает о вашем открытии...

Увидев внезапно заледеневший взгляд Профессора, я осекся, а он, катнув желваками, отрезал:

— Государство?! Для меня никто «Сумерки» не отменял! Сергей Васильевич, разве вам не очевидно, если парадигмой общества декларируется и возможность, и даже необходимость паразитирования, то обращаться к носителям такой государственности безнравственно?

Ого! Как завернул! В последний раз Игорь Михайлович выражался подобным слогом, когда я заикнулся о Сталине, обозвав усатого правителя «кавказским палачом». А Сосновский в ответ минут на двадцать разразился осуждающим мою позицию монологом, из которого я практически ничего не понял, лишь по интонациям собеседника догадавшись, что он со мной в корне не согласен. Вот и сейчас, кажется, мое предложение Профессора сильно выбило из колеи. Обычно он тщательно следит за своей речью и старается не использовать

стиль общения, принятый в их научной среде, предпочитая разговаривать нормальным языком. Но, похоже, мои слова его чем-то крепко зацепили.

Хорошо хоть его теперешняя фраза была достаточно коротка, и я вполне ясно разобрал в ней принципиальное нежелание сотрудничать с властями. Поэтому, сглаживая ситуацию, примиряюще пожал плечами:

— И что вы так разволновались? Бардак девяностых вроде давно закончился. Зарплаты да пенсии платят. Бандитской стрельбы на улицах нет. Чего вам еще не хватает?

Игорь Михайлович, похоже, взял себя в руки, ответив вполне понятным языком:

— Отношения к жизни. Пойми, власть у нас вроде не оккупационная. И руководят нами не пришлые иностранцы, а вполне себе граждане России. Но это все лишь внешняя оболочка. Маска. Так как по сути, по своему духу, они — янычары.

Я удивленно вытаращил глаза:

— Это в каком смысле?

— В самом прямом. Если тебя с детства воспитывают относиться с презрением ко всему отечественному, начиная от любых технических или художественных достижений своей страны и заканчивая людьми, в ней проживающими, то патриотом ты точно не вырастешь. Наоборот...

— Да ну, — неопределенно покрутив ладонью, я попытался сформулировать: — Это кто же нынешних шишек так мог воспитать? У них папы-мамы все как один при СССР посты занимали — дай боже! И идеология тогда была ого-го! Так что воспитывали как раз в духе этого, как его... о! — коммунистического ленинизма. Или марксизма?.. Не суть! Главное, что если кто от этого учения отходил, так или с поста гнали, или вообще — на Колыму!

Сосновский вздохнул:

— Не думал, что нынешняя молодежь столь наивна... Вот скажи, тебе известен термин «штатники»? Э-э-э... хотя это самоназвание, и они гораздо более известны, как стилиаги.

На секунду задумавшись, я согласно кивнул:

— А как же! Лет семь назад одноименный фильм видел. Очень даже неплохой. Яркий, сочный, с хорошими песнями. Кстати, даже не предполагал, что у нас в пятидесятых могла быть своя субкультура. А что?

— Оставим за рамками то, что этот фильм имеет к реальности такое же отношение, как и сказки братьев Гримм. Весь, включая так понравившиеся тебе песни, реально, кстати, написанные в конце восьмидесятых годов. Просто стилиагами, или как они себя сами называли — штатниками, могли стать лишь дети ОЧЕНЬ обеспеченных родителей, имеющих вдобавок хорошие связи. Я вот тоже смотрел то кино, про которое ты говорил. Смотрел и смеялся от всей души. Как же — молодой паренек из коммуналки, подработав на разгрузке вагонов, приобрел себе яркую одежду и тут же влился в стройные ряды стилиаг.

Пожав плечами, я спросил:

— И что тут такого? Захотел и влился. Там ведь не в одежде дело было, а в духе!

Профессор подумал, а потом, видно, решив не усложнять, ответил:

— Знаешь, Сережа, я не буду тебе объяснять все нюансы. Скажу одно — шанс быть принятым в подобную компанию у него был. Точно такой же, как у нынешнего московского студента откуда-нибудь из хрущевки в Бирюлево попасть на тусовку современной золотой молодежи. И не просто попасть, но и стать завсегдатаем этой тусовки. Так что сам можешь подсчитать эти шансы... М-да... Но мы отвлеклись. Так вот штатники — в основном дети дипломатов, генералов, профессоров, директоров магазинов, членов политбюро и прочих «сливок интеллигенции», с юности поняли одно: они — будущая элита, которой красиво жить не запретишь! А красивая жизнь в их понимании это обязательно — «made in...». И так как СССР, вместе с населяющими его людьми, ничего интересного, с их точки зрения, предоставить не мог, они обратили свой взор на Запад. Стараясь при этом всячески дистанцироваться от своей страны и своего народа, в тесном кругу, с наслаждением унижая «савок» и восхищаясь всем иностранным. Так, конечно, поступали далеко не все, но именно

тогда началось гниение. А так как у нас сын дипломата становится дипломатом, а сын генерала — генералом, то к началу девяностых мы имели вполне себе созревшую поросль, готовящуюся занять места родителей у руля государства. Поросль, считающую слово «патриотизм» — ругательством, народ — быдлом, а страну — полным дерьмом, годным лишь на то, чтобы качать из нее деньги. Поросль временщиков, которые воспитывают детей за границей, держат финансы в иностранных банках, поддерживают не своего, а английского или немецкого производителя. Тех, которые практически уничтожили российскую науку и образование. А вы еще спрашиваете чего мне не хватает... Так что, пока во власти янычары, наше руководство может не беспокоиться относительно параллельных миров.

Изумленно почесав щеку, я уточнил:

— Так что, все со стилиг началось?!

— Нет, конечно, но и они внесли свою лепту. А о штатниках вспомнил, потому что ты спросил: каким образом во времена Союза могли появиться люди, презирующие свою родину. Вот я и привел пример. Хотя, конечно, причин может быть очень много...

Сосновский перевел дух и, как-то сгорбившись, добавил:

— Только ты знаешь, Сергей, я думал, что хуже, чем было у нас, просто быть не может. Но когда попал «на ту сторону», понял, что наш вариант истории это даже не цветочки, а так — пыльца от цветочков.

Я, отходя от эмоциональной речи собеседника, тряхнул головой и, возвращаясь к предыдущему странному разговору, ехидно улыбнулся:

— Ого! Так вы уже ТАМ были? А зачем тогда я понадобился?

«Проф» бросил на меня удивленно-рассерженный взгляд:

— Разумеется, был. Не думаете же вы, что я вообще бы начал этот разговор, досконально не убедившись в полной безопасности функционирования портала?

Не обращая на его недовольство внимания, я так же, с подначкой, продолжил:

— И как ТАМ? Люди есть?

— Конечно. И земля и люди, и Россия есть. Точнее то, что от нее осталось...

— В смысле?

— В самом прямом. Российской Федерации в том мире больше не существует. — Видно, предугадывая мой вопрос, он махнул рукой: — Нет. Никакой войны не было. Все было практически как у нас. Только вот, по разным причинам, распад СССР плавно перешел в распад самой России. О причинах произошедшего говорить можно долго, но вы ведь политикой не очень интересуетесь, да и не это сейчас главное...

У меня по спине пробежали ледяные мурашки. Это он что... это он всерьез?! То есть наш престарелый сосед на самом деле руководил какой-то закрытой лабораторией? На самом деле проводил эксперименты с параллельными мирами? На самом деле сделал открытие? Бред! Так не бывает!

Я с трудом сглотнул и, уже очень надеясь, что все вышесказанное было просто шуткой, выставил руку перед собой, призывая собеседника к молчанию, и твердо произнес:

— Игорь Михайлович, вы меня, конечно, извините, но хотелось бы кое-что уточнить. Из всего рассказанного мне понятно — данные о «турнике» относятся к высшей категории секретности. И судя по тому, что за все эти годы никто из властных структур вас не побеспокоил, похоже, вы остались единственным человеком, кто о нем вообще знает. То есть вы, единолично, много лет были владельцем бесценной информации, способной перевернуть мир. Вот и возникает вопрос — почему именно я? В смысле, почему и зачем вы это все мне рассказали? Мы ведь знакомы буквально месяц, и у вас нет никакой гарантии, что я с этими новостями не рвану в ФСБ.

Игорь Михайлович молча поднялся и, выплеснув остывший чай, налил нового. А потом, сев, спокойно сказал:

— За этот месяц я вас узнал достаточно, чтобы понять — вам можно доверять. А если учесть, что вы совсем недавно были командиром подразделения, относящегося к структуре ГРУ, то по умолчанию являетесь человеком, который отлично осознает, что полученные

вами сведения имеют гриф «особой важности» категории «А». И поэтому отнесетесь к ним не как какой-нибудь гражданский шалопай, которому хватит ума придать всё услышанное огласке...

— Это-то я как раз отлично понимаю! Я не понимаю другого — почему вы думаете, что я не пойду с этими сведениями в компетентные органы?

Сосед пожал плечами и, тяжело вздохнув, ответил:

— Потому что я вас об этом попрошу. Просто по-человечески попрошу повременить с походом в госбезопасность. Неужели этого мало?

Я подозрительно посмотрел в выцветшие от старости глаза Сосновского, которые так и лучились доверием, и чуть не сплюнул. Нет, ну надо же так попасть?! Зараза! Вот как задницей чувствовал, что ничем хорошим его байка не кончится. Ха «просто попрошу»... тут гостайна высшей категории, а он в игрушки играет. Или... или не играет? Еще раз глянув на старика, я задумчиво пожевал губу.

Так, надо мыслить логически. Начнем с того, что дураком «профа» точно не назовешь. Дурак просто не в состоянии двадцать лет хранить ТАКОЙ секрет. То есть ума, выдержки и скрытности у старика вполне хватает. А тут вдруг Сосновский решил раскрыться малознакомому человеку. Ладно, допустим, у него безвыходная ситуация и понадобился помощник. Но почему я? Понятно, что на тракториста Васю или студента Петю, могущего случайно разболтать доверенные сведения, я не похож. Не зря сосед упомянул мою службу в подразделении ГРУ. Но ведь он должен сообразить, что трепать языком собеседник, конечно, не будет, только вот именно в силу своего офицерского прошлого, понимая, КАКОЙ важностью обладает полученная информация, с огромной долей вероятности доложит о ней наверх. И все эти «просто попрошу» являются в данном случае наивной отмазкой. Игорь Михайлович не может этого не учитывать.

Нет, тут что-то другое. Профессор, похоже, уверен, что я его не сдам. Тогда получается... Еще раз взглянув на своего собеседника, я только зубы сжал. Вот змей, неужели он НАСТОЛЬКО смог все просчитать? Мне ведь действительно в органы бежать совсем не с руки. До поездки в Израиль — без проблем. А сейчас... М-да, не зря я, как только заподозрил, что рассказываемая им байка может быть РЕАЛЬНОЙ историей, холодным потом покрылся. И все из-за своего еврейского приключения. Причем, если бы дело ограничилось только террористами, то это еще было бы ничего. Стычка с арабами воспринималась бы как несчастный случай, не более того. Но как уже говорилось, я слишком хорошо знаю СИСТЕМУ. И это знание дает уверенность в том, что как только Корнев законтачил с представителями израильских спецслужб, в лице Майиного жениха, то его моментом взяли на карандаш. И в ФСБ, и исходя из моей ВУС³⁰ — в военной контрразведке. Нет, свежезавербованного шпиона во мне не подозревали. Но сведения о контакте нашли отражение в личном деле. И вовсе не потому, что меня решили «закошмарить», а потому что так было положено.

В обычной жизни это практически ничем не грозило. Единственно что, даже работая на гражданке, я не сумел бы получить допуск, имеющий хоть какое-то отношение к государственной тайне. К примеру, не смог бы работать главным инженером на режимном предприятии. Или шишкой в какой-нибудь внешнеполитической госструктуре. Ну и фиг с ним. Я туда, в общем, и не рвался.

Но в случае с Сосновским все становится гораздо сложнее. И если всплывет информация о моей причастности к информации грифа «особой важности», то я даже боюсь предположить свою дальнейшую судьбу. Будь даже я чист аки агнец и то жизнь бы круто поменялась. Причем с непредсказуемыми последствиями. Но вот отметка в личном деле о контактах с представителями забугорных спецслужб лишает каких-либо иллюзий напрочь. Что контрразведка, что безопасность — особыми сантиментами не страдают, и если будет

³⁰ Военно-учетная специальность.

хоть малейшее подозрение, что тайна ТАКОГО уровня может попасть к иностранцам, то Корнева в самом лучшем случае упакует так далеко и глубоко, что я имя свое забуду, а солнце буду видеть раз в полгода. Чего тут говорить — уж я-то точно знаю, что это обычная практика, принятая в любой серьезной стране. Только мне совершенно не хочется «упаковываться». Так что ни о каком походе в ФСБ не может быть и речи.

Тут Сосновский все верно просчитал. Но ведь он мне не только рассказал про свое открытие, он еще и про помощника намекнул. Поэтому очень интересно, почему сосед считает, что я не пошлю его на три буквы и не сбегу куда подальше? Это было бы вполне логично с моей стороны.

Нет, что-то не то получается... Тогда какой ему был смысл вообще про «турник» рассказывать? Но он рассказал, значит, почему-то считает, что я стану ему помогать. Почему?!

Хм... задумчиво поскребя щеку, я машинально глотнул чаю и, не найдя прямого ответа, решил прервать затянувшееся молчание:

— Допустим, я уважу вашу просьбу и сохраню все в тайне. Но мне одно непонятно — с какой стати вы решили, что я восплаю желанием вам помогать?

Сосновский как-то лукаво сощурился, неуловимо став похожим на кота Базилио из старого фильма, но ответил вполне серьезно:

— Знаете, Сережа, вы, разумеется, можете отказаться. Тем более что мне и оплатить вашу помощь нечем. Ну... практически нечем. Только имейте в виду — вам я могу доверять всецело, будучи твердо уверенным, что вы человек слова и информация об «объекте 18–36» нигде не всплывет. Не всплывет, так как вы отлично понимаете, какое отношение должно быть к сведениям подобного уровня. Но в случае вашего отказа мне придется искать другого помощника. И нет никакой гарантии, что он не будет гораздо менее опытным вас в отношении сохранения информации категории «А».

Вот гад! Я аж фыркнул от неожиданности. Как он все продумал! Теперь все стало понятно... Ну да, к примеру — я отказываюсь. И что? Этот «профессор Мориарти» ищет другого. Но если другой хоть как-то проболтается, то мне точно — кирдык! Безопасность, выйдя на Сосновского с помощником, начнет их трясти как груши (да еще и наверняка с применением фармакологических средств). В данном случае никто стесняться не будет. И в результате этой «тряски», помимо основной информации, появятся сведения о причастности к этому делу некоего Корнева. То есть лично для меня получатся те же яйца, только в профиль. Но так как подозрений в этом случае у госбезопасности будет больше (типа — почему скрывал?), то на «упаковку» можно не рассчитывать. Найдут, допросят и закопают. Ну я и влип... Вот только этого геморроя мне ко всему прочему и не хватало. Для полноты, блин, ощущений!

Ладно... «Проф» у нас человек головастый, но и я не пальцем деланный. Он думает, что все учел, но почему-то упускает возможность того, что и я могу кое-что спрогнозировать в его поведении. Так что поиграем... Сделав задумчивое лицо, я шумно выдохнул и, криво улыбнувшись, поинтересовался:

— Игорь Михайлович, вы себя в роли шантажиста до встречи со мной не пробовали? А то хватка нешуточная чувствуется...

Сосновский всплеснул руками:

— Бог с вами, Сережа! Вы о чем?!

Непонимающего строишь? Хорошо, а если так:

— Задам вопрос по-другому. Ответьте честно, если бы не мое еврейское приключение, вы бы мне стали рассказывать о своих исследованиях?

Игорь Михайлович потарабанил пальцами по столу, побряхтел, а затем, глядя мне в глаза, твердо ответил:

— Но ведь оно было? И знаете, Сергей Васильевич, я очень рад, что не ошибся в вас. Рад, что вы все смогли трезво взвесить и понять...

После этих слов у меня исчезли последние сомнения. Этот жук очень четко просчитал

ходы собеседника. И сейчас практически прямым текстом ответил, что если бы не моя стычка с террористами, а самое главное, последовавшая за ней встреча с Натаном Блохом, он бы никогда ничего мне не стал говорить.

Я поудобнее уселся на стуле и, достав сигарету, щелкнул зажигалкой. Раньше себе такого не позволял, всегда спрашивая разрешение, прежде чем закурить, но сейчас мне нужно было показать, что наши отношения перешли в несколько иную плоскость. А потом, выпустив к потолку струю дыма, выдал:

— Ладно, расклад ясен. Теперь можете говорить, для чего вам так понадобился помощник?

Сосновский, который понял, что я хоть и покраснел от злости, но не собираюсь его прямо сейчас душить диванной подушкой (хотя, честно скажу, даже этот вариант с перепугу мелькнул было у меня в голове), встрепнулся и торопливо сказал:

— Поверьте, Сергей, ничего сложного! Надо только сходить на ТУ сторону, добраться до Радужного-два и, достав из тайника «турник», привезти его сюда. То есть ваша помощь и состоит в этой единичной акции. После которой я больше вас никогда не потревожу.

— Пф! — Я поперхнулся дымом. — Я... Э-э-э... Что-то я недопонял. Если этот «турник» ТАМ, то как я ТУДА вообще попаду?! Вы... ничего не путаете?

У меня внезапно вспыхнула надежда, что вся эта история все-таки бред впавшего в неожиданный маразм собеседника, но сосед ее быстро развеял:

— Не путаю. Просто в ТОМ мире, приблизительно до путча девяносто первого года все было совершенно так же, как и у нас. И объект «18–36» был найден и передан в нашу лабораторию. Но его так и не удалось активировать, хотя исследования шли гораздо дольше, чем у нас, — вплоть до 2009 года. А вывод о том, что и в параллельном мире работа с находкой зашла в тупик, я сделал после того, как артефакт обнаружился в тайнике. В противном случае объекта бы там не было. Сами понимаете, что активированный портал никто...

Внимательно слушая Профессора, я уловил некую нестыковку в его рассказе и перебил:

— Извините, вы сказали, что в «параллели» исследования шли гораздо дольше. Но это значит, что и последующая ситуация там была иной. Откуда в таком случае вы могли знать, что в тайнике что-то есть? Да и само местоположение тайника... оно ведь тоже изменилось? Согласитесь — не может быть, чтобы человек, действуя в разное время и в разных условиях, нашел для тайника одно и то же место.

Собеседник в ответ лишь вздохнул:

— Мне понятны ваши сомнения. Я и сам не знал наверняка, есть там объект или нет. Шел наудачу, думая для начала найти своего двойника и получить от него необходимую информацию. Но, добравшись до Радужного, узнал, что пенсионер Сосновский, через несколько недель после окончательного закрытия центра, был убит во время бандитской перестрелки. М-да... — «Проф» с силой потер лоб и продолжил: — Что же касается местоположения тайника... Просто согласно внутренней инструкции, от 19 августа 1991 года, для моей лаборатории были приняты четыре точки возможных «захоронок». Вот, узнав о «собственной» смерти, я по ним и пошел. Деваться-то все равно было некуда, плюс оставалась крохотная надежда, что инструкция осталась неизменной и в ТОМ мире, да еще что «Сосновский-два» четко следовал ее выполнению. Хотя, честно скажу — шел, совершенно не рассчитывая на успех. Так, для очистки совести. Но неожиданно даже для себя, обследуя второе место возможного тайника, нашел то, что искал.

— Так что же вы его сразу не забрали?

Профессор удрученно пожал плечами:

— Потому что артефакт весит двадцать девять килограммов. Я его, просто пытаюсь поднять, чуть не надорвался, не говоря уже о том, чтобы куда-то нести. В упакованном виде он, конечно, объем занимает достаточно небольшой, но на вес это не влияет...

— Ага, понял. Так получается, что «турников» две штуки? У нас и ТАМ?

Игорь Михайлович, подняв палец, торжественно заявил:

— В том-то и дело! В том-то и дело, что две!

Сложив пальцы домиком и щурясь от попадающего в глаза дыма, я подвел черту:

— Значит, вы хотите, чтобы я сходил в «зазеркалье», прошел по его территории... — на секунду запнувшись и прикинув расстояние, продолжил: — Тысячи полторы километров, взял спрятанную в тайнике хреновину и принес ее вам? Так?

Сосновский, удивленный внезапно изменившимся тоном собеседника, настороженно подтвердил:

— Так.

А вот теперь, доктор наук, держись! Думаешь, что все прикинул? Тогда — заполучи:

— Нет. Никуда я не пойду. Ищите другого дурака за пять сольдо!

«Проф» от такого заявления откровенно растерялся:

— Э-э-э... Но...

— Чего «но»? Или вы думали, что я, отлично понимая свое положение, никуда не денусь? Зря! Да, я знаю отношение спецслужб к секретоносителям такого уровня. И знаю, чем мне может грозить возможная утечка. Тут вы все правильно рассчитали. Но не учли того, что и я могу предвидеть ходы оппонента. Так вот, уважаемый Игорь Михайлович, никакой утечки просто-напросто не будет! И объясню почему: вы, двадцать лет хранили тайну. Но главное не это. Главное, что, совершив глобальнейшее открытие, которое переворачивает все представления человечества о мироздании, вы не обнародовали его. Кстати, насколько мне подсказывает пусть и небольшой жизненный опыт — ученые тщеславны. И я даже не могу представить, что кто-то из этой ученой братии смог бы поступить аналогично. В вы поступили именно так. Понятно, что вы человек старой закалки, да плюс со своими тараканами в голове относительно ныне существующей власти, так что тут, наверное, есть свои резоны. Но именно эта закалка и позволяет мне с уверенностью сказать — никто ничего не узнает. И к подходу поиска другого помощника вы отнесетесь ничуть не менее тщательно и взвешенно, чем сейчас. Так что МНЕ опасаться нечего. А засим — позвольте откланяться!

Я встал и, воткнув сигарету в пепельницу, глянул на собеседника. Тот молчал, не поднимая головы, упершись взглядом в вытертую полировку стола. Молчал до тех пор, пока я не сделал шаг к двери. А потом, уже мне в спину, сказал:

— Вы во всем правы... Извините меня, Сережа, я действительно хотел поступить непорядочно, воспользовавшись вашей откровенностью...

Обернувшись, я уже хотел было ляпнуть что-нибудь типа «бог простит», но, увидев выражение лица Сосновского, осекся. А он продолжал:

— И вы, разумеется, вправе думать обо мне как о старом, неудачливом шантажисте. Но вы для меня были последним шансом. Из-за этого все так и получилось. Мне ведь далеко за восемьдесят и у меня просто нет знакомых, которым можно было бы раскрыться и попросить о помощи. Кто уже умер, кто дряхл, а кто потерялся. Знать бы заранее... Но восемнадцать лет жизни прошли в исследованиях, а весь прошлый год был посвящен изучению проблемы прохода через портал. А когда она была решена и я провел на себе серию завершающих экспериментов, вот тут-то и встал вопрос с помощником. Я, грешным делом, даже по ту сторону портала думал найти хоть кого-то из старых друзей, только потом от этого решения отказался. Ведь вполне могло стать, что ЗДЕСЬ ты знал его как честного и порядочного человека, а ТАМ за эти годы он превратился в полную свою противоположность. Поэтому все так и вышло...

Блин... Вот терпеть ненавижу, когда у людей такие глаза становятся! С пустыней внутри. М-да, так не сыграешь, и сейчас он вполне искренен. Оно и понятно — если здраво рассудить, то второй подобной возможности у соседа просто не будет. С такими подходами и требованиями к кандидату «проф» точно никого не найдет еще ближайшие лет двадцать. А столько ему не протянуть...

Тут еще совсем некстати вспомнился рассказ о его семье: о сыне — боевом летчике,

навсегда оставшемся в Афгане, и о жене, не перенесшей эту потерю. И подумалось, что этот железный мужик не спился, не опустился, а, собрав волю в кулак, продолжил жизнь. Да какую жизнь! Куда там до него нашим агентам, работающим «на холоде»! Почти двадцать лет изображал из себя невзрачного пенсионера, а сам оказался гибридом инженера Гарина³¹ и нелегала Абеля.³² Это ведь какую выдержку надо иметь? И сломался он только сейчас, после моего отказа...

Почувствовав какой-то комок в груди, я скрипнул зубами и, досадуя на свою внезапно проявившуюся сентиментальность, опять шагнул к столу. После чего, оседлав старый венский стул с высокой спинкой, произнес:

— Ладно! Я обдумаю ваше предложение.

До Сосновского, видно, не сразу дошло, что ему говорят. Он покивал головой, потом достал из кармана рубашки какой-то флакончик с таблетками, вытряхнул парочку на ладонь и, только поднеся руку ко рту, вдруг застыл:

— Простите?

Я вздохнул и грубовато сказал:

— Вы таблетки-то выпейте, а то вдруг сейчас от нежданной радости с вами карачун приключится. А сказал я, что готов помочь. Точнее говоря, обдумать этот вопрос. Вы ведь туда уже ходили и вернулись живой-здоровый. Значит, и я могу сходить. Там хоть не стреляют?

Оживший на глазах «проф» суетливо закинул таблетки в рот и несколько шепелявя ответил:

— Ни в коем разе. Там все вполне спокойно. И я, на попутках, довольно быстро добрался до нужного места. А потом так же вернулся обратно.

— Понятно... ну насчет того как, куда и каким образом вы добирались, мы попозже поговорим. А сейчас мне нужно переварить полученные сведения, — ухмыльнувшись, я добавил: — Не каждый день, знаете ли, предлагают участие в столь необычных проектах. Да еще и шантажируя перед этим!

Игорь Михайлович смущенно потупился, а потом неожиданно встал и, прохромав к комоду, достал из него какую-то папку с завязками. Вернувшись к столу, он положил ее передо мной и сказал:

— Вот, чтобы вы не думали, будто я решил устроить мистификацию, возьмите — он подвинул ко мне папку. — Здесь несколько газет ОТТУДА. А потом, повздыхав, продолжил: — Вы уж извините старика, что так получилось. Просто иного выхода не было, вот и пришлось... Но скажите откровенно, неужели вам самому не интересно посмотреть на совершенно иной мир? Это ведь... Это... — видимо, не находя слов, он взмахнул руками и продолжил: — Это гораздо более значимо, чем полет человека к Луне или Марсу. Да в мое время...

Я фыркнул в ответ, перебивая чересчур быстро очухавшегося собеседника:

— Мне поровну, что там происходило в былые времена. И сразу скажу, чтобы не было неясностей — энтузиазмом от вашей идеи не фонтанирую. Я не этот, как его... не комсомолец, чтобы с восторженным визгом совать свою башку черт знает куда! Так что не надо моральных накачек. А пока давайте ваш талмуд. Я его дома почитаю.

Сосновский, протягивая доисторическую картонную папку с завязками, на которой крупными буквами было отпечатано «ДЕЛО №», виновато улыбнулся и тихо сказал:

— До встречи Сережа! Я буду ждать вашего решения. И не держите на меня зла...

³¹ Гарин — персонаж романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

³² Абель — Рудольф Иванович Абель (настоящее имя — Вильям Генрихович Фишер) — легендарный советский разведчик.

Возвращаясь от соседа, я сначала было ругательски ругал себя за не вовремя проявившуюся добросердечность. Надо было просто послать этого долбаного первооткрывателя и жить себе спокойно. Но позже успокоился. Чего теперь крыльями махать без толку? Тем более что сделал все правильно. Нет, я вовсе не добросердечный человек, и легкий приступ жалости никогда не заставит меня рисковать шкурой. Тут другое. Тут скорее интуиция сработала. Просто когда я увидел состояние старика, до меня дошло — нет никакой гарантии, что после отказа Игорь Михайлович, впад в полное отчаяние, не начнет себе искать другого помощника. Причем спешно и суетно, наплевав на всю конспирацию. И тогда всем может быть очень плохо.

Нет уж! Правильно говорят — если хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам. Вот и сделаю. Тем более что, насколько я понял, ничего сложного в поручении нет. Если старый, больной человек смог пройти этим маршрутом, то что — я не смогу? Зато потом буду жить спокойно. Не опасаясь каждый день, что за мной придут.

Да и любопытно, черт возьми! До меня ведь только сейчас стала доходить вся фантастичность предложенного. Сначала-то было не до этого. Сначала я просто не верил рассказу. Потом перепугался того, что в, одночасье стал секретноносителем высшей категории, со всеми вытекающими из этого проблемами. Тут уж не до удивления или восхищения... Потом обозлился на Сосновского за то что он, путем ненавязчивого давления или, по-другому говоря — скрытым шантажом, вообще впутал меня в эту историю. Но сейчас... Епрст! Ведь еще два часа назад чинно кушал суп с клецками, переругивался с Зойкой и думать не думал, что зайдя в гости к соседу, получу предложение, как будто взятое из фантастических книг. Тряхнув головой, я покосился на папку. Да уж, кто бы мог подумать... Но сейчас я слишком перевозбужден, чтобы ее читать. Так что надо как-то отвлечься и уже потом на свежую голову, заняться изучением этих газет.

ГЛАВА 5

Придя домой, я, как бы это не показалось другому человеку странным, вовсе не стал вчитываться в переданные мне материалы, а засунул папку в свою дорожную сумку и позвонил Запашному с предложением «посидеть, развеемся». Развеелись хорошо, практически до полной отключки, чего я, кстати, и добивался, подбивая Женьку на пьянку.

На следующий день, как положено — болел под теткино ворчание. И только в воскресенье взял удочку, папку и утопал к пруду. Там, расположившись в тенечке, положил это «ДЕЛО №» себе на колени и, не развязывая веревочек, принялся размышлять на тему, что же мы имеем?

Ведь если исключить сам факт фантастической составляющей, то мне надо просто смотреться во Владимирскую область и притащить оттуда хреновину размером приблизительно со связку из двух «Шмелей»³³ и весом под тридцать килограммов.

То есть в карман это не спрячешь, но на себе утащить вполне возможно. Если бы сосед попросил проверить все здесь, то проблем не было бы никаких — и максимум через три дня он был бы обладателем своего вожаемого объекта... как его там? А — «18–36 бис»! А вот как обстоят дела в параллели? Ну что ж, будем посмотреть... Я медленно потянул завязки и, раскрыв папку, взял первую газету — «Курский вестник».

А еще через полчаса сложил всю прессу обратно и задумчиво почесал затылок. М-да... Круто! Прямо как в кино... Параллельной России действительно — каюк. Судя по прочитанному, теперь на ее территории есть масса стран, которые к тому же в основном активно «любят» друг друга. Да так, что пух и перья летят! Вон, в «Ростовских новостях»

³³ Реактивный пехотный огнемет «Шмель».

есть статейка, в которой говорится, что Ичкерский каганат опять выступил с территориальными претензиями к Шамхальскому эмирату. Я сначала даже не врубился, с кем это нохи и их союзники опять сцепились. Вроде от Чечни до всех известных мне эмиратов путь неблизкий и границ общих нет. Или Турция с Ираном тоже решили в этот каганат войти? Но когда прочел, что в Шамхальском эмирате столица называется Махачкала, понял — абрекам далеко ходить не пришлось. Так теперь Дагестан называется...

Что за Уралом творится, вообще непонятно. Там вроде еще Россия, но один раз промелькнуло — мол, американский госсекретарь Ричард Райли был с визитом в какой-то Дальневосточной республике. Значит, тоже все не слава богу...

Да, кстати, башкиры и татары теперь имеют суверенные государства. И как ни странно, тоже с претензиями друг к другу. Во всяком случае, был упомянут конфликт, когда башкиры пытались перегнуть через границу стыренный в Татарстане крупный табун лошадей, а татарские пограничники в запале преследования заскочили на сопредельную территорию, где и устроили небольшую войнушку. Причем с жертвами с обеих сторон.

На западе страны ситуация тоже была совсем не фонтан. Карелия теперь вообще финская территория, а у Германии снова появилась маленькая Восточная Пруссия, — бывшая некогда Калининградской областью. Остальное пока считается Россией. В которой президентствовал человек с ничего не говорящей мне фамилией — Лизанов. Про этого чувака я и слыхом ни слыхивал, но вот еще несколько имен, почерпнутых мною из статьи, заставили удивленно покрутить носом. Во всяком случае, если Ходорковский — это тот самый Ходорковский, что у нас до сих пор сидит, то жизнь там точно — «веселая». Кстати, судя по фото, это именно он. И именно его в тамошних газетах называют величайшим меценатом и человеком, возрождающим душу России. При этом душа России, исходя из статьи, обитала в свежееоткрытом приюте для умственно отсталых, строительство которого этот хмырь и проспонсировал. А Абрамович? Этот-то яхто-клубо-острововладелец как умудрился на должность премьера пролезть?

Еще троих фигурантов из другой статьи я опять не знал. В репортаже было описано, что какие-то Бурбулис и Гусинский поздравляли с вступлением в должность нового мэра Москвы — Ишванидзе. А вот того, кто в связи с этим знаменательным событием подарил Ишванидзе «Ролс-Ройс» — знал! У нас этот ухарь помер в прошлом году, в Англии, при невыясненных обстоятельствах. А тут Березовский, оказывается — живее всех живых! При этом не просто живее, а как аж два раза было упомянуто, является самым богатым и влиятельным бизнесменом России.

Хм, кажется, я начал понимать скрытый антисемитизм Игоря Михайловича. Если подобные «Березе» люди дорвались до власти, то можно тушить свет.

Кстати, еще одна интересная особенность. В папке газет было всего три штуки. И если в двух помимо информационных выкладок насчет московского мэра и Ходорковского основное место занимали криминальная хроника и статьи о разных барабашках, колдунах и прочих инопланетянах, то третья была из породы чисто рекламных — с объявлениями.

И мне очень не понравилось, что в рекламной присутствовали тексты типа — «ищу любую работу, можно с риском для жизни». Это что же за работу респондент ищет? Одноразового снайпера-убийцы?

Еще привлек выполненный во весь разворот призыв какой-то «элитной, европейского класса клиники» о купке органов. При этом клиника гарантировала аж двухдневный послеоперационный контроль. Благодетели, маму их! Получается, у тебя почку вырезали и через два дня коленом под зад? А если вдруг на третий день у выпотрошенной тушки появятся осложнения, то никого это совершенно не трахает? Но дальше — больше. Я просто обалдел, когда увидел — «юные мальчики и девочки выполняют ваши самые невообразимые желания». Это что же выходит? Детская проституция там существует вполне законно?! Просто нет слов...

Вообще, даже не из статей, которые никакой информационной нагрузки практически не несли, а именно из частных объявлений, я и составил приблизительную картину

происходящего в той стране. И эта картина была, мягко говоря, — страшноватая. Вот уж где бы точно не хотелось жить, так это ТАМ.

Закурив, я хмыкнул. Нет, ну насколько все в жизни взаимосвязано. Ведь не дай Мишка путевки, я бы не поехал к евреям. Не поехал к евреям, не влип бы в историю с террористами. Без этой истории не познакомился бы с женихом Майи. А без встречи с израильским представителем спецслужб фиг бы Профессор мне открылся.

Но путевка была взята и теперь вот... Я невольно бросил взгляд на газеты — все пошло как в сказке. В смысле — чем дальше, тем страшнее. М-да, страшнее... У нас на работе народ, особенно тот, кто постарше, любил побухтеть на нынешнюю действительность. Но ведь все познается в сравнении! И сейчас, изучив иномирскую прессу, могу сказать одно — мы, конечно, не в раю живем, только вот горестно завывать по поводу особой хреновости нашей жизни причин нет, это точно! Тут только радоваться нужно...

А вообще, я сам себе удивляюсь — после прочтения никаких особых эмоций не было. Как будто просто под руку попала очередная «чернушная» фантастика. Ну или посмотрел новостной блок, рассказывающий о ЧП за рубежом. Я ведь никак не переживаю, когда в новостях говорят о том, что где-то в Африке кто-то кого-то очередной раз съел или подорвал. Наверное, поэтому и эта «газетная» страна мною просто не воспринимается как Россия. Так — абстрактная территория, на которой творится бардак похлеще, чем в Сомали.

И кстати, весь творящийся там беспредел для выполнения моей задачи подходит как нельзя лучше, полностью соответствуя пословице насчет рыбки и мутной воды. Если бы на ТОЙ стороне было какое-нибудь полицейское государство, то шансы выполнить задуманное стремились бы к нулю. А так, даже в самом крайнем случае, полное отсутствие документов или какой другой случайно допущенный промах вполне реально компенсировать взяткой. Прямо как у нас в начале девяностых: «Подсудимый, ваше последнее слово? — Двасат тысяч. — Вы признаете себя виновным? — Нэт! — Ну, на нет и суда нет!» Единственно, что — взятка, конечно, должна быть не рублевой, так как фиг его знает, как тамошний рубль выйдет, а валютной. Глядишь, несмотря на отличия в истории, их дизайн баксов или евро будет таким же, как у нас. И для надежности надо еще прикупить несколько золотых колечек, которые там же и можно будет продать, обзаведясь местными деньгами.

А вообще, пора топать к Сосновскому, брать его за жабры и досконально выяснить, что там и как было во время его прошлого посещения. Ведь сосед как-то добрался до своего тайника, и никто его не тормознул. Тем более что предварительный вопросник я в голове уже накидал...

С этими мыслями я притоптал окурочку и, собрав вещи, двинул к дому Профессора.

* * *

Оглянувшись в последний раз на сизую дымку портала, похожую на застрявший в желто-красно-оранжевой листве клочок тумана, я сделал несколько шагов, продираясь через кусты, и, встав на кучку полусгнивших досок, оставшихся от сарая, огляделся. Да, с прошлого моего выхода ничего не изменилось. Так же стоят несколько покосившихся изб, тот же заросший проселок и та же тишина, нарушаемая только карканьем одинокой вороны.

Вот и хорошо. Мне свидетели сейчас не нужны. Да и потом, в общем-то, тоже они никуда не уперлись. Внимание привлекать вовсе не с руки. Тихо пришел, сделал дело и тихо ушел. Все как в старые добрые времена, когда на учениях я, еще будучи офицером СпН, носился по родным полям и весям с автоматом. Только сейчас у меня руки развязаны и на хвосте не висит толпа раздраженных мужиков, у которых стоит задача найти и обезвредить разведгруппу условного противника. Так что по сравнению с тем, что было, предстоит сплошной позитив и отдых! Никакой беготни, никаких путаний следов, никаких рывков от места выхода в эфир, никаких ночевки в болотистом лесу и питания всухомятку. В общем — сплошной шарман! Во всяком случае, я очень на это надеюсь...

Ухмыльнувшись радужным мыслям, я три раза сплюнул, чтобы не сглазить, и,

поправив сумку, спрыгнул с дровяных руин. Нечего тут топтаться, быстрее начну — быстрее закончу. Сейчас надо в первую очередь добраться до шоссе, а там действовать по плану. И желательно побыстрее добраться, а то, похоже, скоро дождь начнется. Взглянув на хмурое небо со свинцовыми тучами, я поежился и быстрым шагом направился к проселку. Не хватало еще, чтобы меня непогода на здешней дороге прихватила. В этом случае, пока до шоссейки доберусь, в грязи буду по уши, и тогда уже далеко не каждый водитель возьмется подвезти уханьканного пассажира.

Хотя это, конечно, мелочь. Но мелочь показательная, в смысле того, что даже в самые продуманные планы жизнь всегда может внести свои коррективы. Вроде бы обсосешь каждую деталь, но хоть какой-то косяк да вылезет. Хотя надо сказать, что маршрут и все свои действия я продумывал буквально до шага. Да и Профессор помогал, как мог. Но, наверное, надо по порядку...

* * *

Две недели назад, когда я с папкой наперевес шел к Сосновскому, то по пути был озарен супергениальной идеей. Во всяком случае, она мне казалась именно такой. А мысль была проста как валенок — загрузить «объект 18–36» на машину, приехать к месту, где с ТОЙ стороны находится тайник, и — вуаля! Включаем портал, я делаю пару шагов, извлекаю «турник» и тут же возвращаюсь назад. Все довольны, все смеются. Никаких заморочек, лишнего риска и физического напряжения. Как по мне — гениально!

Но все разбилось о хитрую непредсказуемость науки. Оказывается, объект, сволочь такая, привязан к месту первого включения. Точнее, не к конкретной точке, а к окружности радиусом километров в триста. Я было выразил сомнение и указал, что в таком случае эта штука должна работать лишь в окрестностях Аркаима, где ее, судя по всему, активировали в последний раз. Только «проф» быстро меня переубедил. Он сказал, что за тысячу лет бездействия портала могло произойти его обнуление, или его могли не включать в Аркаиме, или включать, но каким-то другим способом, не влияющим на пространственную привязку. Короче, когда он мне начал рассказывать десятую или одиннадцатую гипотезу, я предложил не парить мозги и согласился принять этот факт как данность. Расстроился, конечно, но, честно говоря, был бы удивлен, если бы все оказалось настолько просто.

Поэтому пришлось начать основательный допрос соседа. И первое, что выяснилось — «турник» находился вовсе не у него дома, а в Михеевке — старой, полузаброшенной деревеньке, километрах в тридцати отсюда. На мой удивленный вопрос: «Почему так далеко?», Профессор логично заметил, что на ТОЙ стороне в его доме живут другие люди. И вряд ли им сильно понравится, что в их спальне из какого-то сизого марева начнут появляться посторонние личности. То же относится не только к дому, а вообще ко всему участку. Хватит того, что самому Сосновскому крупно повезло, и при первом переходе он не наткнулся на хозяев.

Хотя изначально предполагался такой поворот событий, поэтому и эксперимент с проникновением в параллельную Россию он проводил в маленьком сарайчике на заднем дворе. А поняв, что дом заселен, тут же прекратил включения портала и начал соображать, где же найти подходящее для дальнейшей работы место. Вот так, методом проб и ошибок он вышел на Михеевку. У нас это — полузаброшенная деревушка, в которой живут три десятка человек. А там она была полностью покинута людьми.

Выяснив этот факт, Игорь Михайлович за три ящика водки приобрел у местного тракториста Васи избу с сараем и заросшим сорняками огородом. В ней когда-то жили Васиные родители а ныне она давно пустовала и поэтому, счастливый селянин, отвергнув деньги, согласился расстаться с ненужным жильем исключительно за булькающий эквивалент оплаты. Ну а всем заинтересованным, Сосновский пояснил, что давно мечтал завести себе дачу, но никогда не мог ее позволить из-за отсутствия финансов. Местные только покрутили пальцем у виска и списали эту мечту на причуды городского лоха. Тем

более что пустых хат в Михеевке было много — в любую заселяйся и живи. А три ящика «Родниковки», по их мнению, были выкинуты зря. Но «Проф» знал что делал, так как в его отсутствие Васька, брался приглядывать за домом. Не бесплатно конечно, а за бутылку беленькой, да и охранник из него был совершенно никакой, но это всяко-разно лучше, чем просто бросать недвижимость без охраны.

Кстати, таскаясь с «турником» по области, Сосновский себе конкретно сорвал спину и когда дело дошло до дела, то именно больная спина и помешала ему выполнить задуманное.

Выслушав эту историю, я сочувствующе покачал головой и начал выяснять другие подробности. На этот раз касающиеся его путешествия в «параллель». В принципе, подробностей было немного. Главной из них была та, что билеты на междугородные автобусы ТАМ продают без документов и что здешние доллары ничем не отличаются от тамошних. Евро отличаются, а баксы — один в один как у нас. Сильно порадовавшись этому факту я продолжил расспросы, которые продолжались еще четыре дня. Кстати, в их процессе было принято решение не преумножать сущности и не заниматься полным штудированием деталей жизни параллельного мира. Общие впечатления я уже получил из газет и рассказов «Профессора». А чтобы узнать частности, нужна очень серьезная, многомесячная подготовка. Только какой в ней смысл? Я ведь туда буквально на несколько дней попаду и общепросветительных политических диспутов с аборигенами устраивать не собираюсь. Да и вообще — общаться мне там не с кем. А уж если попадется назойливый попутчик, то всегда можно отделаться общими фразами типа: «в правительстве одни козлы, коммунальщиков надо стрелять, раньше жилось лучше и — бандиты совсем распоясались». Этого выше крыши хватит, для поддержания любой беседы. А человек так устроен, что больше всего любит слушать себя родимого, так что если рядом со мной и окажется какая-нибудь «птица-Говорун» то вполне можно будет обходиться лишь согласными и поддерживающими междометиями. Да еще при этом расстаться чуть ли не лучшими друзьями!

Правда, в начале, мне такой «прыжок в неизвестность» показался довольно стремным. Но делать предварительные разведывательные выходы с целью затариться тамошней прессой, а то и школьными учебниками, чтобы разъяснить себе реалии «параллельщиков», я не стал. Во-первых — во время этих выходов можно будет спалиться точно так же, как и если бы я просто сразу поехал за «турником», а во-вторых, у меня была твердая уверенность что даже из учебников никаких РЕАЛЬНЫХ событий я не узнаю. А мысль о взятии «параллельного» языка, из которого можно было бы вытрясти все нюансы, Сосновский отверг с таким негодованием, как будто я этого языка к стенке собираюсь поставить, а не поддержать в подполе до моего возвращения ОТТУДА и не выпнуть в свой мир к чертям собачьим. «Проф» тогда разразился целой речью, а потом, успокоившись заявил, что дескать он год назад спокойно прошел туда и обратно совершенно не заморачиваясь разными шпионскими штучками. Вот и мне не следует пытаться себя укусить за левую пятку через правое плечо. После чего, несколько устыдившись своей чрезмерной осторожности, я согласился с доводами соседа.

А на пятый день было принято решение ехать в Радужный-2. В смысле в наш Радужный, чтобы Игорь Михайлович мне показал конкретное место, где именно с той стороны находится тайник.

Тетке, которая заинтересовалась куда это я намылился, сказал что как-то соскучился без работы и что мол друг, предложил калым в Ростове. Теть Маша эту идею поддержала, так как по ее мнению здоровый и бездельничающий мужик это — нонсенс. Пусть даже у него отпускных денег много, но человек без работы расхолаживается. В общем, получив «добро» от родни, мы поехали во Владимирскую область. Но по пути я захотел лично лицезреть портал. Так сказать обнюхать и ощупать то, с чем в ближайшее время придется иметь дело.

Да уж... до сих пор как вспомню первые впечатления, так вздрогну. И дело касалось вовсе не функционирования турника, а хитроумности Сосновского. Начнем с того, что объект он спрятал не в доме, а в сарае. И когда мы, отдав пузырь моментально возникшему

при нашем появлении сизоносому Ваське, прошли в хату, я еще одобрительно кивал. Но вот когда проверив целостность вещей, потопали в сарай настроение резко изменилось.

И все из-за страшной вони, унюхав которую меня чуть не вывернуло, Но я сдержался, только выпучив глаза и стараясь дышать ртом, сдавленно спросил:

— Кхе! Кхе!! Игорь Михайлович, чем здесь так несет?!

А невозмутимый сосед, снимая с кривоватого стеллажа стоящего возле стены, какие-то мутные и замшелые банки, с тошнотворным на вид содержимым, рассеянно пояснил:

— Тут в бочке кислая капуста стояла... Давно стояла... Она своим амбре меня и натолкнула на интересную мысль. Вот я кое-какой химии и добавил. Для усиления эффекта. — И отставив особо мерзкую на вид банку в сторону, пояснил — Местные сюда не сунутся, а если кто из хулиганствующих лоботрясов решит залезть, то тут же выскочит. Брать нечего, а запах лучше любого сторожа отпугнет... Не на Ваську же надеяться... Ну-ка, помогите снять доски.

Отодвинув «Профессора» плечом, я, брезгливо морщась скovyрнул со своего места четыре покрытых плесенью горбыля, которые служили полками и, повернувшись к Сосновскому вопросительно поднял брови. Он же, довольно ухмыльнувшись, молча кивнул на стену.

Приглядевшись, я только уважительно крикнул. Действительно — маскировка была что надо! Даже зная как должен выглядеть «турник», я его не сразу заметил. Оказывается, он был просто составной частью стеллажа. Передняя рамка была деревянной, а вот задняя, вся в потеках коричневой краски да еще и присобаченная какими-то ржавыми скобами к стенке сарая и являлась «Объектом 18–36 бис». Во всяком случае, я узнал его из ранее полученного устного описания. Две трубки сантиметров пять в диаметре и высотой около двух метров, соединялись по верху перекладиной. Перекладина была где-то с метр, имела П-образное сечение и сильно походила на швеллер «десятку». Да уж, на таком «турнике» не поподтягиваешься. Он только контуром на этот спортивный снаряд похож...

А потом, Сосновский, пока я с разглядывал внешний вид «артефакта», споро подцепил «шарик с молниями» к сети, поставив в буфер принесенный UPS и торжественно объявил:

— Включаю!

Я на всякий случай отодвинулся и с интересом принялся наблюдать. Хотя, по большому счету смотреть особо было не на что. Просто, темная стена сарая внутри «турника» потемнела еще больше и все. А ведь как в фильмах обычно красиво смотрится! Тут тебе и свечение и эффект вертикальных волн. Блин... тогда даже как-то разочаровался. Но Игорь Михайлович на мой кислый вид не обратил никакого внимания и, сделав приглашающий жест рукой, сказал:

— Ну что, готовы?

Я замотал головой:

— Нет, не так сразу. Сейчас привыкну немного, огляжусь, а потом уже...

После чего, подобрав с пола длинную щепку, подошел к «объекту» вплотную. Хм, вообще ничего не чувствуется. Ни движения ветра, ни хоть какого-нибудь звука. Такое ощущение, что внутри прохода просто сгустилась темнота и на этом все эффекты закончились. Я осторожно сунул щепку в темноту. Деревяшка вошла без всякого сопротивления. Поболтав ею в проеме я извлек палочку обратно и внимательно оглядел, общупал и обнюхал. По виду с ней ничего не произошло. На ощупь тоже — палка как палка. По запаху... тут сложно что либо сказать так как в сарае стоит такая вонизма, что ею все пропахло.

«Профессор» глядя на мои манипуляции улыбнулся:

— Сережа, ну ведь я вам все рассказал. Проход совершенно безопасен. Я сам много раз его пересекал, когда проводил испытания. Так что можете смело шагнуть в новый мир!

Угу, «смело шагнуть»... Это только Сосновский, у которого в зобу дыхание сперло от собственного открытия, мог туда сюда безбоязненно бегать. А потом вообще почти на неделю в «параллель» уйти, понадеявшись на то, что самый обычный таймер (пусть и

дублированный) включит портал с нашей стороны и впустит его обратно...

Но под подбадривающим взглядом «профа» долго топтаться было неудобно, и я двинул вперед. Как в ледяной омут головой. Хотя трусил страшно, во всяком случае, гораздо сильнее, чем когда впервые совершил прыжок с парашютом. Там хоть предварительная подготовка была, а здесь... Но все-таки пересилил себя закрыл глаза и шагнул в непроглядную черноту. При этом подсознательно ожидая удара лбом о стенку. Только вместо встречи с облезлыми досками я ощутил что вонь, царящая в сарае исчезла, а по лицу мазнули какие-то ветки.

Глаза сами собой открылись и оглянувшись я увидел как за спиной, прямо в воздухе, на по-осеннему цветных листьях ракитового куста, висит сероватое, похожее на клок тумана, облако. Четких контуров у него не было, да и вообще, даже в утреннем свете оно было не очень заметно.

А вокруг была Михеевка. Точнее то, что от нее осталось. Она и в моем мире новизной не блистала, а здесь превратилась в очередную покинутую людьми деревеньку, которых у нас в России до черта и больше. Поэтому сейчас взору предстали покосившиеся, вросшие в землю дома и разбитый, конкретно заросший травой проселок, на обочине которого сиротливо стояла проржавевшая кабина от грузовика, сквозь которую уже проросло молодое деревце.

Ну а у меня никаких особых чувств не было. В смысле ни торжественности, ни значимости от того, что я стою не в своей, а в «параллельной» реальности. Было только острое чувство дискомфорта и желание поскорее шмыгнуть назад. А ну как портал вдруг забарахлит и я тут останусь? Да и смотреть здесь в общем-то нечего... Поэтому нефиг, нефиг, надо обратно двигать! Что я и сделал, вновь оказавшись в заполненных невыносимым амбре, сарайных сумерках. Только на этот раз они мне даже родными показались...

Но, в конце концов, под ободряющим взглядом Игоря Михайловича я еще несколько раз пересек портал и, окончательно убедившись в его нормальном функционировании, прекратил издевательство над собой. Работает? Работает! Чего тут еще проверять? Да и ехать надо... Так соседу и сказал. После чего подхватив сумку с UPS, потопал обратно к машине.

Тем более что и душой-то не сильно кривил, когда призвал завязывать на сегодня с дальнейшими экспериментами. Мы ведь сюда заскочили исключительно для того, чтобы я имел возможность пощупать «турник» своими руками. Так что пощупал и хватит. Мне еще за рулем до ночи колбаситься и очень хотелось бы за световой день доехать хотя бы до Рязани. Сосновский мои доводы принял к сведению поэтому мы, быстренько восстановив прежний вид мерзкого стеллажа, подперли дверь сарая палкой и, заперев дом, загрузились в джип.

А до Владимирской области добирались вполне нормально. Единственно что — местные «продавцы полосатых палочек» делали стойку на московские номера и поэтому тормозили на каждом углу. Но правил я не нарушал поэтому они особо не цеплялись и, проверив документы, отпускали с миром. Таким макаром, к следующему дню и добрались до нужной точки, где не доезжая километров пятнадцать до Радужного-2, на бугре торчала потемневшая опора тригонометрического пункта. Глядя на забетонированную в землю трубу я поднял брови и спросил:

— Что теперь как в пиратских фильмах — сто пятьдесят шагов на северо-северо запад?

«Профессор» улыбнулся:

— Зачем такие сложности? Да и шаги у всех разные... Кстати, учитывая что геодезические пункты делают обычно на века и вдобавок охраняются законом, их никто просто так ковырять не будет. Поэтому одна из точек для тайника находилась прямо здесь, в метре от бетонной заливки. Я его в свое время сюда закопал, а позже, когда уезжал отсюда, спокойно выкопал. Видите, до сих пор ямка осталась...

Сосновский подбородком указал на землю а я, озаботившись внезапно пришедшей мыслью, поинтересовался:

— А «захоронка» глубоко находилась? А то мне ТАМ с лопатой бегать как-то не

комильфо. Увидит кто, что я скажу — червей решил накопать? Да и где лопату искать буду?

Игорь Михайлович утешил:

— Нет, не глубоко. Просто смысла не было сильно в землю зарываться. Поэтому объект находится буквально под дерном, на глубине сантиметров двадцать, не больше. И когда я был на ТОЙ стороне, то проверил его сохранность даже без лопаты. Возле дороги нашел кусок арматуры, подрезал ею дерн, чуть разрыхлил землю и спокойно добрался до упаковки. Так что не волнуйтесь.

Поковыряв землю каблуком, я согласился не волноваться и еще раз оглядевшись, на всякий случай снял GPSом координаты. Этот бугор конечно приметный, но лучше перестраховаться. Неизвестно конечно будет ли мой «Ерощ» работать в зазеркалье, но если уж даже доллары там один в один, то надеюсь и здешние приемники, подойдут к их спутникам.

А потом мы поехали обратно в Юрьево. Добрались без приключений и даже гайцы в этот раз практически не тормозили. По приезду же, я вытребовал у Сосновского пустую упаковку от «турника» и озадачил Зойку сшить на нее брезентовый чехол. Кстати, в свое время меня очень порадовало что «объект» был как будто бы предназначен для удобной переноски. А то я себе слабо представлял, как можно особо не привлекая внимания тащить двухметровую дуру. Но оказалось, что у него не только швеллерная перекладина снимается, но еще и боковые трубки разъемные. То есть вся конструкция отлично помещается в пластиковый контейнер чуть больше метра в высоту, сантиметров сорок в ширину и двадцать в глубину. Сам контейнер, разумеется, был сделан уже в Радужном, и сделан по-советски надежно. Чемодан из толстого черного пластика закрывался на четыре замка типа «лягушка» и был выложен изнутри поролоном с гнездами под крепление частей «турника».

Но меня сильно не устраивал его вызывающе-внушительный вид. Пройдись я с таким по улицам, ни один мент меня не обделит вниманием. Уж очень этот чемодан выглядел «военным». Да и лямок у него не было, а тащить в руке тридцать килограмм конечно можно, но руки эта ноша отмотает — мама не горюй! Поэтому было решено сделать чехол с лямками. А за образец для чехла был взят рюкзак «Ермак», который остался еще с тех времен, когда мой братан Вовка увлекался туризмом.

Паразитка Зойка сначала было выпендривалась и не хотела становиться портняжкой, но узнав что я скоро уеду почти на три недели и оставляю ей свой ноутбук в личное пользование, тут же прониклась энтузиазмом и даже нашла на чехол кармашки и присобачила шильдик от «Ермака». Правда пока шила, все мозги вытряхнула интересуясь, зачем мне понадобилась подобная тара. Я сначала даже растерялся, не зная как отмазываться, ну а потом ответил почти честно — для удобства переноски. Кивнув на «чумадан», внушительно пояснил:

— Я ведь с топографами пойду. А эта упаковка с прибором на мне числится, значит мне ее и тащить придется. Согласись — за спиной гораздо удобнее нести, чем в руках?

Сестренку это объяснение удовлетворило, но зато появились другие вопросы. Типа как я вообще с топографами снюхался, что именно буду там делать и когда я в конце концов собираюсь жениться? На ходу придумывая «легенду» отвечал легко и быстро, благо что Зойка так же шарит в геодезии как и я в марках косметики, но вот последний вопрос своей нелогичностью и выпадением из контекста беседы, вверг меня в ступор. Постояв с открытым ртом я, посоветовал ей не лезть не в свое дело и вообще — лямки крепче пришивать, а то если они на маршруте оторвутся ей будет больно об этом вспоминать. Причем, в прямом смысле — больно! Зинаида угроз не испугалась, а я поболтав еще какое-то время с пришедшей тетей Машей и втюхав ей ту же историю про топографическую партию, рванул готовиться к выходу.

Подготовка заняла еще четыре дня и вот, сегодня утром мы, с Игорем Михайловичем выдвинулись в сторону Михеевки...

ГЛАВА 6

Гудок здорового трейлера отвлек меня от воспоминаний и я, подняв голову убедился, что уже почти дошел до шоссе. Машин на нем, в отличие от моей «параллели» было довольно мало. Лишь тот, разрисованный рекламными надписями трейлер, сильно коптящая «девятка» и затрапезно-сельского вида «ГаЗон». Только пока я выбирался к асфальту, эта троица уже проехала и дорога стала совсем пустой.

Поэтому, перекурив на обочине, с опаской поглядывая на хмурающееся тучами небо, я не стал ждать милостей от природы и потопал в сторону Юрьево, рассчитывая на то, что долго трасса пустовать не будет, и кто-нибудь меня да подберет. Кстати, пока курил, мимо проскочили два джипа и «лупоглазый» «Мерседес». Затонированные в ноль «джиперы» проскочили ничего не замечая вокруг, а сидящий в «Мерине» белобрысый, мордатый водитель, радостно скалясь, ни с того ни с сего, показал мне «фак». Что он этим хотел сказать — непонятно. Я ведь проезжающим иномаркам даже не голосовал, рассчитывая на что-нибудь более демократичное, типа грузовика или давешней «девятки».

Но даже гремящие на ходу грузовики не останавливались и только когда стал накрапывать мерзкий осенний дождь, а я матерясь сквозь зубы, прикидывал, что похоже оставшиеся двадцать пять километров до города мне придется топать на своих двоих, на практически безнадежный взмах руки остановилась белая, обшарпанная «Жига». Я вприпрыжку рванул к ней и, сунувшись в открывшуюся дверь, заискивающе сказал сидящему за рулем пожилому мужику:

— Здравствуйте! До Юрьево не подвезете?

— Сколько?

Хм, хороший вопрос... Из денег у меня только баксы. Можно и ими конечно заплатить, но мне совсем не хотелось лопухнуться и сделать так чтобы первый же встреченный абориген запомнил денежного пассажира. Из прочтенных газет я сделал вывод что тут — нищета страшная и даже десять долларов для них — большие деньги. А у меня меньше пятерки, купюр просто нет. Значит, как и планировалось, буду задействовать обменный фонд. На секунду замаявшись и не прекращая улыбаться я извлек из кармана перочинный ножик и сказал:

— С деньгами у меня туго, может, это возьмете? Совсем новый, двенадцать предметов...

Мужик покрутив нож в руках, хмыкнул:

— Китайский?

А после моего кивка, махнул рукой:

— Ладно, садись, все равно по пути. Сам-то, откуда?

Забросив сумку на заднее сидение и торопливо юркнув вперед, я ответил:

— Из Тулы. Сюда на источники приезжал, да вот поиздержался малость...

Водила криво ухмыльнулся:

— Ничего себе — малость! Без копейки остался. Да и печень, наверное, после того лечения отваливается?

Смущенно потупившись я развел руками, показывая что собеседник угадал верно. А потом стал в свою очередь ненавязчиво интересоваться, как и чем в этих местах люди живут. Водила оказался не дурак поговорить, поэтому за те полчаса что мы ехали, я более-менее уже представлял себе ситуацию в ЭТОЙ России. Причем не надо считать что полученные от него сведения выпытывались какими-то каверзными и хитрыми вопросами. Вовсе нет. Я просто глянув на лобовое стекло с которого дворники сгоняли капли холодного дождя, задумчиво выдал беспроницательную фразу:

— М-да, зима на носу... Опять в хате дубак будет. У вас тут хоть юга и можно более-менее прожить, а у нас...

Этих слов вполне хватило чтобы подпрыгнувший в возмущении собеседник, вывалил все что думает и о югах, и о коммунальщиках, и о правительстве, и о ценах на продукты, и о разгуле бандитизма, и об иностранных миротворцах, и о местном губернаторе, и о соседке Клаве торгующей паленой водкой. В общем за время этой познавательной поездки я успел

узнать все, включая как расклады внутри страны, так и краткий обзор международной обстановки с комментариями и историческими экскурсами. Причем, как ранее и предполагалось, мое участие в беседе ограничивалось только звуками и междометьями типа: «о, ага, угу, ото ж» или просто кивками. Мужик у этого вполне хватало и он в эмоциональном запале то стучал по рулю ладонями, то грозил в серое небо кулаком, то вообще бросив баранку и повернувшись ко мне всем телом, руками пытался изобразить свое отношение к ныне действующему президенту.

Так что, выходя в Юрьево я был уже малость подкованным в здешних реалиях человеком. В принципе, эти реалии вполне укладывались в предполагаемые рамки, за исключением небольших нюансов. Водитель, который оказался бывшим воякой, рассказал чего не было в прочитанных мною газетах и что ему самому было близко. Например о том, что армия как таковая пока существует, но вот бежит с нее народ со страшной силой. В смысле — офицеры и контрактники бегут. Срочников в ней давным-давно не осталось, так как «комитет нерожавших матерей» (дословное выражение моего спутника), еще семь лет назад добился принятия закона о том, что молодого человека не могут призвать на службу, если нет согласия родителей. Совершенно неконкурентоспособные заводы, тоже приказали долго жить и теперь активно функционирует лишь газонефтедобывающая промышленность, металлургическое и химическое производство. Вот там люди более-менее нормально зарабатывают. А остальные, выживают, как придется.

Короче, слегка уяснив обстановку, я махнул на прощание говорливому мужику, довезшему пассажира до центральной площади города и потопал искать обменник. Да, насчет курса валют он меня тоже просветил — один к полутора тысячам. И не думайте что в пользу рубля. При этом пенсия была двадцать тысяч рублей. Ха, хорош бы я был со своей «зеленой» пятеркой в виде оплаты за проезд... Такого транжиру этот водила до конца жизни бы запомнил.

Ну а теперь, обменяв сотню на целый ворох розоватых десятитысячных купюр с изображением какого-то ласково улыбающегося и смутно знакомого лысого старичка, пошел брать билет на автобус до Ростова. А там, возле касс, произошла встреча, к которой я вовсе не стремился.

В продуманном изначально маршруте, встреча с Юрьевскими родственниками была категорически исключена. Я ведь не знал что тут с «параллельным» мною стало. Может я помер или женился, или еще какой казус с Корневым произошел. И что тетя Маша, что братовья могут совершенно неадекватно отреагировать на к примеру, внезапно восставшего из мертвых племянника. Поэтому: Ростов — Воронеж — Рязань — Владимир — Радужный — четыре километра по трассе от деревни Липцы и ни шагу в сторону. Обрато тем же путем. И чем четче я его буду придерживаться, тем целее буду.

А тут, отходя от окошка с билетом, я был остановлен каким-то заросшим сивой щетиной мужиком, который дохнув на меня застарелым перегаром, попросил финансовой поддержки на предмет опохмелки. Алкашам обычно не подаю в принципе и хотел уже шугануть попрошайку, но вдруг увидел в одутловатой помятости физиономии просящего, знакомые черты. Мать моя женщина! Это ведь Вовка! Вовка — «Капитан», мой брат! А братан, подняв мутные, в красных прожилках глаза, секунды две фокусировал взгляд, а потом неожиданно ухватил меня за рукав куртки, удивленно замычал:

— О-о!!! С-серега! Ты как здесь оказался? А, да какая разница! Главное, что появился! Ну, так пойдем, чего тут стоять-то? Сейчас пузырь возьмем и отметим это дело!

Толкущиеся на автовокзале люди стали на нас обращать внимание поэтому, подхватив качающегося Вовчика, я быстро потащил его к выходу, говоря:

— Появился, появился. Я же звонил, предупреждал! А ты гад, что — специально к моему приезду укушался?

«Зазеркальный» братец, которого я уже вытянул из здания, внезапно затормозил и подняв палец вверх, обиженно вякнул:

— Право имею! Годовщину, грех не отметить!

Блин, какую он годовщину отмечает? Точнее — чего именно? Хотя, судя по его виду, у него повод на каждый день найдется. А замолкший на пару секунд «Капитан» громогласно продолжил:

— Катька хоть и стерва была, но всяко — человек душевный!

Епрст! Еще и Катька какая-то появилась... Нет, это дело надо прекращать, пока менты на нас внимания не обратили. Я их еще не видел, но по-любому они где-то рядом пастись должны. Автовокзал как ни крути считается местом массового скопления людей и значит наряд просто обязан тут находиться. И если они сейчас к нам доколуваются, то можно сливать воду, так как первым требованием у служителей МВД будет — «предъявите документы».

Поэтому, достав из кармана розовую бумажку, я сунул ее Вовке со словами:

— Убедил. Давай дуй за «огненной водой», а я еще в одно место заскочу и часа через полтора к тебе приду. Отметим встречу.

Получив десять тысяч, «Капитан» радостно ощерился, показав щербатые желтые зубы и довольно воскликнул:

— О, «сахарок»! Теперь живем!

После чего, потеряв ко мне интерес рванул в сторону нескольких палаток стоящих по периметру площади. Правда, уходя, сказал, что будет ждать и без меня не начнет, поэтому советовал поторапливаться.

Я, глядя ему вслед, только головой покачал. Интересно, что же ЗДЕСЬ не так пошло, что убежденный трезвенник Вовка, в моем мире блестящий морской офицер, капитан второго ранга, чемпион ТОФ по плаванию, настолько опустился? Хотя, чего гадать, здесь ВСЕ не так... Но одно можно сказать наверняка — судя по тому что брат меня сразу узнал, я тут точно не помер и даже мордально не сильно изменился. Вот интересно, кто я здесь? Офицер? Такой же алкаш как Владимир? Просто клерк в конторе, считающий копейки от получки до получки? А может наоборот — олигарх местного разлива? Хотя это вряд ли. Для того чтобы стать олигархом, надо талант соответствующий иметь и подходящую фамилию. А у меня из всех талантов только умение стрелять, да быстро бегать. Так что на олигархию и крупные деньги можно даже не надеяться.

Хм, думая о деньгах, я вспомнил слова братца про какой-то «сахарок» и неожиданно понял, почему старичок на купюре мне показался знакомым. Достав из кармана полученную в обменнике бумажку и прочтя подпись под портретом, я убедился в правильности догадки. Точно — Сахаров! Был, говорят в прошлом такой правозащитник. Глобальная научная величина и жуткий подкаблучник. Только у нас про этого деятеля вспоминают крайне редко, а здесь он, похоже, в фаворе. Вон, даже на десяти тысячную бумажку его фейс поместили. Интересно, за какие такие заслуги?

Хотя честно говоря мне глубоко плевать на причины попадания данной личности в денежный оборот. Сейчас надо где-нибудь спокойно пересидеть эти полтора часа, что остались до отхода автобуса и валить отсюда. А то чувствую, повторная встреча с кем-нибудь из знакомых может закончиться не так мажорно. Покрутив головой и увидев вывеску «Быстрые обеды» я понял, что это как раз то, что надо и направился туда.

А через два часа, уже тряся в потертом «Икарусе» в сторону Ростова. Пассажиры в нем как-то сразу либо заснули либо нацепили наушники от плееров, поэтому никаких новых данных об этом мире я не приобрел. Единственно — когда автобус остановился в чистом поле и водитель быстренько выскочил по нужде, выходя, он задел кнопку радио и вместо своего обычного шансона сопровождавшего нас всю дорогу, я услышал вальяжный говорок то ли ведущего, то ли просто участника какой-то передачи:

— «... лись. Уже в 2009 году Россия существенно отошла от советского наследия. Была сделана попытка направить страну в правильную сторону, где главенством являлся не чекистский беспредел, а принципы и идеалы защиты прав человека, свобода слова и западных ценностей. Однако, тогда, приезжая в любой без исключения город России, я все равно сразу же окунался в атмосферу Империи Зла. Везде сохранялись большевистские

названия, повсюду стояли памятники чекистам. А вот приедешь, например, в Ташкент, и сразу душа радуется. Узбеки, хоть и восточный народ, но гораздо более привержены принципам демократии, чем русские. Я смотрел тогда на названия улиц, и душа радовалась, как быстро они избавились от тяжелого и долгого бремени оккупации. Изменили все фашистские названия, даже улицу Пушкина, хоть он и был афроамериканцем. Ну а когда попал на бывшую площадь Ленина, хотелось произносить новое названия вновь и вновь — Мустакиллик Майдони, ведь каждому цивилизованному человеку становится понятно, что это Площадь Независимости». ³⁴

Слушая сей перл я сначала несколько обалдел, но потом подумал что возможно эта какая-нибудь своеобразная юмористическая передача. Вон, как прикольно насчет этой Муст... Муск... а, в общем насчет «Площади независимости», задвинули. Да и про «афроамериканца Пушкина», тоже неплохо вышло. Но позже меня охватили сомнения. Уж очень торжественно вещал говоривший. Прямо со слезой в голосе:

— «Ну а теперь о грустном. Тогда же, в конце 2009, я приезжал в Москву вместе с группой правозащитников на конференцию Amnesty International. После конференции мы решились прогуляться на метро, чтобы посетить уважаемую Люсию Алексееву. Первый шок у иностранцев был, когда они увидели, что метро до сих пор имени Ленина. В процессе поездки они были неприятно удивлены, что диктор наотрез отказывался произносить названия станций на цивилизованном языке. И это на фоне предыдущей поездки в Тбилиси, где объявляют станции метро исключительно на английском. Я хоть и почти коренной нью-йоркец, но мне было очень стыдно смотреть в глаза коллегам, пришлось стыдливо потупить глаза. Ну, а когда мы прибыли на станцию „Курская“, случился и вовсе полный конфуз. Увидев сталинский гимн на потолке станции, у пожилой правозащитницы из Дании случился сердечный приступ. А ведь эта храбрая и честная женщина, не боясь пуль террористов, беззаветно защищала права человека в Ичкерии, Ираке и Косове. После этого инцидента, Люсия Алексеева сделала нам очень строгий выговор и объявила, что российские правозащитники давно бойкотируют эту проклятую станцию. Пришлось еще раз поразиться мудрости и прозорливости диссидентки и поклясться, что на „Курскую“ больше ни ногой». ³⁵

Блин, он что — всерьез?! Я имею в виду слова насчет старой гримзы из Дании, которую охватил кондратий? Или она специально для этого язык изучала? Чтобы окочуриться при виде кириллических букв, складывающихся в слова гимна. Хотя, вряд ли. С какого переполоха буржуи русский учить станут? Для них же есть «цивилизованный» язык... А из радио продолжало литься:

— «Но уже тогда, несмотря, на столь удручающую картину, я верил, что настанут светлые времена. И очередной московский интеллигент, выпив чашечку „эспрессо“ с утра, спустится на станцию „Демократическая“ московского метрополитена им. В. И. Новодворской, откуда доедет (культурно сделав пересадку на Площади Джохара Дудаева) до „Правозащитной“. От нее пешком дойдет до Майдана Свободы, где, преклонив колена, возложит букет незабудок и томик Осипа Мандельштама к самому большому в мире памятнику Андрею Сахарову (на месте бывшего Мавзолея). А из всех колонок будет звучать не чекистское Любэ, а римейк либерала Тимати „Пройдусь по Либеральной, сверну на

³⁴ Текст фрагментов приведенной «радиопередачи» был слово в слово скопирован из реально существующего личного блога ярого демократа Льва Щаранского расположенного по адресу — <http://lev-sharansky.livejournal.com/>. Автор лишь изменил даты.

³⁵ Текст фрагментов приведенной «радиопередачи» был слово в слово скопирован из реально существующего личного блога ярого демократа Льва Щаранского расположенного по адресу — <http://lev-sharansky.livejournal.com/>. Автор лишь изменил даты.

Диссидентскую и на Джордж Буша улице я скушаю Бигмак“». ³⁶

Пх... поперхнувшись от неожиданности, я закашлялся. Нет, наверное, все-таки это что-то юмористическое. Хотя, если Сахаров тут на купюрах изображен, то вряд ли они с его именем шутки шутить станут. С деньгами как говорится, не шутят. Или все-таки станут? Но разрешить данный вопрос так и не сумел, так как в этот момент появился водитель, сделавший на природе свои нерукотворные дела. Он, услышав картавенький монолог, выразился семиэтажно и крайне неполиткорректно, после чего ткнул в кнопку и, радио, снова заголосило про: «голуби летят над нашей зоной».

Хм, почесав щеку, я подумал, что, судя по реакции водилы, передача явно не была юмористической. Сто пудов, это были воспоминания какого-то местного «борца с режимом». И хотя после прочтения газет и слов подвозившего меня на «Жиге» мужика я был готов к чему-то подобному, но услышанное сейчас, ввергло в оторопь. Ведь раньше ко всем этим демократам, либералам и прочим «общечеловекам» относился совершенно равнодушно. Ну трендят себе и трендят. Причем, очень часто декларируя вполне достойные вещи. А теперь, увидев своими глазами, на что способны эти люди, я просто охренел от их прыти. Правда долго над странным перерождением белых и пушистых поклонников «истинной свободы», дорвавшихся до власти, я раздумывать не стал а, просто откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза и потихоньку задремал.

* * *

В Ростове все прошло штатно и я очень удачно разминувшись с троицей служителей правопорядка, фланирующих по залу, прикупил билет до Воронежа. Эта поездка оказалась несколько более информативной так как, несмотря на позднюю ночь, две тетki сидящие сзади обменивались последними новостями и живо обсуждали налет на поезд Ставрополь-Волгоград. Я услышав о произошедшем наострил уши и внутренне охреневав слушал душераздирающие подробности.

Вот надо же — о том как бандиты останавливают поезда видел исключительно в старинном, еще черно-белом фильме «Адъютант генерала». Или не «генерала»? Или «превосходительства»? А, не важно! Важно другое — в 2015 году в ЭТОЙ России оказались вполне возможны акции, которые у нас происходили еще во времена Гражданской войны. Хотя нет, не только в Гражданскую. Помню, в детстве слышал, что и в девяностых в Чечне, местные абреки так же развлекались. Но они грабили поезда исключительно на своей территории и это довольно быстро прекратилось. А тут, выходит, подобное времяпровождение у них вошло в привычку. Да и географию набегов горцы тоже очень сильно расширили...

А одна тетка тем временем возбужденно рассказывала другой:

— Вещи пассажиров прямо в грузовики грузили. Да что вещи — серьги чуть не с мясом выдирали! Нескольких парней убили, а с десяток девчонок по красивей, забрали с собой.

— Ох ты ж, хосподи! А полиция?

— Да какая полиция, ты что? Это ж за Элистой было, а в Калмыкии, чечены с Каганата как у себя дома ходят и полиция из своих укреплений нос боится высунуть! У нас хоть станичники кавказцам рога обламывают, а там...

Ничего себе! Задумчиво почесав мочку уха, я решил что как бы мой путь не сложился, восточнее Сальска не соваться ни в коем случае. Ну его на фиг! Нохчи, они на ногу быстрые и если уж под Элистой шалят, то нет никакой гарантии что в более дальний рейд не двинут... И еще одно интересно — почему тетка несколько раз упомянула слово «полиция»? Не милиция, а именно полиция. Немного подумав над этим вопросом я, кажется понял в чем дело. Ведь та троица ППСников виденная мною в Ростове была одета с сильным закосом под

³⁶ Там же.

американских копов. Очень похожая черная форма и даже шапки — не наши обычные круглые ушанки, а какие-то идиотские, с короткими ушками и большой кокардой. Вот видно вместе с введением «почти заграничной» униформы, здешние власти решили сменить и название. Так что менты теперь вовсе не посконные милиционеры, а гордые полицейские. Ну-ну, лишь бы толк был...

Тетки еще какое-то время обменивались мнениями по поводу произошедшего, но больше ничего интересного так и не сказали поэтому я, откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза и потихоньку задремал.

А еще через тринадцать часов, чинно въехавший в Воронеж «Икарус» умудрился сломаться на первом же перекрестке. В его нутре что-то хрупнуло и заскрежетало после чего водитель матюгнувшись себе под нос, подхватил громыхнувшую железом сумку и скрылся в морозном тумане. Минут десять мы слушали производимое им позвякивание и шебуршание, а потом появившийся в дверях шофер громко объявил:

— Все, мля, приехали.

Какой-то дед решил поинтересоваться:

— Это надолго?

Водила, вытирающий руки ветошью, злобно сплюнул:

— Навсегда! — и в ответ на раздраженный гомон, добавил — Радуйтесь, что до города дотянули, а не в чистом поле встали, так что неча бухтеть! Поэтому, господа пассажиры, освобождайте автобус и топайте по домам.

Вздохнув, я вытащил из-под кресла свой баул и вместе с остальными вышел из «Икаруса». Вышел, чтобы тут же поежиться от порыва холодного ветра. Уй, блин, не май месяц однако! А ведь дальше еще холоднее будет... Или от этой мысли или от голодно забурчавшего желудка, неожиданно стало грустно. Люди, вон, сейчас по теплым квартирам разбегутся, а мне еще топать и топать. Хотя нет. С теплыми квартирами здесь оказалась сильная напряженка. Во всяком случае, подслушанный разговор говорливых соседок, полностью подтвердил слова первого встреченного в этом мире человека о том, что уже года три, каждый спасается, как может. За исключением небольшого количества элитных районов, которые есть в каждом городе, остальной народ про центральное отопление давно забыл поэтому, кто-то буржуйку в квартире ставит, а некоторые, скинувшись всем двором, миникочегарку оборудуют в подвале. Так что еще неизвестно кто кому завидовать должен. Я сейчас по маршруту проскочу, дело сделаю и домой. А вот им здесь еще жить и жить...

Попутчиков до автовокзала не было, и я без всякой зависти поглядев на разбредающих пассажиров, поднял руку, ловя такси. А когда рядом остановилась некогда серебристая, а ныне ржавая и покрытая красными пятнами шпаклевки «Тойота», бодро спросил:

— Шеф, до Центрального автовокзала довезешь?

Странно заторможенный водила несколько секунд молча пялился на меня, после чего кивнул и я влез в пропахшее какой-то кислятиной нутро машины. А затем шофер вознамерился меня покатасть вдоль левого берега. Видя, что едем не туда, я ему раз пять сказал, что мне не пригородный автовокзал нужен, а центральный. В конце концов, поняв, что на вежливые внешние раздражители этот тормоз никак не реагирует, продолжая рулить в другую сторону, рывкнул на него от всей души, помянув и мать и перемать. И тут произошло нечто неожиданное — водитель резко дал по тормозам и, вывалившись из своей развалюхи, с громкими воплями кинулся бежать.

Удивленно глядя ему вслед, я только затылок почесал. Вот зараза! Выходит с первым впечатлением, я не промахнулся. Не зря мне его крохотные и как будто стеклянные зрачки сразу не понравились. Подумалось еще — «как у обдолбанного нарка». Только вот никак не ожидал что наркоманы могут быть столь почтенного возраста. Ведь этому хмырю лет под пятьдесят... Зато теперь, все сходится. Вон — бежит, орет, от редких прохожих шарахается. Явно, как это у них говорят — «упал на измену». Но как он таксует-то под таким кайфом? И куда здешняя дорожная полиция смотрит?

Кстати про полицию. Надо и мне быстренько делать ноги пока на его вопли не нагрянул какой-нибудь патруль. Выскочив из машины, я быстрым шагом дошел до ближайшего переулочка и нырнул в него. Потом несколько раз менял направление и так до тех пор пока не понял что заблудился где-то в недрах частного сектора. Возвращаться тем же путем что я сюда забрел, было довольно боязно. Вдруг местные менты среагировали на вопли «тойотовладельца» и сейчас осматривают ближайшие дворы на предмет поимки злобного грабителя, или террориста обвешанного взрывчаткой как новогодняя елка игрушками. Или что там еще этому придурку привиделось? Так что пусть они спокойно ищут наркологическую галлюцинацию водителя, а я лучше дворами, дворами... В конце концов рано или поздно на нормальную дорогу все равно выйду там и поймаю другую тачку. Надеюсь, в следующий раз шофер попадется вменяемый и меня-таки довезут до Центрального автовокзала?

Утешая себя подобными мыслями я топал по кривым, как будто вымершим улочкам, периодически попадая в тупики. А минут через пятнадцать этих блужданий, свернув за очередной забор, наконец-то наткнулся на людей. Только эта встреча меня не очень порадовала. Уж очень вид у трех парней и двух девчонок, что стояли на довольно большом пятачке возле остова сожженного ларька, был откровенно босяцкий. Но и назад поворачивать нельзя — они ведь меня тоже увидели. В таких случаях, как с собакой — повернешься спиной, а у нее сразу сработает инстинкт погони, даже если она и не собиралась нападать. Так что вперед и только вперед.

Эх, говорил «профу» что ствол надо брать с собой! Но Сосновский тогда уперся и убедил — дескать если я попадусь служителям Фемиды, то всегда смогу откупиться. А найди они у меня пистолет, разговор будет иной. В этом он конечно был прав, но зато сейчас я бы просто продемонстрировал свой «Макаров» и все вопросы, даже если бы они у этой шпаны были, пропадут сами собой. С другой стороны, чего теперь сожалеть? Я и без пистолета люлей навалю всякому, кто поперек пути встанет.

Поэтому, как шел так и шел, делая вид что в упор не вижу эту заинтересованно разглядывающую меня компашку. Но когда до них оставалось шагов десять, здоровый парень на неестественно широком лице которого находился маленький, теряющийся между щек носик, тягуче сплюнул и произнес:

— Э, мужик, тормози, сигарету дай!

Нет, я просто тащусь! Интересно, почему уже столько лет, прелюдия к мордобойе не меняется? Одно время гопники кирпич предлагали купить, но это быстро вышло из моды, так как ситуация бывало, складывалась таким образом, что жертва била этим кирпичом по башке назойливому «продавцу». Зато классическое «дай закурить» наверное, останется жить в веках!

Поэтому, после этой кодовой фразы, поняв что мирно уйти не удастся, я шагнул к ларьку, чтобы за спиной было прикрытие и насмешливо уточнил:

— Только сигарету?

— А вот мы сейчас поглядим, что у тебя еще есть...

— Гляделки потерять не боитесь?

— Ха, борзый? Будем учить!

Компания видать была тертая, потому что сразу после этих слов, девки чуть подались назад, а парни медленно пошли на меня, охватывая полукругом. Посередине двигался плоскомордый, которой картинно щелкнув вынутым из кармана кнопарем, процедил:

— Ну все коз-зел, считай ты нарвался. Теперь мы...

Договорить здоровяк не успел, так как я не обращая внимания на нож, просто взмахнул рукой отвлекая его внимание и сделав быстрый шаг вперед, пнул противника под коленку опорной ноги. Качественно пнул. Настолько качественно что парень даже не заорал, а просто упал, отрубившись. Ну дык еще бы: в лучшем случае — чашечка выбита. Вот тебе и шок с одномоментной потерей сознания. Правда его кентов это не остановило и они одновременно бросились с двух сторон на обидчика. Броситься-то бросились, но тоже потерпели фиаско.

Один налетел переносицей на прямой удар открытой ладонью, а второму я, по рабоче-крестьянски, засветил в ухо.

Вот и все. Дольше разговоры разговаривали... Хотя, как ни крути, навыки я один черт растерял. В ранней молодости, бывало, из подобных ситуаций выпутывался исключительно за счет хорошо подвешенного языка. А сейчас, получается — деградирую помаленьку, уповаю исключительно на грубую силу. Сплюнув и поглядывая в сторону визгливо ругающихся девок (исходя из воспоминаний юности, от них тоже можно было ожидать довольно решительных действий) я наклонился за сумкой и в этот момент краем глаза увидел какое-то движение сбоку-сзади, метрах в семи от меня. Как раз где находился дырявый забор. И тут же загрохотали выстрелы. Причем, стрелок попал с первого раза, поэтому, когда я рефлекторно дернулся, уходя в перекат, стремясь попасть в «мертвую зону» за киоском, вместо переката, получив удар пули в сумку, поскользнулся и бездарно упал. А, упав, успел заметить третью деваху, которая стоя в проломе забора, садила прямо в меня из чего-то наподобие «Осы».³⁷

Следующий ее выстрел был «в молоко», но еще раз кувыркнувшись я просто не успел, так как соплюха оказалась просто снайпером и третий «бабах» был весьма результативен. В голове, будто граната взорвалась, и я банально отрубился.

* * *

Очухался довольно быстро. Наверное, через несколько секунд. Только в башке сильно шумело и тело не очень слушалось. А про время сообразил, потому что гопники еще не ушли. Да что там «не ушли»! Парни так и лежали где я их уложил, а их подружки меня активно грабили, переругиваясь между собой:

— Кожанку, кожанку с него снимай!

— Тяжелый, падла!

— Сумка почти пустая. И в ней одна лажа — мешок какой-то да трусы с носками!

— Валька, сучка, зачем ты в баул полезла?! На хазе посмотрим что там, а сейчас давай быстрее!

— О, лопатник! Ого!!

— Чего там?

— Во!

— Ни х. я себе!!! Грины! Да, вовремя Людке поссать приспичило! И своим резинострелом, она здорово управляется! Не то что наши лохи, которые втроем одного уделат не могли!

— Хватит болтать, карманы проверяй!

В этот момент я попытался отмахнуться от множества рук шарящих по одежде, но получил пинок под ребра, и чей-то голос удивленно сказал:

— Глади ты — очухался! Видно в башке одна кость, вот и не пробило...

А другой, в приказном порядке выдал:

— Людка, добавь ему. Он, наверное, из братвы, если с такими деньгами ходит. А нам проблемы не нужны. Давай, стреляй!

Японский городской! Да мне сейчас, похоже, еще раз по башке прилетит! И главное — от кого?! Вот позорище! От осознания этого факта в голове сразу прояснилось да и сил прибавилось. А тут еще и «снайперская» Людка помогла, зло ответив:

— У меня всего три патрона было! И все три, я в этого лузера пульнула. Так что вон, берите палку и сами его успокаивайте!

Грабительницы от такого заявления несколько опешили, что и позволило мне, очень удачно крутнувшись на спине, взбрыкнуть ногой и зацепить одну из них. После чего они

³⁷ Оса — бесствольный пистолет относящийся к гражданскому оружию нелетального действия.

отскочили, и у меня получилось, пошатываясь, встать.

Девки сразу отступили еще дальше, а когда я попытался сделать шаг к ним, бросились бежать, наплевав на своих вольготно разлегшихся на грязном снегу кавалеров. И буквально в этот момент из-за поворота нарисовался еще один персонаж — мужик, в черном длинном пальто который нес под мышкой какой-то пакет.

Узревший такую странную картину прохожий, проводив глазами удирающих налетчиц, посмотрел на лежащих парней и секунду подумав, двинул прямо ко мне. А я, в это время, стянув свою вязаную шапку, щупал мокрую от крови голову, на которой набухла огромнейшей величины длинная шишка. М-да, удачно получилось... Похоже, что пуля вскользь прошла. Она хоть и считается резиновой, но внутри имеет железный сердечник, так что при удачном попадании можно было свободно обзавестись лишней дыркой в башке. Так что вдвойне повезло: и что только чиркнула, и что расстояние до стрелка было достаточно большим.

Пока я себя пальпировал, подошедший мужик хмыкнул, увидев мою окровавленную руку и спросил:

— По голове получил?

— Ага... Только не получил, а из резинострела достали. Совсем обнаглела шантропа малолетняя. Уже среди бела дня грабят...

— Хм, а я хлопок слышал, но не думал что это выстрел... Ну-ка дай гляну что у тебя там.

Я подчинился и через несколько секунд осмотр закончился уважительным присвистом:

— Да-а-а... неплохо тебе прилетело. И хорошо что не в висок. А так — шишка здоровенная да кожа рассечена. Но в больничку все равно надо, мало ли чего там еще повреждено...

Я кряхтя и пробуя натянуть свою «пидерку» обратно на голову, ответил:

— Никаких больниц, так очухаюсь. У меня дел еще море...

А мужик вдруг отвлечшись от меня, заинтересовался тихо лежащим здоровяком. Его дружки еще как-то подстанывали и даже пробовали шевелиться, а главарь не подавал вообще никаких признаков жизни. Хорошо я его уконтрапупил!

Хотя если говорить честно, любой опер на моем месте управился бы не хуже. Да что я говорю — лучше! Во всяком случае, он бы так глупо не подставился. Это я, не считая девчонок за серьезных противников, расслабился. А те, кто постоянно с этим шакальем дела имеют, небось, ни на пол, ни на возраст скидок не делают.

Но с другой стороны никто не мог ожидать того, что эта невовремяссущая соплюха появится из-за спины, да еще и с резинострелом. Она ведь ни во время прелюдии, ни во время драки себя никак не проявила. Вообще никак. Сидела там беззвучной, тихой мышкой. Поэтому я и предположить не мог, что за забором кто-то есть. А потом, ругань ее товарок да гавканье собаки из-за забора, хорошо заглушила шаги этой стервы. И на «травматик» я никак не рассчитывал. Логичнее было предположить наличие нормального огнестрела у кого-то из парней, но видно эта шпана еще не успела обзавестись чем-нибудь серьезным. Непонятно только почему «Оса» была у девки а не у главаря. Хотя надо отдать ей должное — управлялась со стволом она очень хорошо. В голову с такого расстояния попасть не каждый сможет.

От воспоминания, как мне в череп прилетела пуля, шишка начала дергать болью и я скривившись, довольно невежливо спросил у незнакомца сидящего на корточках рядом с бандитом:

— И что ты там у него шупаешь?

Мужик поднялся и, отряхивая руки, глухо произнес:

— Пульс. Которого почти нет...

— Твою мать! Как это — «нет»?

Я конечно готов был хорошенько навалить этим малолеткам, но вот убивать... Ведь и в мыслях не держал! Наоборот, когда бил того, которому нос сломал, силу сдерживал, чтобы

не прибить наглухо. А с этим-то боровом что приключилось?! Опустившись на одно колено я приложил руку к его шее и замер. Блин, действительно — с сердцем что-то не то. И, возможно, это от болевого шока...

Армейской аптечки у меня под рукой разумеется не было, поэтому вспомнив чему учили, я резко и сильно несколько раз нажал пальцами точки под нижней губой и под носом у свинорылого. Ха! Похоже — есть эффект! Или у него изначально сердце так хреново работало что посторонних людей напугало, или акупунктурное воздействие оказало столь сильный эффект, но полудохлый противник открыл мутные глаза со зрачками — точками и сфокусировав на мне взгляд, плаксиво протянул:

— Сука, ты мне ногу сломал...

А я, не обращая внимание на плачущего грабителя, возмущенно сказал стоящему рядом мужику:

— Ты, земляк, меня так больше не пугай... «Пульса нет, пульса нет»... Тоже мне — доктор! Да они обдолбанные в корень! Странно что мне их вообще вырубить получилось — нарки под таким кайфом обычно боли не чувствуют. А ты — «сердце»... Тьфу!

Возмущенно сплюнув я начал подниматься, но ноги подогнулись, и не брякнулся на задницу только благодаря вовремя подхватившему меня незнакомцу, который озабоченно сказал:

— Ну и слава Богу, что этот урод ожил! Только ведь ты парень, на ногах не стоишь, так что в больницу надо обязательно. «Скорая» к нам не ездит, так что давай я тебя до дороги провожу и там уже что-нибудь сообразим. Или ты где-то здесь рядом живешь и тебя лучше домой довести?

Ага, вот сейчас мне только больнички и не хватало! Максимум что там сделают — сунут в «травму» и вызовут ментов. И вот тогда можно вешаться... Ведь контрольный срок возвращения у меня — четыре недели. То есть месяц, «Проф» будет безвылазно сидеть в Михеевке и ждать своего «младшего научного сотрудника», шесть раз в сутки, включая установку. Ну а по истечении этого срока, Игорь Михайлович переходит на «аварийный» график ожидания, активируя портал с гораздо меньшей частотой.

Потому что если мною займутся местные менты, то никто не сумеет сказать когда они меня отпустят и отпустят ли вообще. Говорить свои настоящие имя и фамилию имея двойника в Туле чревато осложнениями. Прикинуться потерявшим память вследствие удара, тоже не фонтан — в дурку запрут до скончания века. Назвать любое другое имя? Так они один черт запрос сделают и опять мне будет кирдык. А если ко мне еще привяжут вот эту лежащую на земле троицу... Так что никаких больниц!

Имея все это в виду, я честно ответил:

— В Юрьево я живу. Тут просто проездом. С Воронежа ехал, но автобус на въезде в город сломался. «Мотор» до автовокзала поймал, а водитель, собака серая, не туда завез. Потом я в эти «Шанхай» зашел, заблудился и на гопников нарвался. Так что — какая больница меня сейчас примет? Без документов. А в «травме», моментом ментов вызовут. И те сразу начнут копать да еще и обвиноватят что я «детушек» покалечил. Не знаешь что ли, как это делается?

Мужик негодуя хмыкнул:

— Знаю... Именно так все и бывает, потому что законы у нас заточены охранять именно этих — он показал подбородком на бандитов и на пару секунд замолкнув, продолжил — А куда же ты сейчас пойдешь? Знакомые в нашем городе есть?

— Не-а, знакомых тут нет. Но мне бы до автовокзала добраться. У меня ведь эти хмыри только куртку с документами умыкнули, да сумку. А деньги все на месте... — Тут я несколько покривил душой, так как лежащие в портмоне триста долларов и несколько тысяч рублей достались ушлым девкам, но еще почти пять тысяч баксов у меня были распаханы по всей одежде, поэтому столь мелочная потеря никак не тревожила. — Так что на автовокзале билет куплю и как-нибудь перекантуюсь до рейса. Сейчас вот оклемаюсь немного и пойду...

Незнакомец, с полминуты задумчива поглаживал бородку, а потом видно что-то для

себя решив, насмешливо сказал:

— И куда ты пойдешь — весь такой шатающийся, без куртки да с головой окровавленной? До первого полицейского? Не здесь прихватят, так на вокзале точно возьмут. И останешься ты не только без документов, но еще и без денег. Это в лучшем случае. Нет уж, давай так: я тебя сейчас к себе домой отведу, там до завтра в себя придешь и тогда уже будешь думать что делать. И кстати — меня Алексеем зовут. Алексеем Ваниным.

— Очень приятно. А я — Сергей Корнев.

— Ну так что — пойдешь со мной?

Предложенное им было просто спасением, потому что при любом раскладе мне надо было где-то отлежаться, привести себя в порядок и только потом двигать дальше. Так что я уже прикидывал: спровадив участливого прохожего, вытряхнуть из куртки одного из грабителей, попробовать найти колонку и хоть слегка оттеревшись от крови, ловить частника. После чего искать съемную квартиру, так как в публичных местах мне сейчас появляться, категорически противопоказано. Но вариант Алексея было гораздо лучше поэтому, не чинясь и не строя из себя девочку: дескать, неудобно и все такое прочее, я пожал протянутую руку и ответил:

— Если приглашаешь, конечно, пойду. Это для меня сейчас самый лучший выход. А жена тебя пилить не начнет, что людей с улицы в дом тащишь? Или ты один живешь?

Алексей, придерживающий меня за локоть, улыбнулся:

— Почему «один»? И жена есть и дети и собака! А пилить никто не станет. Жена у меня человек понимающий. Да и вообще — если люди перестанут друг другу помогать, то чем мы от зверей отличаться будем?

Я фыркнул:

— Обычно поступают по-другому. В лучшем случае не поленятся милицию вызвать. А ты не только не испугался и подошел, но теперь еще выясняется — жизненную позицию имеешь, как с церковных заповедей списанную.

Ванин пожал плечами:

— Так если я людей призываю заповедям следовать, то и сам должен соответствовать...

— Не понял... Каких людей?

И тут до меня внезапно дошло, почему внешний вид Алексея вызывал какие-то неопределенные ассоциации. Длинные волосы, даже собранные в хвост уже давно не носят. Мода прошла. А у него и волосы и бородка, да и взгляд... Неужто церковник?

Поэтому кривовато улыбнувшись, показывая что вопрос задан шутейно, спросил:

— Ты не поп случаем?

Алексей спокойно ответил:

— Нет, но к церкви отношение имею. Диакон я.

— Охренеть! Вот уж не думал, что священники настолько смелые бывают.

Ванин вздохнул:

— Разве ЭТО смелость? И вообще — давай до дома дойдем, там и поговорим? Хорошо? А то ты уже потихоньку синеть начал, без верхней-то одежды!

Я, разумеется, согласился, тем более что топать было, как выяснилось, совсем недалеко. А потом его жена, Мария (ну надо же, не Маша, не Марина а именно Мария), посмотрела мою башку, промыла рану и вынесла вердикт, что она хоть и не рентген, но похоже дело ограничилось только шишкой и легким сотрясением мозга. Хотя, в больнице провериться не мешало бы.

Выглядела Мария очень строгой и я как-то постеснялся у нее поинтересоваться, откуда у жены дьякона такие познания в медицине. Она ведь не только рану весьма профессионально обработала, но еще и зрачок на реакцию проверила, да пальцем перед носом водила заставив следить за ним глазами. В общем, вела себя прямо как наш док в санчасти, когда я с БТР навернулся и тыковкой нехило приложился.

Но у Алексея, когда он мне поливая теплой водой из ковшика, помогал смыть с себя

кровь, спросил. Оказалось что его жена — полноценный фельдшер и когда он сам получил в руку осколок от немецкой гранаты, Мария самостоятельно извлекла кусок ржавого железа и так обработала дырку, что даже никакого воспаления практически не было. Услышав про гранату, я удивился:

— Где ты эту гранату найти умудрился, чтобы осколок словить?

Ванин, подавая мне полотенце, ответил:

— Просто я, помимо основной работы занимаюсь еще и тем, что веду поиск наших с войны захороненных солдат.

— В смысле — черный копатель?

— В смысле — поисковик! И не надо путать! Мы не железки ищем, а людей. И хороним их по-человечески.

— А «мы» это кто?

— Я, ребята знакомые, молодежь, которую удастся к этому привлечь... Ищем и попутно пацанам объясняем, что павшие воины жизнь за свободу Родины отдали, и вовсе не горели желанием поработить весь мир, ведя захватническую войну, как это сейчас официальная пропаганда пытается внушить.

— Кхе! — я поперхнулся от неожиданности и вытаращив глаза спросил — Они там что — вообще с ума посходили? И какой мудак такое придумал?

Собеседник, критически посмотрел на меня и предложил:

— Ладно, пойдем в комнату, чего здесь беседы вести. Мария пока обед сообразит, ты хоть немного отлежишься и заодно расскажешь, почему данный факт для тебя является новостью. Или в вашем Юрьево ни газет, ни телевидения нету?

Идя следом за дьяконом, я лихорадочно придумывал, как объяснить свой эмоциональный возглас и полное незнание данного вопроса. Но чуть позже успокоился. Чего тут волноваться и что-то придумывать? Может я политикой, не интересуюсь в принципе. Неинтересно это мне.

Поэтому когда мне предложили мне упасть в глубокое кресло, накрытое стареньким диванком, я, последовал указаниям и с удовольствием откинувшись на спинку, выдал:

— Все есть. Только я ни телек не смотрю, ни газет не читаю. Уже лет десять как. Мозги там засирают конкретно, да и времени, честно говоря, нет, эту лабуду смотреть. Новости только иногда гляну и на этом все... Просто насколько помню, еще со школы, это немцы на нас напали. А теперь что — по-другому учат?

Собеседник кивнул:

— Именно так. В связи с новыми веяниями, в учебнике истории прямо написано, что именно СССР виноват в начале Второй Мировой войны.

— Охренеть! Я этот момент как-то упустил... И что — так и говорят, будто это мы на Германию войной пошли?

Алексей скривился:

— Нет, но это именно мы спровоцировали Гитлера на войну, напав на Прибалтику и Польшу.

— Блин, но ведь это бредятина! А до этого он что — по Франциям, Австриям, Чехословакиям и прочим Бельгиям просто прогуляться решил?

Сказанное Алексеем меня настолько поразило, что я даже об осторожности забыл. Ну еще бы — такой выверт замутить! А главное — зачем? Кому это надо НАСТОЛЬКО передергивать историю?

А когда спросил об этом, то получил прямой ответ:

— Ну ты вообще — как вчера родился! В деньги все упирается, в деньги! Помнишь, как в начале девяностых, начали Сталина шельмовать? А в две тысячи седьмом продолжили...

— Девяностые не помню, я тогда еще маленький был. А то что недавно было, конечно помню. Но ведь его по делу песочили — сколько народа этот козел уничтожил!

Ванин поднял палец:

— Вот-вот! И остальные так же считали. А ты не задумывался, для чего это надо было, вспоминать события более чем полувековой давности? Ведь еще в 1953 году все точки над «і» были расставлены. Причем, свинцовые точки. Тогда ведь все наиболее одиозные фигуры периода «культа личности» были расстреляны. Зачем спрашивается, начинать по новой? Но начали еще как — активно «опуская» Сталина. И вроде как по делу «опуская» — не подкопаешься! Аргументируя, что он убивал свой народ. А потом, когда все это начали считать аксиомой, пошла следующая фаза. В две тысячи девятом, была окончательно запрещена компартия. Ну, согласись — логично все. Если Сталин был главарем коммунистов и оказался записным убийцей, то его банду тоже надо под корень извести, или хотя бы запретить.

— Ну-у-у... пока вроде все верно...

— Так на это и было рассчитано. И следующим пунктом шло покаяние. Покаяние всех, кто имел отношение и к КПСС и к КПРФ. Публичное и задокументированное. А потом уже все просто — признали свою вину? Покаялись? Извольте принять счет к оплате!

Я опешил:

— Не понял, какой еще «счет»?

— За преступления, творимые коммунистами против народов мира. Против всех бывших стран Советского блока, против народов живущих на территории бывшего СССР или России. Вот и начали платить. И полякам, и чехам, и румынам, и крымским татарам, и чеченцам, и венграм. Проще сказать, кому мы оказались не должны. Даже американцам, которые долги еще по ленд-лизу вспомнили... Ну, им, в счет их погашения и в счет новых кредитов, пошли наши газовые коммуникации. А остальным... Ха! Во всяком случае, невыплаты пенсий нашим старикам и отсутствие бесплатного образования с медициной, аргументируют именно тем, что мы сначала должны расплатиться с «обиженными». И вообще — эти старики через одного преступники, так как активно строили коммунизм, который ныне приравнен к фашизму. Поэтому им вообще в тряпочку молчать надо, а не пенсии требовать. Да и молодежь, оказывается, заражена вирусом «имперского мышления» и склонна к «идеализированию тоталитаризма». А чтобы это искоренить, нужно приложить все усилия и тогда, лет через семьдесят, мы станем нормальными людьми. Ну, если кто выживет к тому времени...

Обалдев от развернутой картинки, я буркнул:

— Что-то логики не вижу. Ведь в начале, вроде именно мы считались самыми пострадавшими...

— А кому теперь эта логика интересна? Общественное мнение уже сформировано, так что чего стесняться? На Западе ведь как принято — если у кого то есть то что им нужно, эту страну объявляют преступной и прикрываясь красивыми словами, начинают грабить. А у нас, к несчастью, много чего есть...

Тут собеседник прервал свой монолог и укоризненно сказал:

— И происходит это все, потому что основной массе населения, так же как и тебе, совершенно неинтересно, что же наши политики творят. Живут люди каждый в своем миреке и плевать им на все остальное. А эти сволочи, наверху, только рады такому отношению...

Я, тряхнув головой, изгоняя страшненькую картинку нарисованную Алексеем, ответил:

— Да ты сам про эти извращения знаешь только потому, что дети в школе учатся и ты, проверяя домашние задания, видишь, чему их учат. А у меня детей нет, да и вообще — какой толк от того, что я начну активно всем интересоваться? Что-то поменяется? Да вот фиг вам! Только язву себе от злости заработаю. И потом весь остаток жизни исключительно на таблетки работать буду... Поэтому — зачем?

Ванин на эти слова только рукой махнул и переменял тему:

— Каждый так считает, вот и живем словно... А, ладно! Ты лучше о себе расскажи.

— Да чего тут рассказывать... Живу в Юрьево, работаю топографом в «ЮжРосгеодезии». И кстати, не считай меня таким уж пофигистом. Просто здешних реалий еще толком не знаю, потому что недавно в Россию приехал. До этого на Украине жил у

родственников. У нас там, конечно, свои тараканы, не лучше ваших, но они не настолько большие. Так, по мелочи — Мазепа спаситель, Бандера национальный герой и — москали устроившие гладомор. В общем-то, все. Пенсий и нормальной работы, правда, тоже нет...

Ванин странно посмотрел на меня и уточнил:

— НА Украине, говоришь жил?

— Ага, в Днепропетровске. На шахте одно время работал, маркшейдером, а когда ее прикрыли и работы не стало, сюда, к тетке переехал. Ну а сейчас в командировку ехал в Липцы. Это поселок под Радужным. Надо кое-какие геодезические инструменты оттуда забрать, — тут как будто только вспомнив я воскликнул — Черт! У меня ведь и командировочные вместе с документами сперли! Вот зараза!

— Да ладно, хорошо еще живой и не покалеченный.

Пошупав шишку я согласился:

— Это точно.

И лишь убрал руку от головы, как вошла Мария и пригласила нас к столу.

Да уж, со священнослужителями я до этого как-то не сталкивался. Нет, видеть видел, но все больше издалека. Но почему-то считал что у них все не как у людей. Ну там — благолепие, вкупе с всенепременными молитвами должны присутствовать. Типа креститься они должны после каждого слова и матом не ругаться. В этой же семье все было удивительно и совершенно не соответствовало моим представлениям. Нет, матом действительно никто не ругался. Но сев за стол, никто не стал возносить хвалу господу за посланный кусок хлеба и чинно сложив руки перед собой, шептать, закатывая глаза, молитву. Как обычные люди мы расселись и, болтая, начали обедать. Точнее говоря, болтали дети — пацан с девчонкой, которых очень заинтересовала моя героически забинтованная голова. И хоть Алексей на них шикнул, но они все равно вытянули из меня историю про типа автомобильную аварию, в которую я попал. Рассказывать ребятишкам правду не было никакого резона, поэтому я и отделался наспех придуманной легендой.

А после обеда Мария забрала детей в другую комнату предварительно указав мне на тахту и настоятельно потребовав чтобы я хоть немного полежал. Ну я и прилег. До самой ночи... Проснулся только для того чтобы поесть и опять отрубился, уже до утра.

ГЛАВА 7

Ну а наутро был как огурчик. Рог в районе затылка здорово сдулся и ссадина уже корочкой затянулась, так что надобность в бинтах отпала. Да и вообще — пора было и честь знать. Только вот с другой стороны, пока я брился любезно одолженной хозяином бритвой, постоянно обдумывал одну пришедшую в голову идею. Точнее меня она посетила еще вчера, когда только в этот дом шел, но сегодня, обсасывая ее и так и эдак все больше и больше убеждался в правильности первого порыва. И заключалась она в том, что мне нужен напарник из местных. Очень нужен.

Просто я только сейчас обнаружил огромную, зияющую прореху в наших с Профессором умозаключениях. Он ведь почему так спокойно здесь мог передвигаться? Да только потому, что древний старик был никому не интересен. Ни властям, ни даже криминалитету. Каждый считал, что со старпера, кроме анализов, взять совершенно нечего, и поэтому Сосновский прошел до нужной точки, как человек-невидимка, не привлекая ничьего внимания.

Но я — совсем другое дело... Это ведь чистая случайность что ни на одном автовокзале и ни в одном городе, местные служители правопорядка ко мне не подошли. А вполне могли достебаться, просто от скуки и спросить документы. Тогда пришлось бы их вырубать и делать ноги. Но в этом случае человека с моими приметами стали бы искать вполне целенаправленно и на задании можно было ставить жирный крест.

А вот если Ванин согласится помочь... М-м-м... имея такую пайцзу,³⁸ можно передвигаться по здешней России совершенно без опаски. Ведь если он будет со мной во время ментовской проверки, то шансов на то что меня загребут, станет гораздо меньше. Одно дело, когда они поймают одиночку без паспорта и совсем другое, когда топают два парня у одного из которых вполне нормальный «папир». В этом случае я всегда могу сказать, что свои бумаги дома забыл. А Ванин подтвердит. Зная милицейскую психологию можно с уверенностью сказать, что в этом случае, они цепляться сильно не станут и просто отпустят, махнув рукой. Кстати, если он будет в своей спецодежде, то тогда менты к нам вообще не подойдут. А эту самую спецодежду в виде сутаны или как там называется этот черный длинный балахон, я у него видел. Ну-ка покажите мне того, кто начнет у церковника документы проверять? Да никогда в жизни! Ни у него, ни его спутника! Значит, при наличии Алексея рядом, здешние служители правопорядка, практически перестают быть проблемой.

Да и как человек он мне понравился. Спокойный, рассудительный, не трусливый. А самое главное — равнодушный: вон аж зубами скрипел, когда про репарации рассказывал. И то, что он свое свободное время посвящает поиску и захоронению наших солдат, тоже о многом говорит...

А второй его плюс состоит в том, что во дворе дома стоит машина. Старенький «уазик» — «Таблетка». Я, мысль, обзавестись колесами лелеял практически с самого начала путешествия. Только вот случая как-то не выпадало. Нет, можно было еще в Юрьево начать тормозить всех подряд и, суля большие деньги просить отвезти меня до Радужного. Только вот вряд-ли бы кто подписался ехать. Слишком большое расстояние. А тут все в елочку складывается — и водитель парень нормальный и дороги всего — километров шестьсот в одну сторону получается.

Так что дело за малым — уболтать Алексея на поездку. Чем я за завтраком и занялся, дождавшись, когда дети выйдут из-за стола и скроются в своей комнате. Помешивая чай в чашке, решил зайти издалека:

— Слушай, всегда было интересно, но никогда не было случая спросить напрямую — сколько платят священникам?

Ванин удивился:

— Кому как, все зависит от величины прихода и сумм которые жертвуют прихожане. А чего это ты заинтересовался?

— Дело хочу одно предложить, вот и спросил. Так сколько у тебя в месяц получается?

Алексей переглянулся с женой, после чего, пожав плечами ответил:

— Около восьмидесяти тысяч...

— Ага, это значит долларов пятьдесят... И как — хватает на жизнь?

— Конечно, нет. Но я еще «буржуйки» делать научился, так что за счет их продажи и вытягиваем...³⁹

— Поня-ятно... Хорошо, а как ты смотришь на то, чтобы немного подкалымить на своем «уазике» и съездить со мной до Липцов, что во Владимирской области? Займет дорога в самом худшем случае дня три. Это в смысле — туда и обратно. А я тебе за сопровождение плачу три сотни. Долларов. В рублях это получится четыреста пятьдесят штук. Ну как?

Ванин ухмыльнулся, опять переглянулся с женой и спросил:

— Заработок это конечно хорошо, но объясни, в чем подвох? За что такие большие деньги сулишь? Или ты арабский шейх, который тут инкогнито путешествует?

— Да какой там шейх! Я сейчас без документов остался, а оборудование срочно надо привезти. И дело тут не в деньгах а в скорости. Но если меня вдруг остановят патрульные...

³⁸ Особая пластинка, играющая роль верительной грамоты.

³⁹ Даже в нашей России многие священнослужители подрабатывают на стороне и это не является чем-то из ряда вон выходящим.

И я выдал ему весь тот расклад который пришел мне в голову за бритьем. Церковный служитель покивал головой, после чего, твердо ответил:

— Я тебя послушал, а теперь ты меня выслушай. Знаешь, честно скажу — в дом к себе тебя позвал, после того как ты искренне озаботился, что случайно убил бандита. Ты не сожалел, что его покалечил, но вот когда я сказал про пульс, у тебя был крайне растерянный и огорченный вид. И поняв, что отморозок жив ты «выдохнул» и повеселел. Это, однако, показатель... Во всяком случае для меня показатель, по которому можно судить о человеке. А вот потом начались странности. Я ведь в начале почему-то подумал, что ты бывший военный. Скорее всего, из бригады «Волкодавов» что на границе с Каганатом стоят. Во всяком случае, словечки, поведение, да и то как лихо ты уделал троих нападавших, говорили что ты не простой обыватель.

Я с интересом слушал рассуждения Алексея и когда он замялся, поощряющее ему кивнул:

— Ну, пока все верно. И военным я тоже был. Только не здесь, а на Украине.

— О! — Ванин ухмыльнулся — Вот ты и второй раз штраф себе заработал...

— Не понял...

— А что тут понимать? Если бы ты действительно жил В Украине то знал бы, что за каждое твое «НА», произнесенное публично или при свидетелях, следует штраф. Это ведь крайне непolitкорректно говорить «НА Украине» и данное выражение напрямую свидетельствует о твоих не искорененных имперских амбициях. Кому, как ни жителю Украины это знать. Что на это скажешь?

Собеседник замолк и гордый своими дедуктивными способностями поглядел на меня в ожидании ответа. И он его получил:

— А чего тут говорить? Только одно — вы ребята в Украинских реалиях вообще не разбираетесь. Я ведь сказал, в каком городе жил. А это вам не какой-нибудь Львов, где западнцы друг на друге сидят и поляками погоняют. Вот там да — за «на» можно и в морду получить и на бабки попасть. Только мы не западнцы, да и вообще — суровость законов сильно компенсируется их неисполнением. Так что на востоке страны, с этими самостийными заморочками, дела обстоят гораздо проще... И еще — я несколько не понял, с чего ты вообще этот разговор начал?

Ванин смущенно крикнул и отводя глаза признался:

— Да так... Просто странным показалось что ты ТАКИЕ деньги за поездку предлагаешь. Вот и пытаюсь понять, кто ты и где здесь собака зарыта...

Я развеселился:

— Ага! И поэтому зашел настолько издалека?

— Нет, просто мне вовсе не хочется влипнуть в какую-нибудь темную историю, погнавшись за кушем.

— То есть если бы я предложил тебе столыжник, то вопросов бы не было вообще никаких? Круто! Но я тебя понял, поэтому скажу как есть — тут личная заинтересованность присутствует. Командировка-то у меня была не в Липцы а в Ростов. Но там я познакомился с одним мужичком, владельцем буровой установки. Ну, знаешь которые на базе «ЗиЛка»? Он занимается тем, что скважины под воду бьет и очень неплохие деньги на этом делает. И владелец этот обмолвился в разговоре, что запчастей на эту буровую теперь днем с огнем не сыщешь. А у меня сведения есть, что как раз в Липцах их можно достать. Я ему конечно про место не сказал, но пообещал, нужные железяки привезти. И о цене хорошей договорился... Но доставить их нужно в течении шести дней, а то буровики опять в свои степи уедут и где их потом ловить? Да и другие продавцы могут появиться. Поэтому я и решил быстренько прошустрить. А тут такой конфуз, с ограблением и документами... Так что теперь, если тормознут менты, пусть даже на трое суток, до выяснения, то считай все — поезд ушел... Вот я тебе за скорость и плачу...

Алексей покрутил головой:

— Ну ты и жук! Теперь все понятно... Одно уточнение: тебя что — до Ростова потом

надо будет довезти?

— В идеале — да. Ну, или когда сюда вернемся просто на автобус посадить, чтобы на автовокзале никто не докалупался. Пачпорт-то у меня стырили...

— А этих запчастей много?

— Да нет! Четыре вот такие трубки и еще одна растяжка на швеллер похожая.

Ванин удивился:

— Так неужели их нельзя на месте, в какой-нибудь слесарке сделать?

— Не-а. Там какие-то сверхпрочные сплавы идут и эти трубки, просто так, на коленке, не изготовишь. Поэтому они и настолько дорогие. Кстати, чтобы у тебя сомнений не было, я тебе их покажу. Сам убедишься, что это не оружие и не наркота какая-нибудь. Ну, так что?

Алексей еще раз переглянулся с женой и уточнил:

— Четыреста пятьдесят тысяч?

— Именно так.

— Хорошо! Я согласен. Только есть условие. Мы не сразу в эти Липцы поедem, а сначала в Тулу заскочим. Мне туда надо будет одну вещь из нашей церкви отвезти. Ну а потом я тебя и до места и обратно сразу до Ростова отвезу. Согласен?

— Спрашиваешь! Да и в Туле интересно было бы побывать. Я ведь там с родителями когда-то жил... Теперь, лишь бы машина не подвела!

Ванин обиженно ответил:

— Машина «звэр»! Я ее недавно перебрал и теперь вообще как ласточка летает! Так что за это не беспокойся.

— Вот и добре. Кстати, Алексей у меня к тебе еще одна просьба будет...

И я, озадачил Ванина тем, что перед поездкой мне надо будет заскочить в магазин и затариться мыльно-рыльным принадлежностями. А то мои вместе с сумкой умыкнули и пользоваться хозяйскими, как-то не с руки. Плюс нужна была какая-то верхняя одежда вместо украденной куртки. Кстати, с пропавшим чехлом под контейнер, решил вообще не париться. Это ведь лишние килограмм шесть тяжести и мне такую тару таскать будет вовсе не с руки. Да и Алексею кофр продемонстрировать тоже не след.

Сделаю по другому. Дьякон ведь на дороге, вместе с машиной останется, а я поднявшись на бугор и выкопав то за чем ехал, переложу «объект 18–36 бис» в обычную спортивную сумку. Так оно удобнее будет, да и у напарника никаких вопросов не возникнет. У «профа» же, одна упаковка есть, ему ее выше крыши хватит. А порталу ничего не сделается и без контейнера, так как внешне он железка железкой, только весь узорами какими-то покрыт. Но узоры, насколько я понял, на работоспособность не влияют (вон у Сосновского в сарае, эта конструкция вообще каким-то суриком целиком закрашена была и ничего — работала).

Поэтому, подождав пока Мария соберет бутеров в дорогу, мы покатали в магазины. А после этого, подъехали к небольшой церкви на левом берегу Дона и загрузили в машину солидный, сияющий полированными боками чан. Точнее загрузили ящик, в который эта купель была упакована. Во время погрузки я себе прищемил палец и теперь, глядя как Алексей крепит тару в салоне, раздраженно сказал:

— Блин, и на фиг было столько наполнителя в ящик засовывать? Эта купель что — хрустальная? Чего этой плошке станется, что ее как яйцо Фаберже укутали?

Ванин, затягивая узел на веревке фыркнул:

— Этой, как ты выразился «плошке», больше двухсот лет. И лишние царапины ее точно не украсят.

По-новому взглянув на ящик я присвистнул:

— Ничего себе! Раритет однако!

— Вот именно. Ну что — по местам?

Выбираясь из салона, я кивнул:

— По местам!

И мы, усевшись в кабину внедорожника, поехали...

Машина была действительно — «звэр», но очень неторопливый «звэр» поэтому триста пятьдесят километров до города оружейников проделали аж за шесть с половиной часов. Хорошо еще этот почтенного, двадцатипятилетнего возраста рыдван нигде в дороге не засбоил и исправно довез нас до места.

А в пути я набирался знаний об этом мире. Точнее говоря, Алексей просто рассказывал разные житейские истории, иногда скатываясь на современную политику. В эти моменты я растопыривал уши и пытался из этих обрывков хоть как-то собрать картину окружающего мира. Получалось несколько хреновато, но наиболее острые моменты я сумел вычлениить.

В общем, если вкратце, то до 91 года все было, почти так же как и у нас. Во всяком случае, я, на свой непросвещенный взгляд, различий не уловил. А вот потом пошли изменения. Путч в этом мире, как ни странно — удался. Удался потому, что как раз к тому времени когда заводы из КГЧП готовы были поднять лапки кверху, на сцене появился генерал Варенников⁴⁰ и поставил всех раком. И гэкачеписов, и республиканских вождей и жаждущих перемен кооператоров и даже Борю, вместе с броневином и соратниками. Беспальный, в полном расстройстве от потери кажущегося таким близким царствования, обратился с призывом о помощи к международной общественности. Но, не дождавшись действенной реакции исчез и вынырнул только через два месяца, в Филадельфии.

Первый Президент был так же дезавуирован, после чего начались чистки. И хоть эти чистки были довольно мягкими (самых разных высокоуровневых противников в основном не сажали и не стреляли, а просто отстраняли от должности) в стране наступило спокойствие. Взволновавшиеся было окраины при помощи отдельных частей внутренних войск быстро привели к порядку и СССР продолжил жить дальше, правда, постепенно теряя всех своих союзников по Варшавскому договору. Но тут насколько я понял, не до жиру — в своем бы доме разобраться...

И, в общем-то — разобрались. Правда вою было... На Западе Варенникова иначе как «диктатором» не именовали и постоянно грозились окончательно разобраться с «империей зла». Но дальше слов дело не шло, так как армия была сильна, а страна потихоньку выбиралась из того кризиса, в который попала в начале девяностых. Только крепкого духом, но уже очень старого и тяжело болеющего Варенникова в 1998 году сменил президент Торошкин. Затем был Беляев. Причем, при последнем уже как-то забылись неприятности конца прошлого века и интеллигенция снова затребовала больших свобод. На экранах телевизоров как в конце восьмидесятых стали появляться разные диссидентствующие личности рассказывающие про сытую, богатую и истинно демократическую жизнь. Опять среди богемы в моду вошло говоримое через губу слово «совок», «ПОЦриотизм» и «гэбня». Вроде бы что там — ну болтают и болтают. Но обычно все и начинается с внешне невинной болтовни... И подтверждением этим словам стал 2007 год, когда жизнь снова повернулась к простым людям задом.

На умело инспирированной волне «народного волеизъявления» к власти неожиданно пришел демократ новой волны, некто — Сурганов. И буквально через полгода, полыхнуло практически сразу и везде! Бывший Союз начал разваливаться без всяких договоров, не по дням, а по часам, да еще и с локальными, но от этого не менее кровавыми войнами. То киргизо-узбекской, то грузино-осетинской, то молдавано-украинской, то армяно-азербайджанской, ну и так далее — по списку. У всех неожиданно образовались друг к другу претензии и соседи по окраинам бывшей империи с головой окунулись во взаимные разборки. Что характерно, больше всех в этих войнах доставалось инородцам имеющим несчастье проживать на территориях вновь образованных стран. Их мочили и те и другие...

⁴⁰ Варенников И. В. — советский военачальник. Генерал армии. Участник парада Победы. Характерный факт нашей истории — в 1991 году принимал участие в событиях по захвату телецентра в Вильнюсе. Причем, решение о применении армии им было принято без согласования с президентом Горбачевым. В ГКЧП не входил, но их линию поддерживал. Еще один факт — в 1994 Варенников ЕДИНСТВЕННЫЙ из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию от новой власти, после чего предстал перед судом.

Россия тогда устояла, но в 2009 году случился окончательный пипец. Да и не удивительно, если учесть что новый презик даже пукал по указке «лучших друзей» из-за бугра...

Началось все с проигранной войны в Чечне, когда «Сурганов энд компани» вчистую слили воевавших там армейцев, после чего, Чечня с Ингушетией объявили о своей независимости. И весь мир этот факт быстренько признал. В том числе и Россия. А потом посыпалось одно за другим — Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Осетия, Карелия, Тыва, Бурятия, Хакасия и даже Чукотка, резко захотели стать свободными от «ига русских оккупантов». При этом, как ни странно, резня в большинстве новообразованных стран, была гораздо круче той, что наблюдалась при распаде СССР. Но «мировая общественность» настолько бурно рукоплескала самому демократичному президенту России, что тот аж два раза умудрился получить Нобелевскую Премию Мира за «толерантную и дальновидную национальную политику, способствующую укреплению безопасности во всем мире».

А в конце 2010 года, в результате международного судебного процесса, коммунизм был приравнен к нацизму и на остатки страны наложили контрибуцию. И почти одновременно с этим, была затеяна провокация по окончательной дискредитации Российской Армии. Ее и так обвиняли во всех грехах, особо упирая на «зверства, творимые распоясавшимися оккупантами в ныне свободных республиках», но тут появилась новая фишка.

Алексей, нервно куря одну сигарету за другой, говорил:

— Помнишь, тогда еще поднялась шумиха о том, что «коррупцированные военные торгуют ядерным оружием»? Причем, преподнесено все было так, как будто наши вояки ядерными бомбами чуть ли не в разнос торговали. Вот уж где бредятина... А бойню в Рязани вспомни? Сволочи! Они ведь все заранее просчитали и поэтому хорошо приготовились! Ведь даже полный кретин мог предположить, что снос памятника находившегося прямо на территории училища, приведет к возмущению курсантов и они обязательно дадут отпор. Так нет же — дождались, когда у тех летние каникулы закончатся и только тогда бульдозер с краном подогнали, зачитав пацанам выдержку из закона: «О запрете советской символики и уничтожении всех памятных знаков коммунизма и тоталитаризма». То есть, они памятник Маргелову,⁴¹ к символам тоталитаризма отнесли! Ну и получили. Сначала полиция — просто по морде. А потом, когда моментально появившийся полицейский спецназ начал стрелять, курсанты вскрыли оружейки... Там, по слухам, даже американская «Дельта» засветилась... Но про Рязань все знают — такой бой не скроешь. А про десятки других городов, где шли подобные столкновения, мало кто в курсе. Интернет-то по всей стране уже на третий день рубанули. Да так рубанули, что и сейчас его практически нет... Во всяком случае, выхода на иностранные сервера нет. А в новостях исключительно про «отрыжку великодержавного шовинизма» и «наследников тоталитаризма» говорили... Да еще про полное разложение офицерского состава, начинающегося прямо с военных вузов и выливающееся в неспособность нынешней армии контролировать оружие массового поражения. Зато буквально через неделю, словно бы между делом было объявлено, что все наши ядерные объекты отошли под юрисдикцию ООН. А еще через полтора года, в две тысячи двенадцатом, численность наших вооруженных сил сократили до десяти дивизий...

Я передернув плечами, и сдерживаясь чтобы не выматериться в голос, какое-то время помолчал, приходя в себя и стараясь показать что все рассказанное для меня вовсе не ново. А потом спросил:

— Ну и чего ты себе сейчас душу рвешь? Что было то прошло... Зато теперь все тихо...

Ванин скрипнул зубами:

— Ты что — дурак? Ведь ничего не закончилось! Неужели тебя устраивает то, что вокруг творится? Я даже молчу о том, что мы мрем как мухи. Что в аптеках наркота теперь

⁴¹ Маргелов Василий Филлипович. Командующий ВДВ в период 1954–1959 и 1961–1979 гг. Огромный вклад Маргелова в формирование воздушно-десантных войск в их нынешнем виде нашёл отражение в шуточной расшифровке аббревиатуры ВДВ — «Войска дяди Васи».

даже без рецепта продается! Что работы нормальной днем с огнем не сыщешь! Что содомия настолько поощряема, что скоро мы окажемся сексуальными меньшинствами! Что населения в стране осталось меньше семидесяти миллионов! Я про другое — ведь эти ироды, твердя про свободы, говорят исключительно насчет своих свобод. Или о свободах своих единомышленников. Зато всем другим... Ты хоть знаешь, сколько народу сейчас сидит? Нет, я не про уголовников говорю. Этих не просто сажать, их стрелять давно пора! Но для властей они угрозу не представляют, поэтому и живут, как сыр в масле... А я говорю про тех, кто против условий нашей поганой жизни выступает! Их ведь всех, под закон от третьего ноября подводят!

О каком законе говорит Алексей я понятия не имел, но вытаращив глаза, деланно удивился:

— Да что ты говоришь?!

— Именно так. После прошлогодней серии взрывов перед мэриями и полицейскими участками, эти скоты поняли, что народ уже до последней черты дошел, вот и приняли закон о терроризме, под который попадает любой, неугодный власти. И неугодных, за решеткой, уже десятки тысяч... Но до сих пор, как телевизор не включишь — чьи-то лукавые морды все насчет свобод и достижений демократии говорят. Особенно «каспаровцы» стараются рассказать, как нам теперь замечательно живется. Кстати, ты Сергей зря телевизор не смотришь. Очень способствует поддержанию здоровой ненависти!

— Да на хрена мне это нужно? Нервные клетки не восстанавливаются. А просто так — чего себя травить? Как сказал один из великих — «Мы не сделали скандала, нам вождя не доставало». Вот как вождь появится там и можно будет посмотреть. А до этого — смысл нервы трепать? Один хрен от нас ничего не зависит. А все эти кухонные, или в данном случае автомобильные разговоры, просто пустое сотрясение воздуха! — меня никогда подобный пустопорожний треп не привлекал, поэтому я разгорячился и перешел на личности — Сам-то что? Обвяжись взрывчаткой и к «Березе» в гости сходи! Не пойдешь, небось! Дескать, жена и дети держат. Да и на работу завтра рано вставать! Тогда чего сидеть и злопахать?

Мне казалось что Ванин обидится, но он только ухмыльнулся:

— А зачем мне к Борису Абрамовичу ходить? Он просто исполнитель. Так же как и все остальные либералы да демократы здешнего разлива. Бить надо по голове. А голова у них там, за океаном...

Я улыбнулся в ответ:

— Ну с чего-то один черт надо начинать?

Алексей рассмеялся:

— Верно говоришь!

А потом, очередной раз сменив тему разговора, начал рассказывать как он третьего дня одной бабке, живущей на восьмом этаже, печку ставил.

Вот так, под разговор, мы и добрались до Тулы. Точнее, до небольшой церквушки недалеко от окраины города. Там, мы выгрузили ящик, передав его двум дюжим священникам. После чего, отдав купель я остался сидеть в машине, а Ванин пошел к здешнему настоятелю оформлять какие-то документы. Присовокупив напоследок что это много времени не займет и после обеда, которым нас здесь же и накормят, мы сможем двигать дальше. Задумчиво глядя как он крутит головой, разминая шею, я поинтересовался:

— А ты еще шесть часов за рулем этой лайбы выдюжишь? Это ведь не «мерс» и руки небось уже отваливаются?

Алексей лишь ухмыльнулся:

— Ничего, я привычный!

После чего пропал минут на тридцать. А вернувшись, был задумчив и невесел.

Глядя на сосредоточенную физиономию дьякона, я решил пошутить:

— Что, местные коллеги в столе отказали?

Но Ванин шутку не принял:

— Нет — а потом, огладив бородку, продолжил — тебе куда надо было конкретно попасть?

Внутренне подобравшись, я настороженно ответил:

— Говорил ведь уже — около двадцати километров от Радужного есть деревня Липцы. Ну и не доезжая до нее немного...

Собеседник пожал плечами:

— Я тех мест не знаю... давай спрошу по-другому. Ты поселок Руднево, знаешь? Он вроде где-то в том же районе расположен.

Руднево, Руднево... название очень знакомое. Прикрыв глаза я начал вспоминать населенные пункты по маршруту следования и, буквально сразу же нашел ответ:

— Знаю! Это километрах в семи от Липиц. Но в семи, если ехать по трассе. Напрямую, судя по карте, там гораздо ближе. А что?

Ванин, выслушав ответ, поморщился:

— В таком случае, боюсь, у меня плохие новости. Я сейчас кое-какие справки навел насчет того, что во Владимирской области творится. В новостях, довольно давно, чуть не с полгода назад была информация, но тогда на нее внимания не обратил. А теперь вдруг вспомнил и решил уточнить у здешнего батюшки. В общем, в Руднево идет стройка. Точнее восстановление построенного еще в девяностые, завода по утилизации химического оружия. А отец Николай сказал, что там теперь особая десятикилометровая зона. На дорогах, в этом радиусе, посты стоят и документы проверяют. У всех, даже у транзитников. А в само Руднево въезд только по спецпропускам.

В растерянности от такой новости я сплюнул:

— Вот паскуды! Нашли время! Ну ни раньше ни позже!

А потом, в полном расстройстве достал было сигарету но, посмотрев на купол церкви, запихнул ее обратно. Блин, и что теперь делать? Ведь в прошлом году «Профессор» дошел до тайника совершенно без проблем. Зато теперь этим козлам что-то строить приспичило! И ведь не где-нибудь, а именно там, куда мне надо? Стоп! А может не там? Ведь захоронка даже не в самих Липцах, а в четырех километрах южнее. Может быть она и не попала в эту сраную, десятикилометровую зону? Только вот почему-то у меня было такое чувство, что еще как попала. Наверное, потому что слишком уж все хорошо до этого складывалось. Даже нападение малолетних грабителей и то в жилу пошло. Ведь именно из-за этого я смог приобрести себе напарника. А вот сейчас вылезла трабла...

Хотя с другой стороны... Чего я собственно говоря запаниковал? Ну стоят «блоки» на дорогах и что? И пусть себе стоят. С какой стати нам через них переться? Доедем до развилки на Липицы, там я оставляю Ванина вместе с машиной и дальше двигаюсь пехом. Что нам лосям пятнадцатикилометровый марш-бросок в одну сторону? М-да, и столько же обратно... Эх, силы у меня конечно не те, да и физподготовка за последние несколько лет сильно подкачала, но за ночь я думаю управлюсь. А если и не управлюсь, не беда — я ведь не на время этот кросс сдавать буду. Тут пара лишних часов не играют совершенно никакой роли. Так что известие, принесенное дяконом, хреново только в смысле комфорта и мой расчет подъехать на «уазике» прямо к тригопункту, накрылся медным тазом. Но во всем остальном, появление запретной зоны, препятствием не должно стать. Ведь вряд ли там на каждой тропинке и под каждым кустом секреты с засадами торчат. Тем более что тайник находится достаточно далеко от основной охраняемой точки в Руднево.

Вот этими позитивными мыслями я и поделился с Алексеем. Разумеется, несколько отредактировав их и чуть позже добавив:

— Так что от своей задумки я отказываться не собираюсь. Я ведь тебе уже три сотни должен за поездку. И если запчастей не достану, то считай на свой, почти трехмесячный заработок попаду. Нет уж! Поедем!

Ванин задумчиво глядя на меня ответил:

— Ну, пока еще ты мне ничего не должен. Я ведь в Тулу по своим делам и так и так собирался ехать. Поэтому можешь за этот вояж не платить... Скажу больше — если уж так

вышло, то я тебя и обратно бесплатно доставлю. Чего я не понимаю что ли?

— Именно что — не понимаешь! Мне тот мужик штуку зеленых за запчасти обещал! Ты слышишь? А за тысячу, я воробья в поле загоняю, а не то что несколько километров по лесу пройду!

Дьякон пожал плечами:

— Ну, как знаешь.

А потом предложил не терять времени и сходить пообедать. Что мы и сделали, после чего снова загрузились в машину и двинули дальше.

Я сидел, оглядывая из окон знакомые места, и даже подсказал Алексею более удобный путь к трассе, что ведет из города. Увидев, что он собирается объехать частный сектор, в который обычно незнающие люди старались не соваться чтобы не попасть в какой-нибудь тупик, я посоветовал:

— Сворачивай сюда. Я тут с детства каждую улочку знаю. Сейчас покажу тебе самую короткую дорогу...

Алексей кивнул и молча повернул, туда, куда я ему посоветовал. И дальше, следуя моим указаниям, уверенно рулил, двигаясь к выезду на трассу. А минут через десять, увидев знакомую крышу, я ностальгически вздохнул:

— Вон в том доме мы когда-то жили...

Ванин, который сосредоточенно объезжал дорожные колдобины, на секунду оторвался от дороги и спросил:

— В каком?

— Во-он там, с синим забором, напротив магазина. А потом отец умер и мать снова вышла замуж, переехав жить к отчиму. А домик этот стала сдавать. Ну а я к деду, в Днепропетровск уехал...

И ведь правду сказал. Ну, кроме деда и Днепропетровска. А все остальное так и было. Эх... Вспомнив самые приятные детские годы проведенные в этом месте, я грустно улыбнулся. Грустно, потому что вдруг вспомнился отец. Еще живой и молодой. И как мы с ним лестницу сколачивали, чтобы можно было яблоки собирать...

Но от лирических воспоминаний меня отвлек Алексей:

— Э-э, где ты говоришь тут магазин? Нам ведь какую-нибудь еду надо бы прикупить. Да и воды набрать тоже. Горелка у меня есть, так что тебя, после пробежки, горячим чаем встречу.

Я оживился:

— Дело говоришь! Поэтому давай, сейчас не разгоняйся и вон за тем грузовиком, что возле колонки стоит, тормози. Видишь?

— Вижу.

Проехав мимо зачуханного «зилка» унылый облик которого подчеркивал самодельный задний борт, светлеющий некрашеными досками, мы остановились. А я, глянув на бывший родной дом, попросил:

— Слушай, может быть, ты сам в магазин сходишь? А я пока тут постою. Я ведь здесь последний раз был, когда мне лет десять было...

Ванин понимающе кивнул:

— Ладно, ностальгируй!

И мы разошлись. Он к магазину, а я к синему забору, через который открывался отличный вид на бывшее родовое гнездо Корневых. И там, глядя на заколоченные досками ставни дома в котором прошло детство, мне вспомнилось, как мы с Профессором долго обсуждали тему родственников в зазеркалье. Я ведь по началу никак не мог врубиться почему, по его словам, люди носящие знакомые мне имена и фамилии в ТОМ мире являются совершенно не теми, кого я знал и любил здесь. Но Сосновский меня убедил, что это не просто не родственники и даже можно сказать незнакомые мне субъекты. Попади я сюда в шестилетнем возрасте когда еще не началось расхождение наших миров, другое дело. Тогда бы вся «параллельная» родня была практически идентична моей. Но бытие определяет

сознание и двадцать четыре года прожитых в совершенно иных условиях изменили этих людей настолько, что даже внешне они мало походили на моих родных. А уж внутренне... Да в этом я и сам убедился когда встретил двоюродного брата, который ЗДЕСЬ ни о каком военном флоте и не думал, а как начал спиваться с молодых ногтей так до сих пор остановиться не может. Про «параллельного» меня можно сказать то же самое. Нет, не в смысле алкоголизма, а в смысле того, что вряд ли я пошел по военной стезе, так как даже ВУЗа моего тут нет. И в кого тут превратился Сергей Корнев — бог весть. Так что «Проф» оказался полностью прав.

Но отец... Отец совсем другое дело. Я ведь его очень смутно помню. Мне двенадцать лет было, когда папа умер и его всегда очень не хватало. Поэтому у меня была надежда, что хоть в этом мире он живой и я смогу его увидеть. Пусть хоть издалека, но увидеть. Только если бы он был жив, моя семья скорее всего так и продолжала бы обитать в этом доме. Так что видно — не судьба...

Все еще пребывая в минорном настроении, встретил появления Алексея. Тот, пристроив пакет и пятилитровую бутылку в машину, поинтересовался:

— Ну что? Вспомнил молодость?

— Вспомнил...

После чего, умываясь на неудобном «уазовском» сидении, еще раз окинул взглядом дом, и сказал:

— Поехали. Сейчас, за остановкой, будет поворот направо. Нам туда.

И мы снова покатали по кривым и грязным улочкам частного сектора, пробираясь к выезду на трассу.

ГЛАВА 8

Потом была дорога, в которой, предчувствуя будущую бессонную ночь, я попробовал покемарить. Но спать в «Таблетке» еще то удовольствие поэтому, помучившись минут сорок, закурил и поглядывая на серо-свинцовое небо с которого в любой момент опять могла посыпаться снежная крупа, спросил:

— Как считаешь, часам к девяти до места доедем?

Ванин пожал плечами:

— Должны. Хотя в дороге лучше не загадывать.

И как сглазил! Мы как раз были на подъезде к Кашире когда Алексей, увидев очередную здоровую трещину в асфальте протянувшуюся поперек дороги, придавил тормоз. Не тормознул колом, а именно что стал притормаживать, стремясь сбросить скорость и перевалить через препятствие без последствий для ходовки. И в этот момент сзади раздалось «БУМ» от которого «уазик» слегка дернуло вперед. Мой спутник глянул в зеркало заднего вида, катнул желваками и вместо обычных слов, говоримых водителями в таких случаях, пробормотал:

— Вот тебе бабушка и Юрьев день...

После чего, свернув к обочине, заглушил свой пепелац и полез наружу посмотреть, кто же нас догнал. Я, выразившись более энергично, тоже дернул за ручку двери, выходя на пронзительный ветер. А сзади была классическая для подобной ситуации картина — машина со слегка заматым с правой стороны капотом и крылом. Оно понятно — ее водила не соблюдая дистанции прилепился к нам сзади, а когда мы стали тормозить, попытался уйти от столкновения выворачивая руль влево. Вот и влетел под наш бампер. «Таблетке» хоть бы хны, а догнавший нас «БМВ „тройка“» заполучил легкие повреждение морды. Хорошо еще скорость маленькая была... Но в данном случае мы полностью правы, поэтому сейчас Ванин просто скажет что претензий не имеет и можно будет ехать дальше.

Только вот, находившиеся в «тройке» похоже, имели на этот счет собственное мнение. Ее дверцы синхронно хлопнули выпуская из немецкого нутра двух типично российских криминальных персонажей и один из них, здоровенный как Валуев и со столь же

«симпатичной» физиономией, мельком окинув взглядом повреждения, сразу же шагнул к Алексею:

— Что, мужик, жизнь дала трещину? — а потом, увидев под его курткой подрясник, добавил — Сегодня твой бог от тебя, похоже, отвернулся.

Ванин хмуро удивился:

— Почему это? Все живы-здоровы. Моя машина тоже не пострадала. Значит...

Бугай сплюнул и перебил:

— Да мне поровну, что с ТВОИМ корытом! А мою ласточку ты уделал как минимум на две сотни евро! Так что соображай, как расплачиваться будешь?

Похоже, с Алексея от такой неприкрытой наглости слетела вся доброжелательность и, он возмутился:

— Я? Расплачиваться? Да вы вообще обалдели! Мало того, что мне сзади въехали так еще и претензии предъявляете?

В этот момент второй блатняк, который до этого не вступал в разговор а просто полусидел опершись на капот, сунул руки в карманы, при этом распахнув куртку так что стала видна оперативная кобура с рукояткой пистолета и рывком оттолкнувшись от машины, выдал:

— Ты не вякай, а бабки готовь! Нет бабок — давай документы, а бабло позже соберешь. Но соберешь по-любасу! Понял, гнида? Или тебя прямо сейчас закопать? Вместе с твоим кентярой?

Ух ты как круто все завертелось! Я стоял молча, не вступая в разговор и медленно закипал. Нет, и в нашем мире что-то подобное могло приключиться, но не настолько наглое. То, что виноваты влетевшие сзади, и ежу понятно. Поэтому сейчас происходит чистой воды вымогательство. Только мне как поступить? Вырубить этих братков? Нападения они не ждут, поэтому уложить обоих я сумею. Но что потом будет с Ваниным? Ладно, номера у нас уделаны замерзшей грязью и почти не читаемы, но всегда остается мизерный шанс, что события пойдут по-плохому. А может не обострять ситуацию и дать им денег? Что такое для меня две сотни — тьфу! Время важнее.

Пока я соображал, Алексей пытался воззвать к разуму охамевших в корень виновников ДТП:

— Парни, вы неправы и это прекрасно знаете. Так зачем сейчас наводить тень на плетень?

— Мы не правы?! Да мы по жизни правы! А ты нам по жизни должен! И ты, и твои дети, и твои внуки! Потому что вы — бараны и вас надо стричь! И так будет всегда!

Щелк! У меня в голове что-то повернулось, а мысль дать им денег, испарилась без следа. Вместо нее возникло какой-то очень странное ощущение. Вообще, часто разговаривая с людьми прошедшими локальные конфликты, я знал, что для адаптации к экстремальным условиям человеку нужно какое-то время. Какой бы он «пес войны» не был, а попав в зону боевых действий, несколько дней ходит как не нюхавший пороха новобранец и только потом втягивается, становясь знающим и умелым бойцом. А у меня гражданка длилась три года. Причем, абсолютная гражданка. И даже еврейские приключения толком так и не встряхнули. Чего говорить, ведь тогда, стреляя в араба, чуть не с ужасом думал, что я скажу полицейским и какие проблемы с иностранными властями, могут появиться из-за его убийства. Да и позже, история с «турником» и зазеркальем воспринималась — будто кино смотрю. Все эти порталы, параллельные миры, разваленная страна... Ведь этого на самом деле просто не может быть!

Но почему-то именно теперь я понял, что все очень серьезно и происходит не в кино, а в жизни. Наверное этому очень поспособствовала кривящая губы в презрительной ухмылке морда братка, одуревшего от полнейшей безнаказанности и вседозволенности. У нас говорят, в девяностые годы, много таких же было, но жили они сравнительно недолго. А тут они себя чувствуют словно у Христа за пазухой. Прямо как у плохого командира, который от лени или неумения всю власть в подразделении передает «дедам» и те, чувствуя мощнейшее

прикрытие сверху, изгаляются как могут. Вот и здешние урки при полной поддержке нынешнего режима, ощущают себя сверхчеловеками, гнобя обычных людей на полную катушку.

Поэтому, глядя на растопырившего пальцы бандита, я чуть ли не физически ощущал, как облетает с меня шелуха гражданских условностей. Чувствовал, как в эти секунды из сетевого инженера Сережи Корнева, который даже в очень нечастых драках случившихся с ним за последние три года, привык сдерживать удары, дабы не дай бог не покалечить противника не и схлопотать срок, превращаюсь в старшего лейтенанта подразделения СпН Корнева. Того Корнева, которому с семнадцати лет начали вкладывать в голову простую истину о том, как надо поступать с врагами.

Честно говоря, психологическое перерождение, а точнее возвращение того, что было когда-то потеряно, доставило такое счастье, что губы непроизвольно расплылись в улыбке. Господи, хорошо-то как! Я ведь по натуре — боец. Воин. Только сам этого толком не понимал, когда уходил из армии. Думал — ну какая разница кем быть? Не получилось с армейкой, стану гражданским специалистом. Но закавыка оказалась не в смене профессии, а в душевном настрое. И именно сейчас стало понятно насколько меня угнетала попытка превращения из хищника в домашнюю болонку. Ломая себя через колено. Зато теперь...

Мои разъехавшиеся в улыбке губы почему-то заставили разглагольствующего о «стриженных овцах» вымогателя заткнуться на полуслове. Но такая реакция лишь позабавила. Значит точно — Волк вернулся. У меня ведь бурсовская кличка, впоследствии переросшая в позывной, появилась сначала как производное от имени. То есть: Сережа — Серега — Серый — Серый волк. Но на втором курсе, инструктор по рукопашке, который выбрал меня в качестве груши на первом тренинге, через две минуты боя скомандовал «брэк» и, глядя как я утираю юшку, сказал своему помощнику:

— Ты глянь на его глаза. Как зыркает. Дай волю — глотку перегрызет. А оскал-то какой! Чистый волчонок! Маленький правда еще, ну да ничего — мы из него настоящего волчару сделаем!

И ведь — сделали! Так что теперь, возле задних дверей «уазика» стоял не гражданский человек скованный тысячами условностей и святым соблюдением статей УК, а старлей Волк, находящийся на задании.

Замолкший браток, видно не совсем верно оценил ухмылку, но нутром почувствовал неправильность увиденного, поэтому поспешил исправить внутренний дискомфорт привычным методом. Глядя на меня сузившимися глазами, он сказал, обращаясь к здоровяку:

— Слон, козлики, похоже, по-хорошему не понимают. Зубы вон, скалить начали... Ну-ка, объясни им...

Монструозный Слон, без всяких возражений, как будто давно ждал этой команды, качнув бритой, шишковатой головой молча шагнул ко мне, занося руку для удара. А кулак у него был... Слов нет! Но дожидаться когда этот кулак войдет в соприкосновение с моим фейсом я не стал, а сделав быстрый шаг вперед отработал свою убийственную коронку — пах, горло, уши. Причем, как на макиваре, не сдерживая силы удара. И сразу же, пока этот Кинг-Конг еще только оседал, добавил ему по затылку и метнулся в сторону второго беспредельщика.

Обработка здоровяка заняла буквально три секунды и велеречивый браток даже сначала не понял что за конфуз случился с его напарником. До этого болтуна просто не сразу дошло почему его дружбан, дернувшись от ударов совсем мелкого по сравнению с ним парня, вдруг начал подгибая колени заваливаться набок. Но когда дошло, в драку не кинулся, а сразу полез за пистолетом. Хе, дурашка! Если бы ты отпрыгнул за машину, а потом потянулся к оружию у тебя был бы небольшой шанс. Да и то, только при том учете, если «ствол» с патроном в патроннике. А так...

В общем он, как в замедленном кино, еще тянул пистолет из кобуры, а я уже летел в его сторону. Вот только мой красивый прыжок был скомкан финалом, так как одновременно со

мной или даже чуть раньше, на братка кинулся Ванин. Такой прыти от священнослужителя не ожидали ни я ни бандит поэтому последний замешкался не зная на какую угрозу реагировать в первую очередь и в итоге мы брякнулись все вместе, в подмерзшую грязь, бесформенной кучей.

Раздухавшийся дьякон оказался подо мной и одной рукой вцепившись в уже вытащенный бандитом пистолет, другой, сильно и часто молотил по морде противника. При этом каждый раз, в замахе ударяя меня локтем в бок. В общем сцена — совершенно непрофессиональная и безобразная. Получив несколько «дружественных» ударов по печени я скатился с этой кучи малы и, примерившись, просто с силой пнул противника в голову. После чего еще несколько секунд понаблюдав как Ванин обрабатывает потерявшего сознание братка, сказал:

— Эй, божий человек, долго ты из него отбивную делать собираешься?

Алексей, наконец, заметив что лежащий под ним находится в отрубе, прекратил сбивать кулак о чужие зубы и тяжело отдуваясь, поднялся. А потом, плюнув на бессознательное тело, зло подытожил:

— Дети мои тебе должны? Вот х... тебе промеж глаз!

Я же, подобрав вывалившийся из руки бандита пистолет и очищая его от грязи, ехидно поинтересовался:

— А как же христовы заповеди? Ну, там — подставь щеку, не подними руку, возлюби ближнего... Да если бы ты его еще чуть-чуть сильнее «возлюбил», он бы моментом ласты склеил!

«Божий человек», тяжело сопя, пожал плечами:

— Мир бы от этого только чище стал. Ты лучше кончай болтать и в машину садись, пока эти не очнулись.

— Они еще долго не очухаются. Но надо подстраховаться...

Смахнув последний комочек земли с пистолета и проверив наличие патрона в патроннике (к слову сказать бывший владелец ствола четко следовал технике безопасности и патронник был пустой) я сунул оружие в карман и наклонившись, принялся охлопывать бандита. Алексей, который недоуменно следил за моими действиями, дернулся и опасно оглянувшись, прошипел:

— Ты чего творишь?!

— Телефон ищу. Эти гаврики наверняка из Каширы и согласись — будет вовсе не здорово если они в себя придут и своим дружкам тут же отзвонятся — мол, какие-то лузеры на грязном «уазике» их обидели до невозможности. А если мы как раз в этот момент будем через город ехать?

— Тогда быстрее ищи — вдруг нас кто увидит?

— Да кто нас увидит? — Мотнув головой в сторону совершенно пустой трассы, по которой за все время разборок проехало только две фуры дальнобойщиков, я продолжил обыск. Телефон нашелся быстро. И не просто телефон, а как я и рассчитывал, начиная обыск, со встроенным GPS. По-другому и не могло быть. Да чтобы уважающий себя браток рассекал на крутой тачке, имел дорожный пистолет и не обладал наиболее навороченной мобилой, это просто нонсенс! А мне еще через лес топать, и чтобы не плутать по дороге, такой телефончик будет в самый раз. Ведь мой «Ерощ» гикнулся в Воронеже, и сейчас я просто по-детски обрадовался столь нужному трофею. Но не объяснять же все это спутнику? Поэтому я предпочел отмазаться заботой о нашей общей безопасности. Помимо «сотки» обнаружили запасной магазин к пистолету и толстый портмоне. Было огромное желание прихватить кошель с собой, не столько из-за денег, сколько из-за документов, но сопящий за спиной Ванин сдержал мародерский порыв, поэтому я, забрав лишь обойму, перешел к шмону второго бандита. У него, оказывается, тоже был пистолет, только не восемьдесят восьмой «вальтер»,⁴² как у предыдущего братка, а самый обычный «Макаров». Да и

⁴² Walther P 88 Compact — пистолет фирмы Карл Вальтер Ваффенфабрик. Калибр 9 мм. Емкость магазина 14

телефончик поскромнее...

Приобщив «макарку» с «трубой» к общим трофеям, я кивнул Ванину:

— А вот теперь — ходу!

Пару минут мы ехали молча, а потом, как это обычно бывает, принялись обсуждать подробности и перипетии прошедшей драки. Дьякон в процессе этого обсуждения похвалил мои физические способности и выразил удивление — как я, весь такой шустрый, сумел уложить двух бандитов, но в то же время умудрился подставиться какой-то малолетней шантрапе. Ответив, что и на старуху бывает проруха, я в свою очередь поинтересовался, почему Ванин вообще решился на силовые разборки? Мне-то что, меня найти невозможно. Но вот ряса — это очень явная примета, и вычислить борзого водителя по ней довольно легко. Но Алексей лишь фыркнул: дескать запарятся они пыль глотать! Номера на «уазе» из-за грязных потеков совершенно не видны, а подобные машины в половине церковных приходов России есть. Да и не будет распальцованная братва выходить в этих поисках за пределы своего района. Не принято это у них. А потом Алексей, с интересом глядя на то, как я кручу в руках трофей, спросил:

— Это что за пистолет? Ни разу таких не видел.

Я ухмыльнулся:

— Правильно, что не видел. Это же «Вальтер П восемьдесят восемь». Вещь в наших краях довольно редкая и дорогая. Знаешь, сколько он стоит? Мама не горюй! Я даже удивлен, что подобный пистолет у тех орлов оказался.

Дьякон, пожевав губами, некоторое время помолчал, а потом поинтересовался:

— И зачем он тебе? Вдруг из него кого-то убили?

Я покачал головой:

— Сам подумай — будет братва «грязные» стволы с собой таскать? Нет, гопники вроде тех, что я в Воронеже положил, они, конечно, за любое дерьмо ухватятся. Но эти, на «бэхе», люди солидные и так подставляться никогда не станут. Да и подобное оружие — это тебе не китайский «ТТ», из которого выстрелил и выкинул. Такое держат не для убийств, а для понтов. Поэтому уверен — ствол «чистый». Кстати, тебе самому ничего не нужно?

Достав «Макаров», я покрутил оба пистолета в руках и, повернувшись к спутнику, предложил:

— Выбирай любой. А то неудобно получается — махались вдвоем, а я себе все ништяки присвоил...

Ванин покосился на отливающие воронением игрушки, отрицательно покачал головой:

— Спасибо, не надо. У меня свой есть...

— Не понял...

— В Чего тут непонятного, — с этими словами Алексей, одной рукой продолжая держать руль, другой начал шарить у себя за спиной и через пару секунд извлек из-под чехла, накинутого на сиденье, потертый, обшарпанный, но от этого не менее грозный «наган».

От этой демонстрации я офигел:

— Ну ты, блин, даешь! А чего сразу, когда из машины выходил, револьвер не взял?

— Зачем? Да и кто знал, что события так разворачиваться начнут? Я ведь думал, там нормальные люди, а не эти с...

Сдержав готовое сорваться с языка ругательство, Алексей только сцепил зубы и, катнув желваками, опять замолк, глядя на дорогу, а я, находясь под впечатлением от увиденного, восхищенно протянул:

— Да уж... ну и священники у нас пошли. Может, у тебя еще и обрез где-то припрятан? Или пулемет. Этот, как его... о — «максим»! А что — если уж такую музейную редкость, как «наган», достал, то и пулемет должен быть ему под стать! И, кстати, где ты этот револьвер вообще выкопал?

Ванин вздохнул:

— Я ведь тебе говорил, что поиском и захоронением наших бойцов занимаюсь. Так что и «наган» я именно выкопал. Хотел сначала эту находку в болото закинуть, но потом передумал. В керосине отмочил, почистил, смазал и оставил себе. Тем более что и патроны «живые» к нему были, а время сейчас такое, что без оружия как-то неуютно.

Пожевав губу, я задумчиво протянул:

— Это точно, — а через несколько секунд поинтересовался: — Только вот меня чего-то смутные сомнения терзают. Какой-то ты не поповский поп. Разговариваешь нормально, без этих древнеславянских штучек. Поведение опять-таки... А тут еще и ствол. Или теперь в семинариях именно так и учат?

Ванин, глянув на меня, улыбнулся:

— Ты разницу между священником и диаконом улавливаешь?

— Э-э... весьма смутно...

— Диякон — это просто помощник священника. Который никакие службы не ведет. Соответственно, специальное образование тоже не требуется. Я вот, например, еще полтора года назад был обычным журналистом и особо о рукоположении в диаконы не помышлял. Но жизнь так сложилась, что пришлось выбрать этот путь...

Я поразился:

— Ничего себе! Это же что такое произошло, что ты вдруг уверовал настолько, что из журналиста в священники двинул?

— Да я всегда верил... И особо экстремального тоже ничего не случилось. Просто у меня отвращение появилось к тому, что вокруг происходит. Серьезные статьи редактор последние несколько лет просто не принимал, а писать о том, как гомосеки после своих маршей за попу прощаются, или освещать благородный облик губернатора, являющегося по совместительству вором в законе — обрыдло. В общем, ушел я оттуда. Со скандалом ушел. Ну а отец Силантий предложил у него в приходе устроиться. С «волчьим билетом» работу найти было невозможно, а там хоть какие-то деньги... Но, честно говоря, даже не в деньгах дело. Главное в том, что я могу с прихожанами говорить и глаза им на нынешнюю власть открывать. Вот это привлекло гораздо больше.

Недоверчиво поглядев на собеседника, я протянул:

— М-да... не думал, что в церковь и таким образом попасть можно... — а потом, меняя тему, спросил: — Слушай, а что говорят насчет этого завода по утилизации? Точнее, с чего его вдруг решили восстанавливать?

Алексей пожал плечами:

— Писали — где-то в Подмоскowie нашли огромный склад химического оружия. Чуть ли не со времен войны. Вот для его уничтожения и строят. Но в Туле мне еще сказали, что, по слухам, ничего такого у нас не находили, а это дерьмо из Европы сюда для уничтожения везти собираются.

— Поня-ятно... если уж помойка, то помойка во всем. Мне только одно неясно — для чего такую большую зону отчуждения делать? Аж в десять километров. Хотя... все эти зарины-зоманы это такая вещь, что при какой-нибудь аварии и десяти километров мало будет.

— Да ну? — Ванин криво усмехнулся. — Ты думаешь, что это для безопасности жителей делается? Плевать всем на безопасность. Кому интересны русские аборигены? Наоборот, чем быстрее сдохнут, тем лучше. Да и заводы по переработке сейчас такие, что сама возможность аварии практически исключена. Просто там наверняка управленческий и технический персонал из иностранцев будет состоять. А для иностранцев обычно строят коттеджный городок с большой патрулируемой зоной. Чтобы, не дай бог, нежные «передовые демократы» не столкнулись с местным быдлом. Вот в Руднево, видно, такой же городок и отстроили...

Угу, ясноенько. Заводы такого типа действительно отличаются повышенной надежностью, но пугливые европейцы один черт резко выступают против их строительства у

себя под боком. А здесь можно на мнение населения наплевать и спокойно заниматься своими делами. Тем более что и ветка железнодорожная как раз там проходит, и предприятие с давних времен стоит... Чуть-чуть его подшамань, завези оборудование и вперед! Денег наверняка на это немного уйдет, да с разными «зелеными» и прочими экологическими паникерами никаких проблем. В итоге — все довольны, все смеются. Вот только не ко времени это всё замутили. Нет чтобы полугодом позже — я бы тогда свой «турник» забрал со всем комфортом, а теперь придется пехом по лесу топать.

Тут Алексей, у которого старые воспоминания, наложившись на недавний всплеск адреналина, вызвали повышенный приток говорливости, начал рассказывать, из-за чего именно он ушел с прежней работы. С подробностями и в лицах. Я же, вполуха слушая революционно настроенного церковника, машинально кивал, а сам прикидывал — как это хорошо, что Ванин не полез осматривать поверженных бандитов. Ну, как тогда в Воронеже. И если там все обошлось, то здесь его диаконскую натуру мог ожидать сильный удар. Ведь когда я обыскивал здоровяка, тот уже не дышал. Да и говорливый браток тоже — того... Нет, когда мы уезжали, он еще был жив и, возможно, даже дальше будет жить, если его вовремя откачают, но с проломленной височной костью шансы очень малы. И сейчас я копался в себе, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. Я ведь никого вот так, своими руками не убивал. Тот застреленный араб не считается. Тогда все было просто — «чпок!» и фигура с автоматом, стоящая в десяти шагах от меня, молча оседает на камни, древней брусчатки. При этом каких-либо отрицательных эмоций я не испытывал. Может быть, потому что даже замотанного в куфию лица того боевика так и не увидел. А сейчас и лица видел, и говорил с ними, а потом взял и убил...

Только вот не подумайте, что меня начали терзать душевные муки. Куда там! Врага надо уничтожать всегда и везде. А то, что оборзевшие бандиты именно враги, сомнений не возникало. Дело было в другом, но в чем именно, я никак не мог понять, поэтому и маялся каким-то непонятным дискомфортом. А потом вдруг неожиданно вспомнилось, как под носком ботинка с противным, слышимым только мне хрустом, подалась кость лежащего человека, и к горлу подкатил комок. Судорожно сглотив, я задышал носом, делая глубокие вдохи и выдыхая через рот. Это меня и спасло от позорной «травли» прямо в машине. А когда буркнув: «Чего-то меня мутит, видно, за обедом что-то несвежее сожрал...» — приоткрыл окно и начал вдыхать ворвавшийся в щель морозный воздух, отпустило окончательно. Ванин, который на открытие окна лишь зябко поежился, несколько секунд прислушивался к себе, а потом опроверг:

— Нормальные тефтели были. Я ведь не отравился, — и после паузы выдвинул предположение: — Может, это у тебя на драку такая реакция? Ну, отходняк? Так бывает...

Угу, сейчас? Да я тут, можно сказать, невинность потерял, ухлопав человека в рукопашной, а он — «на драку»... Но признаваться в первопричине было довольно чревато (кто его знает, как себя журнало-дьякон поведет, узнав, что мы оставили за собой, считай, двух «двухсотых»), поэтому я просто пожал плечами:

— Может быть...

А потом замолк, так как вдруг навалилась какая-то слабость и апатия. Блин, ну все прямо как по учебнику! И в институте про это говорили, и позже, слушая рассказы командиров, прошедших войну, я знал, что подобная реакция организма вполне возможна, но к себе это как-то не относил. Ну еще бы — я ведь крепкий, не брезгливый, да и повышенной впечатлительностью тоже не страдаю. Хотя еще на лекциях говорилось, что даже опытные мужики, впервые выпустив кишки противнику, бывало, блюют дальше, чем видят. И это не что-то из ряда вон выходящее, а просто особенность человеческой психики. Одно дело — убить пулей издалека и совсем другое — вот так — нос к носу, ощущая дыхание врага на своем лице, перехватить ему ножом горло или разmozжить голову. Радует, что подобное случается лишь один, самый первый раз, а потом встроенный предохранитель сгорает и никаких особых отрицательных ощущений уже не испытываешь.

Черт, а ведь по уму, этот долбаный синдром должны были еще в институте загасить. По

слухам, когда-то, при психологической подготовке, курсантов военной разведки дрессировали дай боже! Брали чучело, обряжали его в форму, внутрь запихивали кишки и прочую требуху убитой тут же бродячей собаки (причем убивать ее должны были курсанты) и пацанам ставилась задача — в кровавом месиве найти маленькую бумажку, спрятанную преподом. Некоторые не могли убить собаку, некоторые рыгали, копаясь в теплых, вонючих внутренностях. Но испытание проходили все и до тех пор, пока отрицательные эмоции не исчезали.

У нас же этого не было. То есть я не застал, потому что как раз после моего поступления защитники животных подняли вой и подали в суд на преподавательский состав института. Дело получило громкую огласку, и даже до сих пор в телевизоре нет-нет да и мелькнет фраза насчет «вивисекторов в погонах» и «военных садистов». В общем, собачки прекратились и осталась голая теория. А хорошие парни из-за этого пробела в образовании периодически гибли... Да, вот и пойми всех этих «защитников природы». Значит: живность им жалко, а на людей — плевать. Мудаки, что еще сказать?

Раздраженно сплюнув, я закрыл окно и, привалившись плечом к двери машины, сначала просто тихо глядел на дорогу, а потом забил в трофейный навигатор координаты нужной мне точки, переписав их из блокнота (который был в кармане джинсов и который не уперли вместе с моим GPS резвые воронежские босяки). После чего, поерзав, незаметно для себя уснул.

Проснулся уже в сумерках из-за того, что «УАЗ» остановился. Покрутив затекшей шеей, я поинтересовался:

— Чего встали?

Алексей, разглядывающий разложенную на руле карту автодорог, ответил:

— Похоже — приехали. До Липиц — километров двенадцать. До Руднево — пятнадцать. Значит, скоро должен быть пост. Так что если не хочешь нарваться на проверку документов, тебе лучше отсюда пешком идти.

Посмотрев на его карту, я согласно кивнул и собрался уже вылезать из машины, когда в свете фар проезжавшей мимо фуры, метрах в ста впереди, увидел поворот с основной дороги.

— А это что за проселок?

Ванин поднял голову:

— Где?

— Да вон там, чуть дальше. И что-то я не вижу, чтобы он на карте обозначен был.

— Не знаю... Давай посмотрим.

Тронув машину с места, Алексей, доехав до поворота, перевалил через небольшую канаву, и мы не торопясь покатали по узенькой дороге вперед.

Прикинув направление, я обрадовался:

— О, классно! Пока едем куда надо!

Только радоваться пришлось недолго, так как буквально километра через три эта дорога просто растворилась без следа в редком подлеске. Выйдя из «уазика», я огляделся и констатировал:

— А вот теперь точно — приехали. Ладно, лучше уж здесь стоять, чем на трассе светиться. — И, доставая из салона сумку, продолжил: — Так что располагайся и жди меня тут. Думаю, часов через пять-шесть управлюсь. Если что — звони.

Алексей скривился:

— Слушай, чего тут звонить? И вообще, считаю — от телефонов надо избавиться, а то, я слышал, по ним можно местоположение трубки определить... Да и достал он своим пиликаньем — каждые десять минут кто-то названивает...

Я фыркнул:

— Это дружки бандитские корешей своих потеряли, вот и названивают. Пойми, на твою личную «сотку» я звонить не хочу, чтобы номер не вычислили, а на трофейную — сам бог велел. И связь нам по-любому нужна. А как вернусь, мы оба аппарата выкинем. Так что

не волнуйся.

— Да я и не волнуюсь... — Ванин на секунду замялся, видно желая что-то добавить, но потом просто махнул рукой: — Ладно, давай, с богом! А я пока костерок разведу.

Кивнув на прощание, я сверился с навигатором и легкой трусцой двинул на северо-запад. Правда, когда дошел до леса, скорость пришлось сильно снизить, так как деревья, хоть и стояли без листьев, но один черт лунный свет почти не пропускали, поэтому пришлось воспользоваться фонариком. А эти долбанные светодиодные фонари вроде освещение и дают, но настолько неестественное, что особо с ним не побегаешь. Но потом приноровился и шел довольно ходко, благо тропинок, натоптанных неизвестно кем, хватало. В общем, менее чем через три часа я вышел к знакомому бугру с тригопунктом.

Местность, как и в моем мире, здесь была безлюдной, только по дороге, огибающей холм, иногда проезжали редкие машины, так что ничего мне не помешало спокойно подняться к забетонированной в землю железяке и, достав из сумки прихваченную в «уазике» саперную лопатку, начать ковырять землю.

«Проф» не обманул и, копнув буквально на глубину штыка, я услышал глухое «бум». А еще через пять минут выволок на свет божий здоровый пластиковый чемодан. Откинув «лягушки» замка и подняв крышку, я с удовлетворенным хмыком убедился, что все железки на месте. В разобранном и не загаженном краской виде портал мне наблюдать еще не доводилось, поэтому я, достав одну трубку, с интересом оглядел матовую поверхность, покрытую переплетающимся узором. Ковырнул его ногтем, хмыкнул еще раз, а потом, развернув трубку к себе торцом, захотел глянуть в нее, как в подозрную трубу. Однако ничего не получилось, так как железяка с обеих сторон имела узлы крепления, заканчивающиеся чем-то наподобие многопинового соединения, защищенного предохранительной заглушкой. Взяв вторую трубку и отковырнув заглушку, я убедился в этом окончательно. Ну да — вот тут «папа», а в другой — «мама». Во всяком случае, вот эти странные загогулистые впуклости и выпуклости с некоторой долей воображения можно отнести к разряду наших разъемов. Хм... а можно и не отнести, так как они на самом деле могли являться чем угодно. Какое-то время покрутив трубку в руках, я плюнул на гадание и поставил заглушки на место. А потом просто переложил железо в баул, проложив его между собой скотчем, чтобы не гремело. После чего уложил пустой кофр обратно в яму и принялся его закапывать. Людей тут, конечно, не бывает, но лучше замаскировать это место, как было, чем возбуждать возможное любопытство у случайного прохожего.

Минут через пять, закончив земляные работы и критически оглядев дело своих рук, я вздохнул и, напялив на себя сумку (тяжелая, зараза), собрался отваливать. Но в этот самый момент на проходящей под холмом дороге стали происходить странные события. Точнее, сквозь доносящийся снизу и приглушенный расстоянием звук мотора громко и отчетливо прозвучала короткая пулеметная очередь. От неожиданности я аж присел, закрутив головой в поисках опасности. А когда через секунду дошло, где именно стреляют, метнулся к кустам, сквозь которые можно было наблюдать за шоссе.

До него было метров сто, поэтому впотьмах было непонятно, что именно там творится, виднелись лишь фары прыгающей на колдобинах машины. Но потом сзади появился еще один автомобиль, и в тот же момент с крыши головной сначала замелькали вспышки, а потом донеслось басовитое и размеренное «дум-дум-дум-дум». Эти вспышки позволили разглядеть характерно скошенный зад и идентифицировать первую машину как «Хаммер». Точнее, не «Хаммер», а «Хамви»,⁴³ с пулеметом на заднем креплении. Теперь стала понятна и басовитость оружия. Ну еще бы — судя по звуку, там крупнокалиберный «браунинг» стоит. Только вот куда они долбят? И к чему вообще эта стрельба?

Но следующая очередь из «крупняка» расставила все точки над «i» и показала, кто

⁴³ Хамви — HMMWV (сокращение от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle) — «высокомобильное многоцелевое колёсное транспортное средство». В гражданском варианте все знают эту машину как «Хаммер».

является целью. То есть я отчетливо увидел, как практически одновременно с выстрелами пулемета на машине, идущей сзади, будто электросварка засверкала и попавший под огонь автомобиль, резко свернув с дороги, вылетел в кювет. Во блин! Все веселее и веселее! А самое главное, непонятно, что же происходит? Джип с тяжелым пулеметом — явно штатовская армейская машина. Но если на ней американцы, то от кого они бегут? Да еще так жестко обрубая хвосты...

Агрессивный «Хамви» уже скрылся за поворотом, и я, недоуменно пожав плечами, решил, не заморачиваясь причинами местных разборок, побыстрее уходить с холма, как на трассе появился новый персонаж. На этот раз силуэт, подсвеченный фарами идущего сзади грузовика, я узнал практически сразу. Ну еще бы — в свое время подполковник Федосеев, готовясь к проверке, все мозги нам вынул относительно техники и вооружения армий НАТО. Зато теперь эти знания пригодились и даже впотьмах позволили четко опознать несуразно высокий и угловатый «Макси».⁴⁴

БТР с грузовиком, подвывая моторами, быстро проехали видимый участок дороги и тоже скрылись за поворотом. Внизу больше ничего интересного не происходило, поэтому я, поправив норовившую скрутиться и врезаться в плечо ляжку сумки, сплюнул и потопал знакомым путем к ожидающему меня Ванину. Какое сафари тут происходило, конечно, непонятно, но что-то мне подсказывало — бежать отсюда надо как можно скорее. Если слова Алексея относительно американского городка верны, то скоро здесь начнется большая буча, ибо пиндосы крайне нервно относятся к стрельбе под боком. Точнее говоря, от подобного нервничают все, но америкосы при этом себя ведут вовсе уж неадекватно. И чем быстрее я окажусь как можно дальше от этого беспокойного места, тем лучше. Что, вообще-то, и начал делать, быстро спустившись с холма и потрусив через поле в лес.

Довольно бодро проскочив километров восемь, решил сделать остановку. Не из-за усталости, а потому что сморщенные от тяжести груза ремни сумки конкретно натерли плечи. Вот и остановился, чтобы их расправить и заодно подложить перчатки — все мягче. И как раз когда уже готовился опять напяливать груз на себя, метрах в двадцати слева громко хрустнул сучок. Даже не задумываясь над тем, что это может быть, я быстро присел и прикрыл лежащий за сумкой фонарь рукой, а то это китайское чудо пока выключишь, перебирая все варианты его свечения, надо раз пять на кнопку нажать. Поэтому просто укрыв рефлектор в ладони, я наострил уши, пытаюсь понять, что же там шумнуло.

Несколько секунд никак не получалось вычленить посторонние для леса звуки, а потом опять послышались тихий треск и еле различимый звук передвижения. Складывался этот звук из шуршания заиндевевшей травы, потрескивания веток и какого-то запаленного сопения. Хм, может, это животные какие-нибудь? Ну, к примеру, кабаны? Я, конечно, не охотник и их повадок не знаю, но одно знаю точно — людям в ночном лесу, да еще и так далеко от жилья, делать вроде нечего. А шуршание тем временем приближалось, и буквально с другой стороны куста одна за другой прошли три темных, испятнанных тенями от веток силуэта. Два больших и один поменьше. Причем, зараза, вовсе даже не дикосвинячьих, а вполне человеческих силуэта!

Твою мать! Здесь что — бульвар для прогулок? А может, площадь свиданий? В других местах, даже если это города, люди на улицах, конечно, встречались, но довольно редко. А тут им как будто медом намазано! То на дороге какие-то хмыри стрельбу с догонялками устраивают, то по лесу неведомо кто шарахается. Блин! А может, стрельба на дороге и эти гуляки как-то между собой взаимосвязаны? Вдруг это менты или вообще — американский патруль, который в связи с перестрелкой покинул свое насиженное место в теплой машине и теперь бегает по лесу? От этой мысли меня прошиб холодный пот, и я пригнулся пониже. Но сразу сам себя успокоил — не будут амеры вот так бродить. Без касок, снаряги и оружия. А прошедшие выглядели вполне по-граждански. На них даже ружей видно не было. Во всяком

⁴⁴ Макси — International MaxxPro — бронетранспортер с колесной формулой 4x4.

случае, над плечами стволы не торчат. Хм, вот тоже странность... Если это не охотники, то чего они тут делают? И ведь идут явно от чего-то таясь. Не разговаривая, стараясь не шуметь, и даже фонари у них не полноценные, а такие же, как и у меня — светодиодные пиндюрки.

Все бы ничего, но эта троица двигается как раз в том направлении, куда и мне надо топтать. Хотя шоссе именно там, и, может, они просто к нему выйти хотят? Но по-любому с этими ходоками сталкиваться не с руки, поэтому пускай себе идут, а я пока тут посижу. Сказано — сделано.

Снова опустившись на корточки и глянув на часы, я какое-то время прислушивался к удаляющимся шагам, потом, достав навигатор, прикинул, сколько мне еще осталось идти, и, выждав минут десять, потопал дальше. За это время попутчики оторвались метров на пятьсот, так что незапланированных встреч быть не должно. Но все равно шел с опаской, постоянно прислушиваясь к окружающей обстановке, а то мало ли что. Меня ведь помимо этой встречи очень сильно смущала неразъясненная погоня на дороге. Я никак не мог понять, что же там произошло, и поэтому вполне резонно ожидал самого худшего. А что у нас может быть из этого худшего? Хм, много чего, но наиболее вероятно — резкое расширение зоны патрулирования. Ну там, работа по плану «Перехват» и связанные с этим планом остановки транспортных средств с поголовной проверкой документов. А для меня это — пипец. — Правда, утешало одно — тот «Хамви» умотал в прямо противоположную сторону, и логично предположить, что ловить автомобильных стрелков будут на северо-востоке, а не на юго-западе. Так что сильно мандражировать тоже нет смысла. Тем более что осталось идти всего ничего. Минут через двадцать выйду к Ванину, и мы отсюда побыстрому смотаемся. А обещанный им чай я и на ходу попить смогу!

ГЛАВА 9

Под приятные мысли о чае и вовсе неприятные, касающиеся обдумывания увиденной стрельбы, я выскочил на небольшой бугорок, за которым начиналось редколесье, где меня и ждал наш «УАЗ». Какое-то время постоял наверху, высматривая костер, но не увидев его, сделал вывод, что Алексей, небось, давно уже задрях. Время-то — почти шесть утра... Ну ничего, зато выпавшийся водитель не будет клевать носом за рулем.

От осознания того, что осталось пройти считанные метры и можно будет все это железо, оттянувшее руки и набившее бока, забросить в салон, я довольно ухмыльнулся, поправил осточертевший баул и, как та лошадь, почуявшая жилье, прибавил шаг. Но особо разогнаться не успел, так как вдруг услышал звук заводимого мотора (причем вовсе не там, где ожидал, а гораздо дальше) и через несколько секунд увидел свет подфарников лавирующей между деревьев машины.

Не понял... чего это Ванин решил покатушки устроить? Нет, прогреть «уазик» дело, конечно, святое, но ездить-то зачем? Да еще и практически вслепую? Удивленно почесав затылок, я изменил направление движения и, достав трофейный телефон, сделал звонок Алексею. Несколько гудков он не брал трубку, видно, определяя по АОНу, что названивает не очередной кореш здорового бандита, а потом сонный голос сказал:

— Слушаю...

Странно, он что — спит и рулит? Или это от долгого молчания голос так охрип? Но не вдаваясь в долгие размышления, просто спросил:

— Ты куда это поехал, да еще и на одних подфарниках? Экстриму захотелось?

— Я?!

— Ну не я же?

— Э-э... тут и вправду кто-то едет... подожди...

И после этих слов метрах в сорока от меня вспыхнули фары «уазика», которые высветили пробирающийся к дороге небольшой джип.

А после этого события приняли очень странный оборот. Джип, попав в луч света,

почему-то вильнув в сторону, включил свою иллюминацию и резко прибавил газу и понесся по редколесью, как на гонках «Формулы-1». Правда, уехал он недалеко. Обходя по большой дуге нашу «Таблетку», водитель едущей машины не справился с управлением и со всего разгона протаранил лежащее дерево. Да так и остался стоять, печально освещая препятствие одной целой фарой.

Я от подобной картинки несколько охренел, быстро взяв себя в руки, побежал к Ванину.

Тот уже вылез из «УАЗа» и, увидев меня, задал глупый вопрос:

— А это кто? И чего это он так?

Забрасывая громыхнувшую сумку в салон, я огрызнулся:

— Откуда мне знать? Ты ведь здесь оставался!

— Да пока я тут стоял, мимо никто не проезжал! Не через лес же он сюда приперся?

— Тебе не поровну, кто это и откуда? Давай сваливать быстрее!

Пихнув Алексея к водительской двери, я уже сделал шаг к своей, но тут в дьяконе в очередной раз разыгрались человеколюбие и христианская, блин, любовь.

Качнув головой, он не сдвинулся с места, сказав:

— Нет, так нельзя. Он там, может быть, раненый, а мы уедем... Да и я это виноват — ослепил водителя, вот он и врезался.

Я вскипел:

— Ты с головой-то дружи! При чем тут «ослепил»?! Этот идиот сам газанул как сумасшедший, поэтому и вляпался.

— Все равно...

С этими словами Ванин вытащил из машины большой фонарь и потрусил к месту аварии не подающего признаков жизни джипа. Ну и что тут прикажете делать? Раздраженно сплюнув, я достал пистолет (мне рукомашеские и дрыгоножные разборки больше и на фиг не нужны, а оружие горячие головы быстро остужает) и поплелся следом за Алексеем. Но потом, услышав его приглушенный вскрик: «Сергей!» — рванул во всю прыть. Только вот зря так безоглядно рванул... Потому что когда я бегом обогнул кучу валежника и выскочил к битой машине, понял — дело швах. Просто в свете полной луны увидел согнутого, прижавшего руки к животу Алексея, которого держал на мушке мужик с автоматом. В двух метрах от них еще один человек склонился над лежащим — очевидно раненым. А автоматчик, заметив меня, приподнял оружие и хриплым голосом приказал:

— Брось пистолет!

Пипец, приехали... Живыми останемся — убью попа!!! Это же надо так подставиться! Но долго обдумывать планы наказания добросердечного дьякона мне не дали, так как мужик, качнув стволом, грозно повторил:

— Оружие на землю, чего непонятно?

Да, против такого аргумента не попрешь... Но попробовать сыграть стоит. Удивленно испуганно открыв рот, я воскликнул:

— Не убивайте меня! Это газовый пистолет!

Только противник на это никак не среагировал, повторив:

— Быстро бросай!

Судорожным движением отбросив «вальтер» в сторону, я повторил:

— Не убивайте!

После чего, словно лишь сейчас заметив плачевное состояние Алексея, стараясь не смотреть ярко горящих джиповских габаритных огней, сделал несколько шагов, приближаясь к застывшему в скрюченном состоянии попутчику, спрашивая:

— Леша, что они с тобой сделали?

Согнутый дьякон несколько секунд собирался с силами, а потом срывающимся голосом наябедничал:

— Я к нему — мол, помощь нужна? А эта падла меня автоматом под ложечку... У-у... демон!

«Демон» тем временем, не отводя от нас автоматного ствола, чуть повернулся к своим друзьям за спиной и в свою очередь спросил:

— Анастасия, как там Витек?

На что женский голос ответил:

— Плохо. Совсем плохо...

Автоматчик издал какой-то горловой звук и, шагнув к нам ближе, глухо спросил:

— Кто вы такие и что здесь делали?

Вот ведь скотобаза! И что теперь отвечать? Говорить, дескать, грибники или ягодосборщики? Так ведь не сезон. За охотников себя выдавать тоже не катит — с газовыми пистолетами на охоту не ходят. Сказать, что машина сломалась? Ага — заехали хрен знает куда от трассы и сломались. А потом впотьмах сидели и чинились. Хотя с машиной — это вариант. Починиться не смогли, позвонили знакомым и вот теперь сидим, ждем помощи. Но отмазка очень слабая. Я уже не говорю, что это легко проверить, просто заведя наш «УАЗ».

Да и вообще неизвестно, чем этот допрос закончится, так как джипная компашка очень мутная. Я ведь этого мужика узнал. По бушлату с капюшоном узнал. Именно эта троица мимо меня прошла полчаса назад. А автомата на нем я не увидел, потому что он, скорее всего, стволом вниз висел и почти весь прикрывался рукой. Так что эта вооруженная братия тут какие-то свои делишки проворачивала, и мы сейчас для них — нежелательные свидетели. И если даже им на свидетелей плевать, то машину у нас всяко-разно заберут. Их-то бибика — в хлам. Я даже отсюда вижу, что у нее радиатор потек. Поэтому заберут как пить дать. А мне без машины оставаться вовсе не с руки. Представив себе долгое пешее путешествие со своим неудобным и неподъемным баулом, я скрипнул зубами и решил рискнуть. Неизвестно еще, как дальше карта ляжет, но сейчас от нас подвоха никто не ждет. Во всяком случае, судя по начальному анализу ситуации. Один лежит труп трупом. Возле него — баба, которая занята раненым. Тот, который направил на нас оружие, судя по тому, как его покачивает, тоже неслабо приложился в момент удара. Значит, соображалка у него сейчас медленно работает, да и рефлексy притуплены, чем и надо воспользоваться. Расслабить ответом, отвлечь внимание, а там уж как повезет...

Поэтому, делая шаг навстречу мужику, я громко и прибавив в голос плаксиво-истеричных ноток ответил:

— Вы что, с ума сошли, в людей ружьем тыкать? Вдруг оно выстрелит? А мы — уфологи! Инопланетян ищем. Вон там наш лагерь стоит!

И ткнул пальцем в темноту. Автоматчик несколько опешил от подобного ответа и машинально глянул, куда ему показали. А я, пользуясь моментом, сделал длинный шаг и, ухватив оружие за ствол, правой рукой отвел его в сторону, а с левой зарядил агрессору прямо в лоб. Лупил открытой ладонью, поэтому костяшки остались целыми, зато противника нокаутировал с гарантией. Только он, хоть еще и не отошел от аварии, проявил завидную прыть, успев, пока я его еще не ударил, нажать на спусковой крючок. Но трехпатронная очередь безопасно ушла в сторону (единственно что ствол так выбрал в руке, что я его чуть не выпустил), а «Демон» осел бесформенной кучей, оставив мне в подарок «Калашников». Перехватив автомат, я довольно оскалился и торжественно объявил, обращаясь к девке и неподвижному телу по имени Витек:

— Все, бобики! Власть переменилась!

От такого поворота событий даже Ванин разогнулся и, страдальчески морщась, удивленно произнес:

— Ну ты даешь!

А вот деваху повела себя неправильно. Бросив быстрый взгляд в мою сторону, она сунула руку куда-то под куртку, но нарвалась на предупреждение:

— Не дергайся. — И когда барышня застыла, добавил: — Теперь очень медленно достань, что ты там ухватила, и покажи. Не заставляй меня нервничать, а то рядом с остальными ляжешь...

Девчонка скривилась, как от зубной боли, но я добавил:

— Давай-давай, не тяни. Или ты хочешь, чтобы я тебя вдумчиво и тщательно обыскивать начал? Всю!

Тотальному обыску она явно не желала подвергаться, поэтому вытянула какой-то небольшой пистолетик и, повинуясь моему жесту, откинула оружие в сторону. Ну, вот и хорошо. Теперь остается проверить Витька на предмет стреляющего железа и можно отступать к «уазику», не опасаясь выстрела в спину. Только для начала я послал Ванина за своим пистолетом, лежащим на куче опавших листьев. А когда он его принес, вручил Алексею «калаш» со словами:

— Пользоваться умеешь? — и когда тот кивнул, продолжил: — Тогда контролируй обстановку, а я — этих гавриков обыщу, чтобы эти идиоты со злости в нас из чего-нибудь не бабахнули, когда мы уезжать будем.

Дьякон, сноровисто ухватив автомат, кивнул еще раз, а я направился к вырубленному «Демону». Тот лежал и не думая очухиваться, поэтому, быстренько хлопав бессознательное тело, я разжился «грачом» и двумя запасными магазинами к нему. Блин, если так дальше пойдет, скоро оружием бароном стану и смогу торговать трофейными стволами оптом! И все-таки очень интересно — что это за компания такая? На бандитов вроде не похожи, но этом вооружены до зубов. Ни фига не понятно.

Передав пистолет Ванину, я направился к девчонке, которая так и продолжала стоять на коленях возле раненого. При моем приближении она только молча поежилась, но, когда я протянул руку к лежащему, тихо сказала:

— Его нельзя трогать... Он головой сильно ударился, а еще у Виктора ребра сломаны и, кажется, легкие повреждены.

Глянув на залитое кровью лицо лежащего с закрытыми глазами парня, я, почесав нос стволом «вальтера», проинформировал:

— Если дышит коротко и часто, то точно ребра сломаны. Пристегиваться надо, когда ночные гонки устраиваешь. Но кровь горлом не идет и пены кровавой на губах не видно, так что, возможно, легкие не задеты...

Барышня, услышав мои слова, только прерывисто вздохнула, а потом, подняв глаза, спросила:

— Вы нам поможете?

Я настолько опешил от подобной наглости, что даже подходящих слов найти сразу не смог. А девчонка, приняв мое молчание за размышления, торопливо добавила:

— Наша машина разбита, а его в больницу срочно надо отвезти... — После чего, переведя взгляд на лежащего «Демона», добавила: — Толика, похоже, тоже...

И тут меня прорвало:

— Ты, красавица, часом, не долбанулась? То, что вы деревья тараните, это ваши личные проблемы. И мы, кстати, к вам на помощь шли, когда в нас оружием тыкать начали, да еще и пи... э-э... бить при этом! А теперь у вас еще нахальства хватает такие разговоры вести!

За спиной, видно желая что-то сказать, деликатно кашлянул Алексей, и я перенес свое возмущение на него:

— Нечего тут «кхекать»! Ты уже один раз заполучил! Мало? Да если бы я этому Толику в лобешник не закатал, то мы бы в лучшем случае сейчас к дереву привязанные остались. А машина, кстати твоя машина, — тью-тью! Кашляет он тут! Дома кашлять будешь! Человеколюб, мля!!!

Ванин, выслушав мой эмоциональный монолог, спокойно спросил:

— Хорошо, как скажешь. И что ты предлагаешь?

Подбирая с земли девчонкин пистолетик, я раздраженно рявкнул:

— То, что и собирался делать сразу — сесть в твой тарантас и уехать! А эти пида... — Глянув на девушку, я замялся: — Кхм, бешеные, которые на людей кидаются и оружием размахивают, пусть сами разбираются, что им дальше делать и как жить!

Алексей внимательно посмотрел на меня:

— Ты готов уехать?

Ф-ф-у... Под его взглядом я на секунду замялся, и барышня воспользовалась моим молчанием:

— Мы не знали, кто вы, поэтому так себя и повели.

Я фыркнул:

— Ага, можно подумать, сейчас ты знаешь, кто мы?

— Главное, что вы не из... — она замялась и быстро добавила: — Не бандиты.

Странная заминка. Она ведь что-то другое хотела сказать, но поймала себя за язык и быстренько заменила то, чего опасалась на самом деле, на каких-то там уркаганов. Она бы еще про благородных разбойников вспомнила... Нет уж, если и помогать, то хотя бы надо знать, кого мы с собой везем. Поэтому, опустив пистолет, я сказал:

— Слушай сюда, Настя, тебя ведь Настя зовут? Вот и хорошо. Значит, так — ты мне сейчас быстренько говоришь, кто вы такие, а мы решаем, брать вас с собой или нет. Можешь не отвечать — дело хозяйское. Но тогда мы просто уезжаем, а вы трахайтесь тут сами. Я доступно излагаю?

После моих слов барышня задумалась, а я объяснил свою позицию:

— Только говори, пожалуйста, правду. И учти, что я вас в лесу видел. А еще раньше наблюдал непонятную стрельбу на дороге, когда армейский джип, бодро шмаляя из пулемета, завалил в кювет машину преследователей и смылся. Так вот — внутренний голос мне подсказывает какую-то взаимосвязь между вами, запретной зоной в Руднево, стрельбой на шоссе и тем, что вы нас приняли за хм... бандитов. Или НЕ за бандитов, а за кого-то другого? Которые ИЗ? Из откуда, не пояснишь?

Настя, по мере того как я говорил, все сильнее закусывала губу, а при упоминании о «Хамви» вообще как-то вскинулась, но потом опять поникла. Особенно когда я упомянул ее оговорку. Но молчала, как партизанка. Губы кусала и молчала. Через полминуты, так и не получив ответа, я сплюнул и повернулся к Ванину:

— Ну что? Сам видишь — не хотят они с нами разговаривать. А на нет и суда нет. Или ты опять возражать станешь?

Алексей, пожав плечами, смущенно потупился, и я констатировал:

— Вот и славно. Тогда топай, прогревай машину, а я тут постою, чтобы они какую-нибудь гадость напоследок не учудили.

Добросердечный дьякон, вздохнув, поплелся к «уазику», а я, еще раз глянув на так и не пришедшего в себя Толика, подошел и их «тойоте». Оно ведь действительно — у этой компашки на руках «АК-74» был, и нет никакой гарантии, что в салоне пулемет не обнаружится. Деваху связывать я не собираюсь (это было бы чересчур), но вот обезопасить себя от дурных выходов с ее стороны не помешает. Вдруг захочет со злости бабахнуть из чего-нибудь огнестрельного по отъезжающей машине?

Но багажник, не считая двух канистр и пластиковой коробки самого ЗИПовско-ремонтного вида, был пуст. На всякий случай заглянув в коробку, обнаружил там лишь набор ключей и перешел к осмотру салона. М-да... А машинка-то — совсем-совсем бэу. Даже подушки безопасности не сработали (если они там вообще были). И судя по вынесенному лобовому стеклу, двое сидящих на переднем сиденье забодали его собственными головами. А водитель при этом еще и грудью об руль приложился. Угу... а барышня, значит, сидела сзади, вот и осталась сравнительно невредимой.

Свет в салоне «тойоты» горел, поэтому осматриваться было довольно комфортно. Так что быстренько глянув, что творится спереди, я перешел назад и убедился, что там тоже было пусто. Только вот на полу, между передними и задним сиденьями, валялись какая-то сумка и куртка. Вытащив сумку (интересно, чего это вдруг барышня так напряглась), глянул внутрь и, увидев ноутбук, извлек его наружу. Покрутив комп в руках и подивившись на странный логотип на передней панели, сложил все, как было. А потом просто для очистки совести поднял куртку.

Поднял и застыл. Мать моя женщина! «Аглень»!⁴⁵ Не очень веря глазам, протянул руку и убедился, что зрение меня не подвело. Наполовину закатившийся под переднее сиденье, передо мной действительно был РПГ-26!

Ухватив «граник» за брезентовый ремень, я извлек находку наружу и, хмыкнув, посмотрел на Настю. Но она и бровью не повела, как будто нахождение гранатомета в машине было предусмотрено еще автозаводом-производителем и являлось само собой разумеющимся.

Блин! Да кто же вы такие, ребята? По поведению вроде не отморозки (вон, даже контуженый Толик, держащий нас под прицелом, не с наездов начал, а с вопросов), а такую кучу оружия с собой таскаете... Я, конечно, понимаю, что в этой стране свободы — хоть попой ешь, но какие-то ограничения должны быть? Вряд ли здешние полицейские одобрительно относятся к перевозкам в личном транспорте автоматического и тяжелого вооружения. Значит, вы рисковали, держа все это при себе. Но ради чего? И почему Настя так насторожилась, когда я ноут достал? Кстати, этот комп меня чем-то зацепил, но чем именно сразу не дошло, а потом все эмоции на гранатомет переключились. Так что же это было?

Я попытался поймать ускользающую мысль, но отвлек Ванин, который, подогнав машину поближе, хлопнул дверцей, а потом, подойдя ко мне, удивленно уставился на тубус:

— Не понял... Это что — «Муха»?⁴⁶

— Почти. Это — «Аглень». Те же яйца, но поновее, помощнее и получше.

Спутник только крикнул и, неодобрительно поглядев на наших противников, протянул:

— Д-а-а... А мы уродам этим еще и помочь хотели... Тьфу! Они небось из тех, что «дальнобойщиков» грабят. Ага, а девка — приманка. За «плечевую» себя выдает и машины тормозит, тварь! Поехали, Сергей, нечего тут делать!

Он повернулся к машине, но я продолжал стоять, где стоял. Что-то здесь все равно не то. Ладно, допустим, эти гаврики дальнобойщиков грабят. Но почему они не на трассе трутся, а в лесу? Да и деваха одета вовсе не как подманивающая клиентов прошмандовка — джинсы, заправленные в ботинки, бесформенная куртка, шапка-«бандитка»... Такую скорее за паренька примешь, чем за девушку.

Хм, картинка никак не складывалась, поэтому попробовал разложить ее на составные элементы. Что я о них знаю? Точнее, что видел и могу к этой компании привязать? А видел я «Хамви» с пулеметом, их ночной марш-бросок по лесу и последовавшую за этим сумасшедшую езду по редколесью. Про «Хамви» и лесную беготню пока ничего непонятно. Но вот гонка меж деревьев... Они ведь явно испугались, когда свет фар «уазика» увидели, поэтому и рванули, наплевав на осторожность. Чего, спрашивается, испугались? Кого они тут опасались увидеть? Не нас — это точно. А как эта Анастасия оговорилась, испугались тех, которые — ИЗ. Из конкурирующей банды? Нет, не катит. Зоны ответственности таких шаек обычно не пересекаются. Из полиции? Вполне может быть. Но на что рассчитывал Толик с автоматом, когда нас увидел? По логике, он должен был начинать стрельбу сразу, как только засек приближающегося Алексея. Или поповский, а не ментовской наряд Ванина его из колеи выбил? Ага, как же — выбил! Компенсатором под дыхало засадить вовсе не помешал... Да и вообще — бандит, оставшийся на ногах после аварии, просто сбежал бы сразу, плюнув на своего бессознательного поделника. Уж я их натуру знаю достаточно хорошо. А этот — возле раненого остался. И девчонка тоже осталась.

Вон, до сих пор сидит... И ведь спокойна, как сфинкс. Склонилась над лежащим и на меня даже не смотрит. А когда дьякон ругался, тоже ни слова в оправдание не сказала. Да она вообще только один раз сильно напряглась, когда я ноутбук нашел.

⁴⁵ РПГ-26 «Аглень» — Гранатомет одноразового применения.

⁴⁶ РПГ-18 «Муха» — Гранатомет одноразового применения.

Кстати, про ноутбук — интересно, почему она так задержалась, когда я его обнаружил? И чем же он меня заинтересовал? СТОП! ЛОГОТИП! Я чуть не подпрыгнул. Вот что меня в том комле зацепило — нанесенная на переднюю панель большая кривобокая буква «Х» и маленькая «е», вписанная в ее наклонную толстую палочку. Я вспомнил, что это! Это логотип частной американской охранной фирмы. По сути — небольшой армии, которую правительство США использует в помощь своим вооруженным силам или в тех случаях, где регулярную армию марать не очень хочется. Проще говоря — наемники под очень мощной «крышей». Раньше их контора называлась Blackwater,⁴⁷ а потом, после множества скандалов, в основном связанных с творимым ими в Ираке беспределом, она переименовалась в «Хе». Правда, все это с данной конторой происходило у нас. Но и тут, видно, она так себя дискредитировала, что тоже сменила название.

Но эта троица на пиндосов совсем не похожа, а иностранцев в «Зи» не берут. Тогда откуда у них такой интересный компик взялся? Хм, а если... А если эти ребята вовсе не связаны с криминалом? Может, они... Мысль пришла внезапно и, бросив Ванину:

— погоди, у меня тут еще одно дело есть... — Я пошел к «тойоте».

Алексей, стоявший сзади, удивился:

— Какое дело?

— Маленькое. Они ведь тебя ни за что избили, так что с них компенсацию получить надо. А я там ноут видел. Как раз сойдет.

— Ты что, не надо!

— Надо, надо. Не мешай. Потом объясню.

Девчонка, услышав мои слова, подняв голову, оторвавшись от раненого и криво улыбнувшись, поинтересовалась:

— Грабить будете?

— Нет, компенсировать причиненный ущерб.

И тут вдруг барышня выдала:

— Оставь компьютер. Зачем он вам? А я вместо него денег дам.

— Не, не пойдет, — отрицательно покачав головой, я двусмысленно улыбнулся: — Ты, кстати, не боишься, что я и ноут, и деньги заберу?

Девушка пожала плечами:

— Боюсь, но ноутбук мне самой нужен. ОЧЕНЬ нужен.

— А мне комп нужнее.

Настя обреченно выдохнула, а потом, видно, на что-то решившись, ощерилась:

— Зря ты так, парень...

После чего эдак неторопливо вытащила из-под лежащего Витьки руки и продемонстрировала мне зажатое в ладони темное яйцо «М-67».⁴⁸ А в другой руке — кольцо. Убедившись, что я все хорошо разглядел, добавила:

— Ничего вам тут не обломится. Лучше садитесь в свой тарантас и уе...те! Целее будете!

Опаньки, как интересно! Мне бы испугаться, но испуга не было. Наверное, потому что хоть деваха и не шутила, но она мало походила на шахидку, готовую разжать руку при любом неверном движении. Да и гранатой угрожала лишь для того, чтобы защитить этот комп. Так что мне ничего не мешало в любой момент просто повернуться и уйти. Но я медлил. Медлил, потому что эта выходка окончательно доказала, что ребята к бандитам и вообще к криминалу не имеют никакого отношения. Теперь по всем параметрам они полностью попадали под определение разведывательной или диверсионной группы. В эту

⁴⁷ Blackwater — «Черная вода» — с февраля 2009 года переименована в «Хе» (читается как «Зи») — частная американская охранная фирма, численностью, по некоторым оценкам, до 21 тысячи человек.

⁴⁸ Американская ручная осколочная граната. Радиус поражения 15 м.

гипотезу очень хорошо ложился и «Хамви», который, судя по всему, выполнял отвлекающий маневр, утаскивая за собой погоню, и демонстративная готовность Насти пожертвовать жизнью, но не отдать ноут с логотипом «Хе». Чем-то он для нее очень важен. Интересно, чем?

Правда, несколько удивляло, почему Толик не положил появившегося Ванина сразу, а начал вести с ним разговор, но и этому нашлось объяснение. Скорее всего, увидев свет наших фар, эта группа подумала, что попала в засаду, и запаниковала. А в последний момент, пролетая мимо «УАЗа», они поняли, что по ним никто не стреляет и остановить не пытается. Да и вообще — наличие одинокой обшарпанной колымаги не может представлять угрозы. Но было уже поздно — «тойота» нашла свое дерево. Ну а потом, убивать человека, одетого в одежды священника и просто оказавшегося не в то время и не в том месте, они не стали и начали выяснять, что он тут делает. Кстати, сам факт начала разговора указывает на то, что группа не пришедшая, а скорее всего местная, и здешнее население считает не враждебным, а условно-дружественным. Угу, в противном случае мы с Алексеем уже бы остывали под кустом...

Все эти мысли пролетели в голове буквально за несколько секунд, и я подвел черту своим гипотезам как раз в тот момент, когда Ванин, до этого ошарашенно разглядывающий гранату в руке девушки, воскликнул:

— Да она чокнутая! И ты тоже идиот! Какая в задницу — «компенсация»? Зачем ты вообще к ним опять полез? Ограбить решил? Стать таким же бандитом, как и они? И чем ты от них...

Подхватив под локоть разошедшегося спутника, я потащил его к нашей машине, бросив на ходу:

— Никакие это не бандиты. И теперь я в этом точно уверен.

Дьякон, прерванный на полуслове, несколько секунд молчал, а потом, высвобождая руку, ехидно спросил:

— А кто это, по-твоему? Защитники экологии?

— Нет. Это РДГ неизвестной мне принадлежности. Но я и выяснять ее принадлежность не хочу. Просто в начале их поведение было совсем непонятно, поэтому и заинтересовало. А теперь, когда понял, мы можем спокойно уезжать.

Алексей, уже подошедший к машине, был озадачен моими словами, поэтому, задумчиво морща лоб, решил уточнить:

— РДГ — это что?

— Разведывательно-диверсионная группа.

— Да ну?! И чего они тут разведывали?

— Епрст! Ты как будто не рядом стоял, когда я девке рассказывал, что о них знаю. Не тут эти орлы шустрили, а в Руднево. Что делали, сказать, конечно, не могу, но могу предположить — ноут они захватили именно там.

— Э-э... я слышал, что ты про какую-то стрельбу на дороге упоминал, но ничего не понял. Можешь теперь более доступно все объяснить?

Я вздохнул и вкратце рассказал спутнику все, что видел в пути. Ну и, соответственно, какие выводы из этого сделал. А потом, подтолкнув Ванина к двери, обойдя «уазик», уселся на пассажирское место. Закурил и, глядя на застывшего водителя, спросил:

— Чего стоим? Поехали!

Но дьякон как будто в ступор впал. Сидел, шевелил губами, задумчиво стучал по рулю пальцами, что-то прикидывал, а потом, глянув на меня какими-то шальными глазами, спросил:

— Ты уверен, что эти люди на американскую «зеленую зону» налет сделали?

Удивленный подобным поведением, я пожал плечами:

— Хрен его знает. Это только мои предположения. Да какая тебе разница? Поехали, уже и так время потеряли!

Только вместо того чтобы воткнуть передачу, Алексей, кинув мне: «Подожди, я

сейчас!» — выскочил из машины и понесся в сторону битой «тойоты». Твою мать! Чего он задумал? Но сидя на месте этого не узнаешь, поэтому, хлопнув дверью, я рванул за ним. А Ванин, добежав до девчонки и не обращая внимания на предупредительно поднятую гранату, выпалил:

— Вы — колхозники? Скажи, вы — колхозники? Смирновцы?

Первой мыслью у меня была — пипец, крыша у попа поехала. Не знаю, что подумала Настя, но прошипела она весьма эмоционально:

— Не подходи!

Только сбрендивший служитель культа не унимался:

— Ответь, вы не бандиты? Вы из сопротивления? Правда, из сопротивления?

Затравленно озирающаяся девчонка молчала, а я, ухватив вырывающегося Ванина за шкварник и оттаскивая его назад, пропыхтел:

— Чего ты к ней привязался? Какие на хер — колхозники?

Вместо ответа Алексей, ловко вывернувшись у меня из рук, опять шагнул к Насте и выдал:

— Мне Сергей рассказал все, что видел. Если вы смирновцы, то можете располагать нами. Мы и до больницы довезем и вообще — поможем...

Тут я не выдержал:

— Эй, господин дьякон, возьмите себя в руки! Что значит — поможем? Время-то тикает! А если нас в больничке полиция за хобот возьмет, тогда что? В срок не уложимся — я тебе ничего платить не буду!

Но убойная, по моему мнению, фраза относительно оплаты возымела обратный эффект. Ванин лишь зыркнул на меня, сплюнул и процедил:

— Засунь свои деньги знаешь куда? Не нравится — уматывай своим ходом, а я этим людям все равно помогу. Я столько лет этой встречи ждал!

Ну ни фигя себе поворотик! Тоже мне — Буба Касторский.⁴⁹ Ожидальщик хренов! Нет, то, что мой спутник настроен крайне радикально, я еще из предыдущих разговоров понял. Но чтобы Ванин искал встречи с действующими экстремистами, как-то не предполагал. Он ведь в своих монологах ни разу даже не упомянул, что в России существует какое-то движение сопротивления. Так вскользь коснулся терактов против власть придержащих и принятого людоедского закона от третьего ноября 2013 года. На этом — все. А тут, его заколбасило...

И интересно, почему — «колхозники»? Не партизаны, не какие-нибудь «борцы за освобождение», а какие-то прозаические «колхозники»? Хотя ладно, это можно будет и позже выяснить, а пока пора брать ситуацию в свои руки, иначе мы здесь до рассвета провозимся. Чуть отодвинув впавшего в ажитацию дьякона, я сунул пистолет в карман и, продемонстрировав Насте пустые руки, веско сказал:

— Теперь, красавица, слушай меня. Я не знаю, кто вы на самом деле, да и плевать мне на это, но как видишь, мой приятель стал невменяем и рвется вас спасать. Так что вставь колечко на место, и давай соображать, что делать дальше.

Видя, что Анастасия не торопится принимать мое предложение, продолжил:

— Чего ты мнешься? Сама ведь просила помочь, вот мы и согласились. Не сразу, но это — ничего страшного.

Сидящая напротив девчонка криво улынулась:

— Ситуация поменялась. Странные вы какие-то, и будет лучше, если сейчас просто уедете и оставите нас в покое.

— Я бы — с радостью, но вот он, — ткнув пальцем в своего подпрыгивающего спутника, — вряд ли. Так что давай думать логически. Допустим, мы из полиции. Что нам

⁴⁹ Персонаж фильма «Неуловимые мстители», которому принадлежит фраза — «Я ж столько лет ждал этого момента!».

мешает повязать вас прямо сейчас? Или свистнуть подмогу, при этом не давая тебе уйти. Ничего не мешает. Допустим, мы не из полиции, но все равно хотим вас сдать. Что нам мешает позвонить по телефону и вызвать полицию? Ни-че-го. Но если мы действительно хотим вам помочь, то почему бы не воспользоваться моментом? Я видел, ты куда-то звонила. Скорее всего, сообщила о том, что случилось, и вызвала друзей. Только я сильно сомневаюсь, что они где-то рядом и сумеют быстро приехать. Так не лучше ли вам встретиться, м-м-м... — я замаялся, прикидывая варианты, — да хоть на трассе, но подальше отсюда. Ведь нет никакой гарантии, что в этом районе не введутся повышенные меры безопасности. И чем быстрее мы отсюда свалим, тем меньше будет шансов нарваться на проверку на дорогах. Я понятно говорю?

Настя поправила шапочку, несколько секунд подумала и кивнула:

— Понятно... Только есть вопрос — где гарантии, что вы не из БОГС и, предлагая помощь, просто не хотите выйти на след других «колхозников»? Извини, но уж очень резкий ты парень, да и подготовка видна нешуточная. И Анатолия вырубил, и ходы просчитал, имея минимум информации. Далеко не каждый так сумеет...

Так, интересно, что это за «БОГС»? Или «БОКС», не разобрал... Но исходя из контекста вопроса, это, скорее всего, название здешней ФСБ или, может, УБОП. Черт его знает, какая спецслужба занимается отловом подобных людей. Да и не это главное. Главное, что деваха начала кочевряжиться. А мне это не нужно. Поэтому задумчиво почесав мочку уха, совершенно некуртуазно ответил:

— Какие, в дупу, гарантии? Девочка, ты с головой-то дружи! Если бы не этот идиот, который с детства мечтал селянином, э-э... в смысле — «колхозником» стать, то я бы с тобой вообще не разговаривал. У меня своих дел по горло. Но ему приспичило, вот я и взываю к разуму. Сама подумай — работай мы на государство, на хера нам дожидаться ваших кентов? Вас бы взяли да вытрясли до донышка. Или ты думаешь, граната в твоих руках меня, если что, удержит? У этой хлопущки запал четыре-шесть секунд горит. Да реальный радиус поражения метров пять-семь. Пока ты ладошку разожмешь, я у тебя ее и забрать, и выкинуть вполне успею. А дальше — вяжи вас да делай засаду для ожидаемой подмоги... Поняла? Так что прекращай выкаблучиваться и быстрее соображай.

Анастасия посмотрела на меня долгим взглядом и, видно на что-то решившись, фыркнула:

— Откуда ты только взялся, такой умный?

— Из тех ворот, что и весь народ! Ну что, согласна?

— Да.

Ф-фух, хоть что-то решилось, а то я думал, мы отсюда никогда не выберемся. Ну а теперь надо действовать побыстрее. Заслав Ванина подогнать машину и озадачив его подготовкой салона к транспортировке раненого, я занялся лежащим в отрубе Толиком. Анастасия, которая уже спрятала обезвреженную гранату в карман, но при этом не расставалась с ноутбучной сумкой, обеспокоенно глядя через мое плечо, спросила:

— Чем ты его так?

— Рукой. Но это не страшно. Сколько он без сознания — минут десять? Значит, еще где-то через десять минут очнется. Голова будет болеть, но это не смертельно.

— Правда?

— Нет, мля, это я так шучу! Конечно, правда! Можно было бы его прямо сейчас реанимировать, но тогда башка у него станет болеть гораздо сильнее. Так что лучше подождать.

После чего совместными усилиями мы извлекли из «тойоты» заднее сиденье и, кинув его на пол в салон «УАЗа», положили туда так и не очнувшегося Витька. Вторым затащили Толика. Потом немного поспорили с Ваниным относительно автомата и гранатомета. Он предлагал избавиться от них прямо сейчас, но я был против и собирался выкинуть оружие не раньше того момента, чем мы выберемся из этого района. Победила грубая сила, и бурчащий Алексей полез на водительское место. Я же расположился вместе с остальными в салоне,

помогая Анастасии придерживать ее дружков. После чего мы, наконец, тронулись.

Проехав метров триста, водитель притормозил и, сунув морду в окошко, отделяющее салон от кабины, раздраженно спросил:

— Сергей, объясни, почему мы сейчас должны ехать, не включая фар? Кому это надо?

Я, держа так и норовившего брякнуться с откидной лавочки Анатолия, раздраженно рявкнул:

— Это надо всем! У америкосов сейчас переполох до небес, и они вполне могут или вертушку для осмотра подходов к району задействовать, или вообще через спутник наблюдение вести. А то и БПЛА⁵⁰ запустить. Смотри — небо какое чистое! А так как я не знаю, какие ресурсы у американцев в Руднево есть, то лучше подстраховаться. Согласись, будет совсем не гуд, если кто-то среди леса свет фар увидит. Так что езжай потихоньку до трассы, там и включишь всю иллюминацию.

Ванин сделал большие глаза, понятливо кивнул и, уже не задавая глупых вопросов, повел машину к шоссе.

ГЛАВА 10

А когда выехали на нормальную дорогу и прибавили газа, я почувствовал, как мотавшийся до этого безвольной тряпкой Толик вдруг перестал заваливаться в сторону и обрел наконец-то чувство равновесия. Очнулся то бишь. Правда, глаза не открывал, продолжая изображать из себя бессознательное тело. Только рукой словно бы случайно скользнул к тому месту, где у него раньше пистолет был. Не нащупав оружия, «колхозник» еще какое-то время сидел с закрытыми глазами, а потом открыл их и огляделся. Сначала увидел Настю, которая находилась возле Витька, после чего глянул на меня.

Наверное, при виде моей физиономии на него навалились неприятные воспоминания, так как бывший автоматчик поморщился, ощупал голову и протянул:

— Та-а-ак...

Оказано было совершенно неинформативно, но вполне эмоционально. Я, чтобы поддержать разговор, кивнул:

— Ага, — а потом, отвлекая барышню от второго парня, объявил: — Эй, красавица, гляди — твой друг очнулся!

Анастасия этой новости очень обрадовалась и, попросив приглядеть за Виктором, поменялась со мной местами, после чего тут же начала активно шептаться со своим очухавшимся товарищем. Я особо не прислушивался, о чем они там болтали, вычленяя сквозь гул мотора лишь отдельные фразы, по которым было понятно, что девчонка просто пересказывает упущенные Анатолием события.

Тот слушал внимательно, а дослушав до конца, громко спросил:

— Значит, говоришь, помочь решили?

Так как при этом он глядел в мою сторону, я, поняв, кому задан вопрос, ответил:

— Решили. Не бросать же барышню одну, с двумя «трехсотыми», в лесу?

Толик, вычленив из ответа специфическое слово, тут же поинтересовался:

— Военный?

— Бывший.

Собеседник, получив информацию, кивнул, опять поморщился и продолжил прояснять обстановку:

— А там вы что делали?

Я ухмыльнулся:

— Не слишком ли много вопросов? Я ведь не спрашиваю, что ВЫ там делали? И с какого перепуга в нас автоматом тыкать начали?

⁵⁰ БПЛА — беспилотный летательный аппарат.

Тут уже фыркнул Анатолий:

— Ну, насчет нас вы для себя уже все разъяснили, так что не надо... А вот вас на кой черт в лес понесло?

На секунду задумавшись, я решил не накалять обстановку и просто выдать ту «легенду», которую преподнес в свое время Лехе. Говорить все равно что-то нужно было, а эта «легенда» снимала возможную напряженность в отношениях. А то начини я крутить, вдруг этот партизан впадет в панику, поймав меня на несоответствиях, и задумает взять реванш, избавившись от крайне подозрительных спасителей. Конечно, фиг у него это получится, но устраивать новую драку мне не хотелось.

Вот я все и рассказал: и про заказчика, и про дефицитные детали, и про наем дьякона, в доказательство пнув тяжело громыхнувшую железом грязную сумку. Слушатели мне вроде поверили или сделали вид, что поверили, но общаться стали более непринужденно. Точнее, о себе так ничего и не рассказали (хотя, честно говоря, я даже не спрашивал), лишь вдумчиво выяснили, что именно я видел на дороге. А после рассказа об ушедшем от погони «Хамви» даже заулыбались. Потом Толик, видно решив выяснить степень доверия, попросил:

— Может, оружие-то отдашь? Ну хотя бы пистолет?

Я в принципе был готов к подобной просьбе, поэтому пожал плечами:

— Почему бы не отдать, отдам. Только, земляк, ты уж извини, заряжать его будешь, когда мы уедем.

После чего, достав «Грач», вынул из него магазин, проверил патронник и перебросил оружие на колени Анатолию. Тот опять поморщился, но качать права не стал, и они вместе с Настей переключились на бессознательного Витька. Глядя, как ребята, расстегнув ему куртку и задрав свитер, щупают ребра, я предостерег.

— Вы его поменьше мните. То, что кости поломаны, это и ежу понятно. Но шея цела. И легкие не задеты, а то бы он уже кровью булькал. Только вы сейчас придавите, и кто знает, куда ребро уйдет...

Настя кивнула:

— Я осторожно.

— А Толик мрачно пробурчал:

— Чего же он в себя не приходит? Вроде одновременно стекло головами вынесли, но я на ногах уже...

В этот момент, словно в ответ на его слова, раненый открыл глаза, сказал «у-у-у» и, повернув голову, стошнил прямо на говорившего. Анатолий застыл облеванной статуей, а я, доставая из-под лавки ведро, бодро сказал:

— Вот ваш третий друг и очнулся, Но, видно, у него сильное сотрясение, так что сейчас рыгать будет дальше, чем вас видеть. Настена, подставь ведерко, а то он весь салон уделает.

Барышня понятливо кивнула и, выполнив требуемое, захлопотала возле фонтанирующего Витька, после чего разговор как-то сам собой свернулся. А пока они ухаживали за своим очухавшимся дружкой, я нет-нет бросал взгляды на Анастасию. Там, в лесу, впопыхах ее толком не разглядел, зато сейчас при включенном плафоне можно было оценить если не фигуру, скрытую под курткой, то хотя бы лицо. Большеглазое, с чуть курносым носом и волнующей ямочкой на щеке, появляющейся в те моменты, когда она ободряюще улыбалась зеленокожему Витьке. М-да... Хороша деваха! Нет, вот вернусь домой — надо будет срочно с кем-нибудь замутить, а то долгое воздержание здоровью точно не способствует. Если даже в такой обстановке плясую на девушку с весьма недвусмысленными... э-э... или наоборот, двусмысленными мыслями, то это, однако, показатель.

Настя же, несколько раз поймав мой взгляд, сначала нахмурилась, потом покраснела, а потом, поправив выбившуюся из-под шапки темно-русую челку, спросила:

— У вас вода есть?

Кивнув, протянул ей пятилитровую бутыл, до этого стоящую в углу. Она уточнила:

— Питьевая?

И после повторного кивка начала поить раненого. Толик сначала ей помогал, а потом, намочив платок, принялся оттирать испачканный бушлат. Более-менее справившись с задачей он, глядя в начавший сереть пейзаж за окном, спросил:

— Это что, сейчас Долгухино проехали?

— Да нет, вроде на указателе «Листвянка» было написано. Так что минут пятнадцать осталось... Если ваши друзья не опоздают.

Собеседник ухмыльнулся:

— Не опоздают, — а потом, помолчав, поинтересовался: — Слушай, а как вы, догадываясь, кем мы являемся, решили влезть в это дело? Или вконец жизнь такая допекла?

Я пожал плечами:

— Да мне по фиг. Это вон он, — мотнул головой в сторону водителя, — альтруизм проявить вздумал. А у меня своя жизнь, с вами не пересекающаяся.

— То есть тебя все в ней устраивает?

— А ты меня что — вербануть решил? Не надо. Окружающая обстановка мне, конечно, категорически не нравится, но я с государством в азартные игры не играю, тем более в заведомо проигрышные.

Анатолий удивился:

— Почему это — проигрышные?

Криво ухмыльнувшись, я пояснил:

— Долго объяснять. Да и сам ты все понимаешь... Если бы мы были какой-нибудь мелкой и никому не нужной африканской страной, то шансов на переворот было бы немерено. Но ЗДЕСЬ... Даже если вы ненадолго захватите власть, моментально вмешается Запад и на этом все быстро закончится. А играть без шансов на выигрыш меня совсем не прикалывает.

— Поня-ятно... Значит, предпочитаешь просто тихо подыхать?

— Скорее — выживать. Вот сейчас сдам эти штанги, получу свою штуку «зелени» и в ус дуть не буду!

Говорить подобное было противно, но что оставалось делать? С радостью соглашаться с собеседником? Смысл? Даже если не брать в расчет то, что через два дня я буду уже в своем мире и здешние кошмары меня никаким боком касаться не будут, кривить душой не хотелось. Мне действительно не верилось хоть в какие-то перспективы здешней России. Захватить власть не проблема, даже имея довольно небольшое количество людей. Но вот потом... Я не говорю даже о том, что последователи демократов начнут какую-то гражданскую войну. Нет, гражданская война — это когда вяжется население, а за этих кровососов выступают только полиция (да и то наверняка не вся) и жалкие огрызки оставшейся армии (в чем я тоже глубоко сомневаюсь). Так что здешние «колхозники» (блин, но почему все-таки такое странное название у местного сопротивления?) власть смогут взять. Только сразу же после этого на территорию страны войдут иностранные «миротворческие» силы и все станет по-прежнему. Даже хуже...

Правда, сказав, что думаю, один черт почувствовал себя довольно паршиво. А Толик еще и усугубил:

— Что же. Выживать оно, конечно, тоже дело хорошее. Правильное и, главное — безопасное. Но тебе самому такое настроение ничего не напоминает? Я вот историей интересовался и знаю, что когда Германия напала на СССР, некоторые тоже считали — чего тут брыкаться, когда такая силища прет? Шансов на победу никаких нет, и в этом случае самое главное — выжить. Вот и бросали оружие, поднимая руки. Хорошо, что таких «выживальщиков» мало было, поэтому мы и победили... Но вы, выходит, именно из таких...

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но не успел, так как «уазик» резко начал тормозить. Причем впереди вроде никаких видимых препятствий не было, и почему Алексей решил остановиться, было непонятно. Но этот вопрос разъяснился спустя буквально несколько секунд после того, как водитель, видно услышавший наш разговор, выскочил из кабины и,

рванув дверь салона, громко произнес:

— Не из таких! Во всяком случае, я — не из таких! Я уже девушке говорил и сейчас повторяю — мною вы можете располагать полностью. Вот здесь, — тут навязчивый дьякон начал тыкать какой-то листок Анатолию, — мой адрес. Возьмите. И если возникнет надобность — обращайтесь! Все сделаю для того, чтобы помочь!

«Колхозник» листок взял, а я, глядя на распаленного Ванина, только фыркнул и заметил:

— Так ты не трынди, а помогай. Тут, между прочим, раненый лежит. И чем быстрее мы его доведем, тем быстрее он помощь получит. Хотя, если у господина партизана, — я повернулся к Толику, — есть желание толкнуть благодарственную речь и торжественно принять тебя в ряды землепашцев, то кто я такой, чтобы этому мешать?

После моих слов оба смутились, и Анатолий лишь пожал дьякону руку, сказав при этом, что он, конечно, рад слышать подобные слова, но они действительно торопятся. Лешка, окинув меня уничижительным взглядом, кивнул и потопал обратно на свое место.

Еще десять минут прошли в молчании, а потом наша машина остановилась возле «мерседесовского» микроавтобуса с красными крестами на бортах, припаркованного на обочине. Тут же находились еще два мужика, которые сноровисто помогли перетащить опять потерявшего сознание Витька к себе. И тут Ванин проявил своеволие, взяв и отдав спасенным снаряженный автомат с гранатометом, от которых мы так и не избавились по дороге. Я было сильно напрягся, но те оружие приняли как должное и сразу сунули его в салон. После чего Толик опять пожал дьякону руку, поблагодарив и присовокупив, что, дескать, будет иметь его в виду. Я тоже был удостоен рукопожатия, правда, без аудиосопровождения. Зато Настя, сунув мне на прощание свою теплую ладошку, сказала:

— Спасибо вам. Надеюсь, ты когда-нибудь изменишь свое мнение...

После чего они загрузились в свою тачку и отъехали. А мы, закутив, глядели им вслед до тех пор, пока «мерседес» не скрылся за поворотом. И лишь только после этого я выдохнул и размашисто перекрестился. Алексей, увидев это действие, закашлялся дымом и, когда успокоился, заметил.

— Вообще-то, креститься надо правой рукой...

— По фигу. Главное — пронесло.

Ванин, подходя к своей дверце, удивился:

— В смысле?

— В прямом. Ладно, садись, поехали. А я тебе пока свое видение ситуации объясню.

Дьякон, трогаясь с места, насмешливо угукнул:

— Было бы очень интересно послушать... — А потом сразу спросил: — Послушай, Сергей, ты мне для начала другое скажи. Ведь, насколько я тебя успел узнать, ты достаточно смелый, шустрый и умный мужик. Почему сейчас ты повел себя так странно? Неужели ты действительно хочешь просто выживать? Ведь сам говорил — «мы не сделали скандала, нам вождя не доставало». То есть не было объединяющей силы. Но ведь сейчас она в твоей жизни появилась! Или как до дела дошло, так сразу в кусты? Только меня мог попрекать, что я лишь воздух сотрясать могу?

— Нет, не в кусты. Просто я реально смотрю на вещи. Вот сам прикинь, что будет после того, как победят «колхозники». В смысле — как на это те же отлученные от трубы америкосы отреагируют? Сразу с ковровых бомбардировок начнут или для начала точечными ударами развлекаться станут? И кстати — объясни, почему именно «колхозники»? За что их так обозвали?

Ванин недоверчиво посмотрел на меня, и я поспешил добавить:

— Эй, эй, не забывай, что я с «незалежной» и тутошних приколов не знаю.

— Вообще-то это все знают...

Я только вздохнул, и собеседник, поняв — объяснять все-таки придется, начал свой рассказ. И из него следовало, что когда начали разгонять армию, некоторые армейцы ушли не в города, где уже нечего было ловить, а решили заняться фермерством. Не все, конечно...

Кто-то в ОПГ двинул, кто-то в частные охранные структуры, кто-то в челноки, кто-то вообще за бугор — в наемники. Прямо как у нас, когда Союз развалился и образовалась большая толпа никому ненужных мужиков, которые разбрелись кто куда. И, кстати, у нас многие тоже осели на земле...

Но вернемся к местным реалиям — здешние офицеры брали в аренду огромные куски земли и начинали там активно пахать. Какое-то время они были сами по себе, но как только пошли прибыли, так сразу же нарисовались крепенькие парнишки с предложением обширной и качественной «крыши». Только вот зря они это затеяли. Вояки и так были злы из-за крушения армейской карьеры, а тут еще такая хреновина образовалась. Короче, первых вымогателей просто били и выкидывали за пределы своих земель. А когда те решили побряцать оружием, то отряды новоявленных фуражиров стали просто исчезать. Причем — массово. То есть военные их просто уничтожали и тихо закапывали.

Но так как криминалитет был тесно связан с властью, то последняя решила вмешаться в процесс. После чего несколько крупных фермерских образований (которые в просторечье назывались просто — «колхозы») были уничтожены в результате довольно сильных боев. Накал разборок получился высокий из-за того, что у вояк на руках оказалась масса оружия и просто так свои позиции они сдавать не собирались. Но частники против государства не потянули, и после разгрома наиболее строптивых (к слову — все преподносилось исключительно в рамках борьбы с терроризмом, экстремизмом, коммунизмом и прочими «измами») остальные начали платить. Пусть гораздо меньше, чем изначально предполагали их «крыши», но начали. Только вот попутно окончательно озверевшие армейцы консолидировались, наладили между «колхозами» крепкую связь и организовали на местах лагеря переподготовки, которые органично стали ядром движения сопротивления. То есть все по классике — днем он мирный фермер, а как только противник отвернется, тут же становится страшным «колхозником».

Но это оказалось еще не все. После развала страны пришедшие к власти демократы с прискорбием доложили своим заокеанским хозяевам о пропаже достаточно большого количества единиц ядерного оружия. Как тактических фугасов, так и стратегических, включая мобильные баллистические ракеты. Шума и крика было много, но так как к исчезновению оружия приложили руки не одиночки, тупо желающие навариться, а действовала полноценная государственная программа (как я понял, что-то типа наших «Сумерек»), то пропажа была с концами. Ядрен-батоны активно ищут до сих пор, только все без толку. За это время смогли лишь вычислить одного человека, который, возможно, приложил руку к их исчезновению. Некто генерал-лейтенант Смирнов. По всем средствам массовой информации за указание его местонахождения была обещана награда, достигшая к сегодняшнему дню тридцати миллионов долларов, но Смирнов до сих пор неуловим. А так как этот генерал стал одним из основных известных широкой общественности символов сопротивления, то «колхозников» в народе иногда называли «смирновцы».

Угу... Почесав затылок, я удовлетворенно улыбнулся. Теперь ясно и почему «колхозники», и почему «смирновцы». Непонятно только, зачем этому генерал-лейтенанту нужно было прятать баллистические дуры? С фугасом все ясно — мина и мина, только что ядерная. Но ракета... Она ведь постоянного регламентного обслуживания требует. Без него изделие через несколько лет превращается просто в большой кусок железа. Неужели у местных партизан где-то есть законспирированные боксы, где подобное обслуживание возможно? Или они просто сняли с ракет БЧ⁵¹ и собираются их использовать как особо мощный фугас? Хотя... если действовала госпрограмма, то не исключено, что и замаскированные боксы, и техника, и оборудование к тем ракетам прилагается в полном комплекте.

А с другой стороны, ядерное оружие оно и в Африке ядерное, даже без средств

⁵¹ Боевая часть.

доставки.

При наличии ТАКОЙ дубинки дело местного сопротивления не выглядит настолько уж безнадежным. До Америки они вряд ли достанут (хотя все зависит от суммы), но уж в Европу протащить и заложить где-нибудь возле пиндостанской базы подобный подарочек вполне реально. И в случае начала вторжения пригрозить его рвануть. А если он будет не один? Да тогда вся Европа на уши встанет и тут же выйдет из игры. Ведь одно дело безопасно жировать за счет диких и вымерзающих за тысячи километров от тебя русских и совсем другое — ощутить под задницей военный атом. Да... интересенько может получиться...

Увлечшийся Ванин тем временем рассказывал о наиболее резонансных деяниях «колхозников», но я его прервал, так как меня заинтересовал другой вопрос:

— А что такое БОКС?

— Э-э?

Дьякон, остановленный на полном скаку, недоумевающе посмотрел на меня, поэтому пришлось пояснить:

— Ну, Настя все опасалась, что я из БОКСА. Что она имела в виду? Каких-таких боксеров? И вот только не надо на меня так смотреть! Я тебе уже объяснял, что в наших палестинах мы живем тихо, в политику не лезем и новомодных слов не знаем.

Алексей лишь головой pokrutil:

— Из какой же дыры ты вылез? Мне иногда кажется, что ты вообще — инопланетянин!

Я обиделся:

— Почему это?

— Да потому что ты спрашиваешь вещи, известные каждому ребенку. Знаешь, тебя даже за шпиона принять нельзя, так как даже самым глупым и нерадивым шпионам известно о стране пребывания больше, чем тебе!

— Так что — шпионы, а я местный, поэтому с меня взятки гладки. И что там насчет БОКСА?

— Не БОКС, а БОГС — Бюро Охраны Гражданских Свобод. Про КГБ ты хоть слышал?

— Вот только не нужно делать из меня идиота! А то я у тебя вообще спрашивать перестану! Ха, слышал ли я про Комитет! Ты еще спроси, слышал ли я про НКВД!

Алексей улыбнулся:

— И незачем так нервничать. А БОГС был создан после того, как КГБ разогнали. То есть сначала вообще ничего кроме МВД не было, а два года назад власти спохватились и решили создать свою службу безопасности. Создали. И назвали ее истинно демократически. Вот вслушайся — БЮРО ОХРАНЫ ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД. Звучит-то как толерантно! А в реале эти сволочи — хуже гестаповцев... М-да... Но даже хваленый БОГС Смирнова все равно найти не может!

Ванин какое-то время помолчал, а потом, видно, вспомнив начало нашего разговора, спросил:

— Кстати, Сергей, ты там что-то насчет своего виденья ситуации хотел рассказать, а я тебя сбил. Что сказать-то хотел?

Меня сначала несколько обескуражила такая резкая перемена темы, поэтому я какое-то время собирался с мыслями и лишь потом выдал то, что мне показалось странным:

— Знаешь, что меня очень сильно напрягло в поведении «колхозников»?

— Что?

— Даже не то, что они вели себя как слабо обученные лопухи-партизаны образца самого начала войны. И не то, что вместо того, чтобы зачистить внезапно появившихся мутных свидетелей, они начали с нами разговоры вести. Что, кстати, и дало мне возможность их обезоружить. Меня сильно напряг их страх.

Дьякон удивленно посмотрел на меня:

— Какой еще страх? Я лично ничего не заметил...

Помявшись, я попытался сформулировать:

— Понимаешь, реакция на наше появление у них неправильная была. Нет, не тогда, когда они в дерево въехали, а в тот момент, когда свет твоих фар засекли. Они как будто бы засаду ждали. То есть не так... М-м-м... в общем, складывается такое впечатление, что они ДОПУСКАЛИ возможность появления засады. Почему — непонятно. Ведь если их не отловили сразу, то ни о какой засаде в дальнейшем и речи быть не могло. То есть — оторвались от преследователей и ушли. Все! Пиндосы бы просто не успели устроить ловушку возле машины. И почему они нас ТАК испугались, я никак не могу понять. А все непонятное — тревожит.

— Да ну, — Алексей махнул рукой, — по-моему, тут как раз все понятно. Нервы были напряжены, вот и сорвались ребята.

— Хм... думаешь, это были новички, первый раз вышедшие на задание? Хотя... если в группе отвлечения, утащившей за собой погоню, были опытные люди, а этих оставили выносить груз... Так... а салабоны бежали, каждого куста опасаясь, и увидев нас... А что — вполне может быть. Правда, этот Толик на новичка как-то не похож. Да и бабу зачем на такое дело было брать?

— Чего ты там бормочешь?

— Что? — я вскинулся и, отвлекаясь от построения логической цепочки, пояснил: — Да так, думаю, что ты, скорее всего, прав. Они просто сорвались, из-за этого и повели себя так странно.

— Конечно, прав! А что еще может быть?

— Наверное ничего... А-у-в-р-ф!

Я смачно зевнул и, передернувшись, сказал:

— Блин, отпускать начало, и теперь спать хочу, как медведь бороться!

— Ну и спи. Нам еще ехать и ехать! До Воронежа как раз выспишься. А там — в баньку сходим, поедим, отдохнем и завтра снова в путь.

Уже засыпая, я пробормотал:

— Банька — это хорошо...

А потом провалился в сон без сновидений.

* * *

Дорога до Лехиного дома прошла совершенно спокойно. Никаких братков, а также прочих особо глубоких рытвин, колдобин и препятствий нам не встречалось. Не было даже близких знакомств со здешними дорожными полицейскими. Точнее, несколько раз они попадались, но нас не тормозили. И все было бы вообще замечательно, только я, пытаясь кемарить в крайне неудобной кабине «уазика», в процессе поиска наиболее комфортного положения для сна, свернул себе шею. Ну, не совсем свернул просто в ней что-то щелкнуло, и остаток пути пришлось провести со склоненной к плечу башкой, которую вообще невозможно было повернуть. Это привело меня в крайне раздраженное состояние, и даже слова Ванина о том, что подобные штуки его жена на раз исправляет, не заставили настроение улучшиться. Сами подумайте — кому понравится чувствовать себя заржавевшим Железным Дровосеком, поворачивающимся всем корпусом для того, чтобы глянуть в сторону? И голова еще ни с того ни с сего разболелась... В общем, за последний час езды я успел напиться ядом по уши.

Правда, по приезде обещанная баня и золотые руки Марии, которая вправила выскочивший позвонок, вернули мне радость жизни. А уж предчувствие того, что менее чем через двое суток моя «параллельная» эпопея закончится, вызвало просто охрененный душевный подъем. Поэтому когда Ванины отправили детей спать и глава семьи начал рассказывать жене о перипетиях нашей поездки, я, полный бодрости и веселья, прихлебывая чаек, сопровождал рассказ дьякона своими комментариями и пояснениями.

Правда, мой сарказм пришелся не ко двору. Хиханьки тоже. Ни Мария, ни Алексей не были склонны хоть сколько-то иронизировать относительно наших приключений. Поэтому

после пары отпущенных шпилек я заткнулся и, еще немного посидев молча, сослался на усталость и отправился спать. Супруги мне не препятствовали, так что, упав на диван и поворочавшись минут десять, тихо уснул.

Но вот во сне покоя не нашел, так как снилась какая-то странная муть. То есть вначале все было замечательно — виделись девочки, море и масса прохладительных напитков. Только потом весь этот пляжный рай ни с того ни с сего вдруг начали бомбить «А-10».⁵² Девочки само собой сразу куда-то подевались, напитки вместе с ларьком тоже разнесло, а меня зацепили здоровенные пиндосовские морпехи и, невзирая на бурные возражения, посадили в концлагерь. Причем почему-то немецкий, времен войны. Самый настоящий — с вышками, колючкой и охранниками. Одно отличие — немцы были почему-то все как один вооружены американскими «кольтами»⁵³ и козыряли друг другу на американский манер. А в остальном — фрицы как фрицы.

Но я этому уже не удивляюсь и вместе с остальными военнопленными бегу на построение. Вокруг собаки гавкают, подгоняют типа... А когда все построились, на плац въехала машина и стоящий в ней лощеного вида мужик в гестаповской форме объявил, что сейчас будет идти набор в предатели. Предателям обещались новые ботинки, изготовленная с применением нанотехнологий шикарная униформа и оплата в свободно конвертируемой валюте. А несогласных — в расход. Строй оборванцев, одетых в старые советские гимнастерки, понуро молчал и не рвался принять столь заманчивое предложение. Тогда немец толкнул речь, что, мол, дело наше все равно проиграно, так что просто так помирать — смысла нет. Говорил красиво и вообще — его речь сильно напоминало виденное по телику выступление Емцова, когда тот свежесозданную партию презентовал. Он так же про возрождение и новую, истинно демократическую линию заливал.

А потом гестаповец замолк и стал прохаживаться вдоль строя, похлопывая стеком по голенищу начищенного до блеска сапога. Ну прямо как в кино. Ходил, ходил и вдруг, остановившись напротив меня, просиял и обрадованно воскликнул:

— Вот тебя-то я и искал! Ты же все равно не веришь, что это быдло сможет хоть когда-то победить! Да и вообще, ты не отсюда, поэтому какая тебе разница? Соглашайся! В люди выбьешься!

Я от подобного предложения офигел. Да и стыдно было — спасу нет! Перед остальными стоящими в строю стыдно. А вдруг они действительно подумают, что я готов принять предложение этого козла? И тоскливо тоже было, так как просто отказ меня не реабилитирует. В собственных глазах не реабилитирует, так как, чтобы остаться самим собой, нужно не бляеть «нет, не согласная я», а валить фрица наглухо. Ну а потом, разумеется, охранники будут валить меня. Да и черт с ним, хоть помру человеком!

А так как улыбающийся немец в ожидании ответа стоял практически вплотную, то я его убил. Просто взял и убил, ударив в нос, вгоняя осколки носового хряща прямо в мозг. А потом бросился на стоящих неподалеку охранников, желая завладеть оружием и продать жизнь подороже. Но почему-то между мной и охраной вдруг образовалась целая свора здоровенных овчарок, которые с громким лаем бросились навстречу...

* * *

Из сна я вынырнул тяжело дышащий и мокрый, как мышь, даже не сразу поняв, что проснулся. Так как собаки действительно лаяли. Громко, истерично, с привизгом. Чертыхнувшись, глянул на часы — пять тридцать. Блин, еще полчаса можно было бы

⁵² Fairchild-Republic A-10 Thunderbolt II (Фэйрчайлд-Рипаблик А-10 «Тандерболт» II) — американский одноместный самолет-штурмовик.

⁵³ Имеется ввиду штурмовая винтовка М-16А2.

дрыхнуть. Хотя какой там сон после приснившейся хрени! Да и хозяева, похоже, встали... Вон, кто-то в прихожей ведром гроыхнул и чуть позже мягко хлопнул дверью. До ветра, наверное, двинул... Так что и мне надо вставать. Быстро одевшись, я тоже было поперся на улицу, и тут выяснилось, что собаки гавкали не зря, так как буквально в дверях, на веранде, столкнулся с Алексеем, который тащил на плече какого-то человека. А сзади них виднелась еще одна фигура. Я даже спросить ничего не успел, как подошедшая с керосинкой Мария, которая была закутана в плед, осветила вошедших. Япона мама! Да это же наши старые знакомые! «Колхозники»! Те, которые Анатолий и Настя! Но Толик сутки назад выглядел гораздо бодрее и у него из бушлата не торчал клочок окровавленной ваты, который явно указывал место выхода пули.

Лешка же, увидев меня, прошипел:

— Держи, а я пока их машину внутрь загоню и ворота закрою.

После чего, спихнув закатывающего глаза Анатолия, метнулся обратно в темноту двора, попутно прикрикнув на собак. Я, подхватив раненого, спросил у Насти:

— Куда его?

Та, сразу поняв, о чем вопрос, тут же ответила:

— В плечо. Кость вроде не задета, но крови много потерял. Я перевязала, только толку от этой перевязки... В аптечке бинт всего один был... И жгут не наложишь...

— Ясно — кивнув, я обратился к жене Ванина: — Мария, глянь, чтобы дети из комнаты не выходили, а потом подходи к нам. Мы его сейчас на диван определим...

Шустрая Мария, пока мы тащили Толика в дом, успела метнуться к детям, потом вернуться и зажечь еще одну керосинку в большой комнате. Электричество тут давали только ночью и под утро вырубали, так что газовая или керосиновая лампа стала непременным атрибутом каждого дома. Но светил этот раритет достаточно ярко, поэтому вполне можно было заняться осмотром раненого.

Пока мы его осторожно вытряхивали из одежды, безбожно покромсав ножницами бушлат и свитер, я продолжал допрос Насти:

— Хвоста не было?

— Нет.

— Точно?

— Вроде да...

— Вроде... — раздраженно глянув на девчонку, уточнил: — Где вы попались?

Тут Анастасия несколько замаялась, а потом глухо ответила:

— На квартире... Там нас уже ждали...

— Так, а теперь — четко, ясно, коротко — вы отъехали от нас, дальше что было?

Барышня вздохнула и принялась докладывать:

— Дальше мы доехали до Шатуры, где нас встретил еще один человек. Виктора повезли в больницу, а мы пересели в другую машину и поехали на «адрес». Ну, это такая точка, где можно отдохнуть, получить необходимую помощь, связаться...

Я ее перебил:

— Мне понятно, что такое «адрес». Дальше что было?

Настя опустила голову:

— Там была засада.

— Угу... а как вы ушли?

— Водитель пошел в дом, а мы остались в машине. Потом слышали крик... Толик сразу выскочил из «жигулей», и начал стрелять по выбегающим людям. Троиш застрелил, после чего сел за руль и мы оттуда уехали. И только когда из Коломны выехали, он сказал, что ранен.

— Он что — всех там положил?

— Нет, когда мы уезжали, нам вслед еще кто-то стрелял...

Странно... что-то в рассказе девчонки не стыковалось. Допустим, они попали в засаду. Допустим, засада такой прыти от Толика не ожидала, и он завалил большую ее часть. Но

оставшийся в живых должен был сразу сообщить приметы машины и их бы взяли на первом же посту.

— А как вы вообще смогли из города выехать?

— Анатолий отлично знает Коломну, поэтому выезжали не по трассе, а через поля. Да и потом в основном проселками ехали...

Тут меня отвлек Алексей, который вместе с женой уже освободил раненого от одежды и теперь, сунув мне в руки лампу, показал, как ее держать. Застыв с этой лампадой, словно статуя Свободы, я какое-то время смотрел на то, как Мария срезает бинты, но множество нестыковок в рассказе «колхозницы» не давали мне покоя, поэтому, опять подозревая Настю, продолжил допытываться:

— Ладно, из города вы свалили, но нас как нашли? Понятно, что адрес вам Леха дал, но ведь в частном секторе сам черт ногу сломит! Или твой напарник еще и Воронеж хорошо знает? Настолько хорошо, что впотьмах, в этих шанхаях, нужный дом нашел?

— Нет, у меня в наладоннике карты городов есть. Очень подробные. Но все равно мы почти два часа вас искали...

Блин, вот на все у нее отмазка есть! И вроде очень даже логичная. Только существует еще одна заковыка, которая ставит под сомнение весь этот рассказ. И я ее озвучил:

— Ладно, допустим, вы попали в засаду. Допустим, вам охренительно повезло и вы ушли от погони. Но какого черта вы не двинули по «цепочке»? Почему поехали не к своим соратникам, а сунулись к каким-то незнакомцам, живущим за черт знает сколько верст? Да еще и с пулей в плече?

Леха, который помогал жене, но при этом внимательно прислушивался к беседе, заметил:

— Вообще-то пуля навывлет прошла...

Я хмыкнул:

— По барабану! — и, повернувшись к девчонке, добавил: — Тебе, красавица, вопрос был задан. Есть что ответить?

Та повздыхала и, глядя в пол, нехотя призналась:

— Нам не к кому больше было обратиться. Мы, кроме своих, никого не знали... А теперь и своих не осталось...

— Не понял? У вас что — связи с другими подразделениями сопротивления не было? Ты это хочешь сказать? Ни связи, ни каких-то тайников или «почтовых ящиков» на непредвиденный случай не предусматривалось? В жизни не поверю!

Барышня замаялась, а потом убила ответом:

— Понимаете, мы не совсем «колхозники». То есть «колхозники», но... в общем — новенькие. И это была наша первая операция.

Я присвистнул:

— Ого! А вот теперь с этого места поподробнее!

И Настя начала свой рассказ...

Оказывается, она и Толик попали в сопротивление недавно. А после череды проверок и перепроверок их решили задействовать в предстоящем деле. Анастасию взяли как человека, разбирающегося в компьютерах, а Ловягина (ха, вот и фамилия Толика всплыла) как знатока тех мест. Шло всего пять человек. Задание было совсем не сложным — доехав в район Руднево, оставить машину в лесу и пешим ходом выдвинуться к поселку. Со стороны болота постов охраны не было, поэтому, зная тропу, можно было дойти практически до «зеленой зоны». Там, в намеченной точке, человек из русской obsługi передаст «колхозникам» запароленный ноутбук, который Настя должна была вскрыть и слить информацию. После чего, вернув ноут, можно было возвращаться обратно.

Услышав это, я не удержался и прервал рассказ:

— А вообще, чей это комп был? И что за информация вам с него понадобилась?

Анастасия несколько секунд молча смотрела мне в глаза, видно, сомневаясь, и я подбодрил:

— Теперь-то чего тайны разводить? Ты вместе с ноутбуком уже здесь. Если я враг, то мне твои слова даже не понадобятся — сам все узнаю. Если друг — зачем финты вертеть? Да и вообще, решайся — или ты нам доверяешь и честно отвечаешь на вопросы, или не доверяешь и тоща... Хм, тогда я, честно говоря, не очень понимаю, чего вы вообще сюда приперлись?

Тут Мария, оторвавшись от осмотра раны, недовольно сказала:

— Они пришли, потому что человеку помощь нужна.

И тут меня удивил Алексей. Он, тихо шикнув на жену, посоветовал ей заниматься своим делом и не мешать мне. Ну надо же! Видно, до человека дошло, что я если и задаю неудобные вопросы, то не просто так это делаю. Ободренный его поддержкой, я опять взглянул на Настю, и та решилась:

— Компьютер принадлежал Джорджу Эперсону, третьему помощнику начальника департамента «Blackwater K-9».

Я удивился:

— «К-9»? Это ведь что-то с собаками связанное? Правильно?

Девчонка кивнула:

— Да. Этот отдел в «Зи» занимается прикладным собаководством и обучением сторожевых и поисковых псов. В общем — кинологи.

— А зачем он вам понадобился? — я улыбнулся. — Или решили стырить передовые технологии дрессуры?

— Нет. Просто на этом компьютере могут быть данные о некоторых секретных тюрьмах, расположенных на территории России. С одной стороны, они относятся к ЦРУ, но с другой — охранниками там являются сотрудники фирмы «Зи». Так что...

Она многозначительно замолчала, а я поднял брови:

— О как!

После этого удивленного восклицания задумался. А что — вполне логично. И собачки здесь очень в тему. Во всяком случае, «колхозники» искали информацию в нужном направлении. Разумеется, в компе того амера вряд ли будет гугловская карта, на которой нарисованы крестики и подписано: «Здесь находятся незаконные узилища». Такого в принципе не бывает. А вот по заявкам и количеству запрошенных служебных собак с проводниками вполне можно сделать нужные выводы. Это называется — косвенные сведения, после анализа которых разведка, в подавляющем большинстве случаев, и получает нужный результат.

Да и агентурная работа у «колхозников», судя по всему, поставлена очень хорошо. Вычислили же они как-то этого Джорджа? Но спрашивать, как это было сделано, у девчонки смысла нет — откуда рядовому члену подпольной организации знать такие вещи? Вместо этого я поинтересовался другим:

— А почему ты сказала — «могут быть сведения»? Ты что — его еще не взломала? Там же, на месте?

Настя невесело усмехнулась:

— Если бы все прошло, как задумывалось, и я его там хакнула, то этот ноут сейчас бы лежал в коттедже у Эперсона, а информация с него — на моем наладоннике.

Она похлопала себя по карману куртки, в котором, видно, и лежал ее мини-комп. А я, заметив бисеринки пота на лбу девчонки, сказал:

— Кстати, чего ты одетая стоишь? Упаришься ведь. Вон, на стул одежду скидывай и рассказывай дальше, что же вам помешало вернуть комп на место.

Анастасия исполнила предложенное и продолжила рассказ. А я, глядя на нее, с удовольствием отметил для себя отличную фигурку рассказчицы и только железным усилием воли сумел отвести глаза от задорно торчащей груди, соблазнительно обтягиваемой водолазкой. Но дальнейшее повествование заставило резко отвлечься от приятного созерцания и целиком сосредоточиться на разговоре. И было от чего!

Поначалу у ребят все шло как по маслу. Группа выдвинулась к исходной точке и,

рассредоточившись, стала ждать подхода агента. Только тот так и не появился, зато последовал телефонный звонок, в котором агент сообщил, что Эперсон, вместо того чтобы на всю ночь зависнуть у подруги неожиданно вернулся и застал его у себя в кабинете. Возникла быстрая и тихая разборка, в результате которой образовался труп американца. А сам агент сейчас сидит в луже собственной крови и, глядя на нож, торчащий из печени, констатирует, что жить ему осталось от силы полчаса. Искомый компьютер лежит рядом с ним, и группе, чтобы забрать ноутбук, придется самой проникнуть в «зеленую зону». После чего агент начал говорить что-то про график движения мобильного патруля, но на полуслове замолк, потеряв сознание.

Командир «колхозников» думал недолго и, приказав новеньким ждать, ушел с остальными в поселок. А еще через полчаса до Насти с Толиком донесся звук выстрелов. Это их очень сильно напрягло, но проявив выдержку, парочка осталась на месте. И правильно сделала, так как минут через десять появился запаленно дышащий Витек, который, продемонстрировав ноутбук, приказал быстро отходить и уже по пути рассказал, как и что получилось.

По его словам выходило, что до нужного дома они добрались без происшествий. Там обнаружили два мертвых тела и компьютер. Командир группы, воодушевленный легкостью проникновения, поначалу даже думал унести труп подпольщика с собой, но, трезво взвесив шансы, отказался от этой идеи. Поэтому забрали только ноут и стали уходить. Только во время отхода, практически на выходе из «зеленой зоны», напоролись на патруль. Америкосы не ожидали встретить кого-либо постороннего в этом месте, поэтому несколько секунд щелкали клювом, пытаясь сообразить, что делают их соплеменники ночью на границе периметра. Это дало возможность «колхозникам» первыми открыть огонь. Они сразу сняли пулеметчика и водителя, но еще один патрульный перед смертью сумел ранить командира в ногу.

Видя, что шум поднялся нешуточный, и понимая практическую невозможность отхода всей группы старым маршрутом, было принято решение, захватив стоящий на дороге «Хамви», испещренный пулевыми отметинами, утащить погоню за собой. А Витек должен был, забрав новеньких, тихо уйти через болотце.

Настя замолчала, переводя дух, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь глухими стонами бессознательного Анатолия. Мне рассказ показался вполне правдоподобным — в жизни и не такое случается. Единственно, что поначалу несколько смутили марка захваченного джипа и виденный на дороге БТР. Это ведь армейские машины. А насколько я знаю, в НАШЕМ мире частным американским охранным фирмам было запрещено использовать технику, стоящую на вооружении армии. Но потом прикинул, что ЗДЕСЬ дела, скорее всего, обстоят совсем по-другому, и этим вопросом можно не заморачиваться...

А еще через несколько секунд Мария, закончившая перевязку и теперь поправлявшая присобаченную к трехногой вешалке бутылку физраствора, от которой к руке раненого тянулась трубка системы, спросила:

— И что дальше с вами было?

— А дальше мы встретились с ними, — девчонка кивнула на меня, — и в результате этой встречи пришлось звонить по «тревожному» телефону. После чего люди из группы поддержки забрали Витька. А мы поехали на «точку». Только там нас почему-то уже ждала засада...

Вдохнув, я сменил затекшую руку и, спросив у Марии, можно ли уже поставить лампу на стол, ответил «колхознице» то, что думал:

— Если вас БОГС не пас раньше, то объяснение этой засады я вижу только одно — мужики на «Хамви» далеко не уехали. И хоть одного из них да сумели взять живым...

Анастасия обожгла меня взглядом и сквозь зубы ответила на этот намек:

— Я в ребятах уверена! Из них никто бы не предал!

Примириюще кивнув, я мягко сказал:

— Никто и не говорит о предательстве. Просто если идет экстренное потрошение, смолчать не получится... Поверь, я знаю, что говорю... Кем бы ты ни был — заговоришь. А если учесть возможное применение психоактивных медикаментозных препаратов, то и подавно...

— Все равно я не верю! Вы их не знаете, а я знаю!

Пока Настя, сжимая кулачки и не замечая злых слез, оправдывала своих товарищей, Алексей тихо поинтересовался:

— Это ты про «сыворотку правды» сейчас говорил?

— Ага. Какой-нибудь амитал или пентотал. Да и без них, если спрашивает знаток своего дела... — я махнул рукой, продолжив: — Просто по времени все очень четко укладывается. Сколько там от акции до приезда на «точку» прошло? Часа четыре? Вот сам и прикинь — ребят на «Хамви» взяли и начали колоть. Молчали они до последнего. А потом подтянулись те самые «знатоки». Но и им для работы не менее часа потребовалось. Кстати, — я повернулся к Насте, — тот водитель, который вас к дому привез, он от него отъезжал или откуда-то из другого места?

Девчонка, видя, что на доброе имя ее друзей никто не покушается, а идет просто конструктивный разбор вариантов, хмуро ответила:

— Игорь с «точки» ехал.

— О! — я поднял палец: — Значит, когда он за вами двинул, засады еще никакой не было. А когда вернулись, ты ведь сама говорила, что он первым зашел внутрь и сразу же там началась борьба с криками.

— Он только один раз крикнуть успел, а потом из дома стали выскакивать люди, которых Толик положил...

— Вот. И то, что вам удалось уйти, говорит о том, что засада была организована в спешке. Полиция ведь даже ближние подходы не контролировала. Это значит, что как только прошла информация, на «точку» выдвинулась тревожная группа. А остальные просто подтянуться не успели. Так что вам крупно повезло. И еще знай — ваши ребята, те, которые за собой погоню увели, они настоящие бойцы. Они молчали до последнего... Если бы не их молчание, то у «засадников» было бы время на подготовку. А дальше — сама понимаешь...

Настя кивнула и, закусив губу, уставилась в пол.

Воцарившееся молчание опять нарушила Мария. Глядя на меня, она спросила:

— Ты закончил свой допрос? — и после моего кивка продолжила: — А теперь слушайте, что я вам скажу. Рана у этого парня, — она показала на Толика, — очень плохая. Грязная. Я, насколько смогла, ее почистила и сняла угрозу гиповолемического шока, но я ведь не хирург. Да и обезболивающего у меня всего две ампулы было... В общем, его в больницу надо. И чем быстрее, тем лучше.

Алексей на слова жены задумчиво потербил бородку, спросив:

— Сама точно не сможешь? Пуля ведь навывлет прошла, так что рентгена не нужно. Там только саму дырку почистить. Кровь-то ты остановила.

— В том-то и дело, что навывлет... А в ране полно ниток и кусочков ваты от бушлата. Их не видно. Вообще не видно. Долго его ковырять я тоже не могу, так как действие обезболивания заканчивается. И есть у меня сильное подозрение, что кость все-таки задета... Да и вообще, если все тщательно не вычистить, то сепсис практически гарантирован.

Вот блин, не было печали! Я, в раздражении цыкнув зубом, задумался, а потом хлопнул себя ладонью по лбу:

— Настя, вы ведь Витька своим людям передали, значит, у вас выход на больницу есть! И кстати — почему вы сразу не к ним пошли, а сюда приехали?

Девушка посмотрела на меня, как на неразумного:

— Я же говорила, что тот телефон «тревожный». Людей из группы поддержки. Которые вообще в наше городское подразделение не входят. У них другое подчинение. И номер этот — одноразовый! Вообще, первое, что я сделала, когда увидела плечо Толяна, попробовала наудачу связаться с ними. Вдруг они еще от трубки не избавились. Но —

«телефон отключен или вне зоны обслуживания». А больше я просто никого не знаю. У нас ведь как принято — известны лишь члены пятерки, командир и сама «точка». Все! Поэтому нам и обратиться было не к кому. Домой нельзя было соваться, так как хозяин «точки» знал адреса, к знакомым — тоже опасно, вот мы к вам и поехали...

М-да... И что теперь делать? Если рассуждать по уму, то сейчас самое время быстренько зацепить свой баул, сделать ручкой и «колхозникам», и сочувствующим, после чего направиться на автовокзал, взять билет и забыть всех этих революционеров-подпольщиков, как страшный сон. Сами посудите, ну какое мне дело до местных разборок? Завтра вечером, если все сложится путем, я уже дома буду и этот вояж станет восприниматься исключительно как довольно отвратное кино. Но интересно, почему же я тогда все еще стою на месте?..

Тут внутренние самокопания были нарушены Марией, которая, наклонившись над раненым, ласковым голосом спросила:

— Анатолий, как ваше самочувствие?

Оба-на! Очухался, страдалец! Мы сразу все подвинулись ближе к дивану, а очнувшийся Толян, покосившись на свое перетянутое плечо и трубку, уходящую к системе, осторожно кивнул:

— Нормально. Во всяком случае, гораздо лучше, чем было. Голова не кружится, не тошнит и плечо почти не болит.

Ванина вздохнула:

— Не болит, потому что обезболивающее действует. А вот как его действие закончится... — Она вздохнула еще раз и, повернувшись к мужу, добавила: — Так что насчет хирурга и больницы я вполне серьезно говорила. Давайте думать, как же нам быть.

Думы вылились в получасовое перебирание всех знакомых, а также знакомых знакомых, у которых могут быть нужные завязки. Разумеется, говорили только Ванины, потому что я вообще был ни при делах, а «колхозники» все свои варианты перебрали еще в дороге. В конце концов выяснилось, что кроме похода в платную лечебницу, выхода нет. Только все упиралось в деньги. Дьякон, задумчиво почесывая затылок, сказал, что у него есть заначка в двести евро. Если учесть еще мои триста долларов, обещанные ему в качестве оплаты, то должно хватить.

Но я, зная, как обычно поступают врачи в подобных случаях в МОЕМ мире, высказал опасение:

— Слушай, стремно как-то. Ведь вполне может быть, что доктор со страху согласится, а как только ты выйдешь за дверь, тут же звякнет полицейским. Дело-то, как ни крути — подсудное...

Дьякон только рукой махнул:

— Брось! Ты как будто только вчера родился! Я ведь не зря про такие большие суммы говорю. Этого ему и с остальными докторами хватит поделиться, и за риск навар поиметь. Да и вообще — этим многие живут!

Меня терзали сильные сомнения, что как раз этим живут исключительно разные «черные хирурги», которые пользуют братву, но Алексей на мои слова лишь многозначительно ухмыльнулся, и я, чтобы не выглядеть «вчера рожденным», замолчал. Просто подумал, что Ванин все-таки местный и в здешних реалиях разбирается куда лучше меня. Может быть, ЗДЕСЬ с этим вопросом дела обстоят несколько иначе, чем у нас... Единственное, что уже без особых эмоций предложил:

— Может, заранее не ходить? Может, сразу Толика к хирургу привезти и просто поставить того перед фактом? Чтобы он растерялся, испугался и никуда сообщить не успел. А я ему эдак ненавязчиво еще и ствол, продемонстрирую. Да намекну, что у нас длинные руки. Врач и дергаться не станет. А если ему хорошую оплату пообещать и обещание выполнить, так вообще молчать будет...

— Ну ты... даже слов нет! — дьякон слегка задохнулся, продолжив: — А остальной медперсонал в это время в другую сторону смотреть будет? Или, может, ты и в

операционную с пистолетом попрешься? Бред! Зачем все настолько усложнять? Нет, будем делать, как решили!

Я в ответ лишь пожал плечами, а Алексей, поняв, что консенсус найден, деловито стал дербанить свою заначку. Но потом вдруг взбледнул фейсом и, ударив себя ладонью в лоб, пробормотал:

— Как же я мог забыть? Я ведь на уголь отсюда деньги брал...

Стоящая рядом с ним Мария покачала головой и, вздохнув, сказала, что еще сто евро может занять у своей подруги. Только чуть позже, когда люди проснутся.

Дьякон, благодарно улыбнувшись, погладил жену по руке, но я невольно нарушил эту идиллию, легкомысленно махнув рукой и сказав, что деньги не проблема. И только поймав удивленно-изучающий взгляд хозяев, прикусил язык. Но потом, плюнув и на условности, и на свою «легенду», повторил, чтобы финансовыми вопросами никто не парился. Запросят пятьсот сдадим пятьсот. Запросят тысячу — дадим тысячу. Заломят еще больше, разберемся на месте. А специально для Алексея пояснил:

— Или ты думал, что я совсем на бобах сижу и без соли последний ху... э-э... — запнувшись, стрельнул глазами в сторону барышень и поправился: — В общем, деньги у меня есть. Теперь самое главное, чтобы доктор подписался на это дело.

На том и порешили. После чего с трудом заткнули пытавшегося благодарить и извиняться за беспокойство Толяна. А вскоре Мария занялась проснувшимися детьми, которые так и норовили, прошмыгнув в комнату, поглядеть на новых гостей. Позже, когда детский переполох утих, все позавтракали, а часов в девять дьякон двинул вести переговоры со здешними врачами и подбивать их на должностные преступления.

Настя с Ловягиным, измотанные бессонной ночью, уснули, а я, пользуясь тем, что Ванина повела детей к подруге, испросил у нее перед уходом какую-нибудь ветошь, проволочку и немного машинного масла из масленки, которую видел возле швейной машинки. А потому чинно расположившись за кухонным столом, принялся за чистку и изучение трофейного оружия.

Разбирая и протирая трофейные стволы (кстати, на удивление весьма чистые и ухоженные), попутно обдумывал случившуюся ситуацию. Просто самому стало интересно, что за порыв мною руководил, когда я, вместо того чтобы чинно удалиться в сторону автовокзала, остался здесь? Да еще и насчет денег ляпнул... Лешка на меня после этого так пялился, что теперь не может быть и речи о его вере в «штанги для буровой установки». Ужо он мне все теперь припомнит. И незнание тутошних реалий, и несостоятельную «легенду» спекулянта-добытчика, и общую шустрость. Хотя какая теперь разница?

Начнет сильно приставать с вопросами, просто пошлю куда подальше и все. Или вот так грубо и в лоб не стоит?

Прикидывая варианты поведения, я закончил с ПМ и «вальтером», после чего протянул руку за пистолетом Анатолия, который даже сейчас, по прошествии нескольких часов после стрельбы, источал вполне уловимую пороховую гарь. Покрутив оружие, я удивленно хмыкнул. Да, вроде «грач» обыкновенный, но не совсем. Хотя... Быстро разобрав пистолет, убедился, что от нашего ярыгинского ствола он отличается лишь чуть более высокой мушкой и несколько сильнее изогнутым спусковым крючком. А в остальном все то же, отлично мне знакомое еще по службе, оружие. И с ним придется повозиться — вон, в магазине всего три патрона осталось. Значит, пятнадцать Толик по засаде выпустил, поэтому нагара — выше крыши.

Мурлыкая под нос, я раскидал «грача» неполной разборкой, и пока руки работали, снова занялся самоанализом. Все-таки почему же я не уехал? Ведь еще позавчера у меня сомнений бы не появилось в правильности данного решения. Тут скорее всего есть два аспекта. Первый — это то, что возникший практически из небытия группник Волк внес в устоявшееся мироощущение менеджера Корнева свои коррективы. И мне нравится это состояние! Наверное, поэтому я не хочу опять себя ломать, превращаясь в офисную овечку.

А второе... Хм, второе... С этим все гораздо сложнее. Нет, вы только не подумайте, что

тут сыграли какую-то роль высокогуманные соображения. И не потому, что внезапно, как более опытный человек, почувствовал ответственность за ребят. И даже не из-за фигуристой синеглазки Настены, которая почему-то смотрела на меня так, как будто я сейчас из одного кармана достану хирурга со стационарным госпиталем, а из другого длинный список явок и паролей «смирновцев». Нет, не из-за этого! А как это ни глупо звучит — из-за зависти и недопонимания.

Причем это даже не про «колхозников» сказано, а про Ванина. Этот дьякон с журналистским образованием, которого я держал за обычного желчного болтуна, вдруг повел себя так, что я потерялся. Как он искренне обрадовался, встретив людей из сопротивления! И тут же делом, а не на словах, начал доказывать свои намерения. А ведь у человека жена и двое детей. И дураком, который очертя голову может кинуться в авантюру, его вовсе не назовешь. С одной стороны, Лешку можно понять — жизнь тут такая, что и не так раскорячишься. Но с другой — миллионы таких же, как он, живут и не жужжат! Значит, у этого человека есть стержень. Тот самый стержень, что и у меня когда-то был, но который от одного удара судьбы, принявшей облик хамоватого подполковника, согнулся в дугу. Поэтому я ему завидовал. И хотел доказать, что и мы не лыком шиты. Не знаю только, ему или себе...

А недопонимание... Хм, просто мое поколение как-то не привыкло жертвовать хоть чем-то ради того, что не имеет четко выраженного финансового эквивалента. А тут я первый раз в жизни встретил людей, которые рисковали жизнью не из-за денег, не из-за карьеры и не из-за «хорошего бизнеса». Нет, они рисковали из-за чего-то абстрактного, того, что сами считали правильным и единственно верным. Да что там говорить — даже гордые нохи и прочие «повстанцы» всегда боролись за свою «свободу и независимость» исключительно за СКВ.⁵⁴ А эти... эти ребята какие-то СОВЕРШЕННО ДРУГИЕ.

М-да, вот «проф» их бы, наверное, понял. Из рассказов Игоря Михайловича, больше похожих на мифы (ну прямо как будто не про наших дедов и отцов разговор шел, а про героев какой-то утопии), я вынес одно — во времена СССР такие совершенно абстрактные понятия, как «долг» и «Родина», были вовсе не абстрактными, а являлись основополагающими.

Это сейчас, когда какое-то мурло с большой должностью произносит из телевизора подобные слова, значит, оно хочет тебя обжечь. А тогда люди шли на жертвы и точно знали, что их усилия идут не на пополнение чьего-то счета, а действительно на благо всей страны. Наверное, поэтому и страна крепла, и граждане ее жили нормально. Но потом целую страну «кинули», вот и стала вера в эти понятия признаком крайнего лоховства.

А в ЭТОМ мире, в котором Россию нагнули так, что не снилось и в самом страшном сне, еще остались личности, словно пришедшие из рассказов Сосновского. И главное — это не замшелые старички, а мои ровесники!

Хлопнувшая дверь заставила оторваться от странных мыслей, и я, подхватив «вальтер» и заведя руку с оружием за спину, вышел в коридор. Но тревожился зря. Это вернулась Мария, которая, снимая пальто, оповестила:

— Я ребятешек у Зои оставила. Так, думаю, правильной будет. И лекарств у нее кое-каких перехватила, — после чего, пройдя в комнату, поинтересовалась: А как Анатолий?

— Спит. И Настя — тоже.

Ванина кивнула и, подойдя к сопящему на диване Толику, пощупала ему лоб. Удовлетворенно улыбнувшись, сказала:

— Очень хорошо! Температуры нет. Будем надеяться, что все обойдется.

Я обрадованно спросил:

— Так что, госпиталь отменяется?

— Ни в коем случае! Обойдется, это в смысле — без осложнений. Но в больницу надо

⁵⁴ СКВ — Свободно конвертируемая валюта.

обязательно!

После чего достала какие-то ампулы и, осторожно заголив обиженно бурчащего во сне Ловягина, вколола ему два укола. Тот даже и ухом не повел, лишь только перешел с сопения на храп.

Я восхитился:

— Во дает!

Мария вздохнула:

— А чего ты хотел? Человек ранен, измотан, да и крови потерял... Ну да ничего, хирург рану почистит, и мы его за недельку на ноги поставим!.

Я только хмыкнул, но ничего не сказал. Ванина же на мой хмык не обратила никакого внимания и, поправив одежду на Толике, сходила посмотрела, как там Анастасия, а потом уже с кухни позвала меня пить чай.

Пока мы чаевничали, Мария попыталась выведать у меня дальнейшие планы. Только какие можно строить планы, если все зависит от результатов похода ее мужа? Озвучив эту мысль, в свою очередь поинтересовался, есть ли у Ваниных родственники в других городах? Мария вопросу удивилась, но ответила, что ее мать с отцом живут в Тихорецке и больше родственников нет, так как родители Алексея и его старший брат погибли в 2009 году. Из ее рассказа я с удивлением узнал, что Ванины до начала распада страны обитали в Каспийске. А когда там начались крутые разборки и на «некоренных» перестали просто косо смотреть, а начали резать, они собрались и переехали в Тихорецк, к ее маме.

Но в этом маленьком городке Алексей работу найти не смог, и их семья перебралась в Воронеж, где главредом местной газеты работал его однокурсник. А потом редактор сменился и с новым шефом у Ванина начались конфликты, закончившиеся увольнением. Только она не унывает, так как муж у нее и умный, и рукастый, и добытчик, да и вообще, лучше жить впроголодь в холодном Воронеже, чем вообще никак не жить в теплом Каспийске. Вот там было по-настоящему страшно...

Слушая Марию, я только головой крутил. Да уж, натерпелись ребята... Но то, что у них есть куда ехать — это очень хорошо. Лешка в наивности своей еще не знает, во что ввязался, и думает, наверное, что партизанить он может непосредственно без отрыва от жены и детей. Угу, сейчас! Ничего, вот сейчас вернется, и я с ним переговорю. Открою, так сказать, глаза!

Правда, сразу открыть глаза на суровые реалии подпольной борьбы пришедшему из больнички Алексею не удалось, так как для начала выслушал рассказ о его поисках и находке. Оказывается, дьякон за это время успел побывать в одной поликлинике и одной больнице. В поликлинике вышел облом, и как высказался Лешка:

— Я навел справки в очереди и понял, что если этот коновал вросший ноготь без последующих проблем удалить не может, то что говорить про более сложные операции? Да и не занимается он ничем более сложным. А вот в больнице...

В общем, в больничке Ванин вышел на тамошнего хирурга. Тот сначала выкобенивался, но потом, зарядив за операцию пятьсот евро и взяв две сотни предоплаты, назначил время встречи на пятнадцать ноль-ноль. При этом Леха сказал, что приведет брата, случайно словившего пулю в тот момент, когда он, Алексей, крутил в руках найденный на улице пистолет. Подранил своего брата он вчера, поздним вечером, пистолет с испугу выкинул и с утра, видя, что родственнику становится хуже, побежал искать врача. А тайна нужна для того, чтобы полиция не начала его тиранить на предмет хранения огнестрельного оружия. Мол, типа, сами понимаете, что полицейским только повод дай, лишь бы зацепиться.

Доктор вроде в рассказ поверил. Я кивнул — а чего бы ему не поверить. Хотя изначально ребята предлагали совершенно фантастические истории, но я настоял именно на этом варианте «легенды», как на наиболее реальном. Ведь чем-то нужно было объяснить нежелание вмешиваться в это дело полицейских? Хотя, если бы не гипотетическая угроза того, что БОГС оперативно разошлет ориентировки по поводу раненого «террориста», можно было бы вообще не париться. Тогда бы все выглядело по-другому: Эй, где тут доктор?

Помогите! Моему родственнику какие-то отморозки пулю в плечо всадили! Еще вчера! Мы думали, сами справимся, но ему только хуже становится. Что? Полицию в этом случае надо известить и вызвать? Да вызывайте, мне-то что! Только лечите быстрее! Что? Платно?! Да хрен с ним, заплачу, не помирать же человеку!

Но сей шикарный диалог полностью исключала возможность появления ориентировки от БОГС, поэтому и была придумана вышеприведенная версия произошедшего.

Так что теперь, выслушав эмоциональное повествование дьякона и похвалив Алексея за успех переговоров, я перешел ко второй части марлезонского балета. Внимательно глядя на обоих Ваниных, сидящих за кухонным столом, спросил:

— Ребята, вы твердо решили с «колхозниками» связаться?

Лешка гордо изогнул бровь и ответил утвердительно. Мария, глядя на мужа, тоже кивнула.

— А с семьей как же?

Ванин удивился:

— При чем тут семья? Я ведь как работал, так и буду работать. Просто попутно стану выполнять задания «смирновцев». Ну конечно, если Анатолий с Анастасией контакты со своими товарищами наладить сумеют.

Я вздохнул:

— Сумеют, куда они денутся. Мне кажется, что эти «землепашцы» нам не все рассказали и кое-какие варианты у них по-любому есть. Другое дело, что они ими сейчас воспользоваться почему-то не смогли... Но я не про это говорю. Просто если ты будешь проводить акции где-то в другом месте, то это одно. А если в своем городе? Тогда семья станет твоим слабым местом. Надо ведь учитывать возможность попаданий к людям из Бюро. И что тогда? Им даже мордовать тебя не придется, чтобы нужные сведения добыть. Они просто приведут детей в камеру и все...

— Хм, — Алексей криво усмехнулся: — Вот ты о чем... Но этот вариант мы, — он подмигнул жене, — уже обговорили. Я так думаю, что в случае моего ухода в «колхозники» Мария с детьми уедут к родителям. Хотя, честно говоря, сомневаюсь, что люди из сопротивления своих близких обычно куда-то отсылают, так как до захвата заложников БОГС еще не дошел. Но я, коли есть такая возможность, предпочитаю обезопасить тылы. И кстати — спасибо тебе, что подсказать хотел...

Я только руками развел, отдавая должное предусмотрительности дьякона, а тот, резко меняя тему, вдруг поинтересовался:

— Сергей, ответь на один вопрос. Когда мы встретились, ты говорил, что какие-то штанги для буровой добыть хочешь. Сегодня утром посмотрел я на эти «штанги». Не подумай дурного, просто сумка была слегка расстегнута и стало видно, что там лежит. В том, что это металл, ты не соврал. Но вот хоть убей, к буровой эти покрытые гравировкой штуки никакого отношения точно не имеют. Это раз. А второе — насчет денег тоже как-то странно получилось. То ты за тысячу долларов анус готов на британский флаг порвать, то ту же самую тысячу мне просто отдал для взятки доктору. Объясниться не желаешь?

Очень хотелось ответить, что «не желаю», но пришлось взять себя в руки и, многозначительно ухмыльнувшись, выдать:

— А чего тут объяснять? Я все, что можно, тебе еще пару дней назад сказал. Что касается «бабок», то считай их просто усиленным взносом на благое дело. Ну а железо... Ладно, это не для буровой. Но для чего, не скажу. Извини, не моя тайна. Так что давай в этот вопрос не будем углубляться и займемся более насущными делами.

Если Алексей и желал что-то возразить, то это осталось при нем, так как в этот момент на кухне появилась Настя. Восхитительно заспанная и внешне совершенно беззащитная. Ну, это если не знать того, что у этой девушки есть интересная привычка таскать в кармане гранату, а за поясом пистолет. Правда, сейчас все вооружение лежало в куртке, а сама Анастасия, сладко позевывая, сначала поинтересовалась делами Толика, а потом, стрельнув в мою сторону глазами, что-то прошептала на ухо Марии. Правда, я все равно услышал, что

это небесное создание интересуется, где у Ваниных туалет расположен. Но как истинный джентльмен, сделал вид, что не понял, о чем речь, и, глядя вслед девушке, только цыкнул зубом, предложив:

— Ладно, хорош болтать, давайте лучше думать, как, когда и каким составом к больнице выдвигаться станем.

Лешка наморщил лоб:

— Чего тут думать? Доктор сказал — к трем примет. Значит, минут в пятнадцать третьего я, Толик и ты поедem к нему. Пока доедем, пока то, се...

— Не-а, я отрицательно мотнул головой, — не пойдет. Выдвигаемся через сорок минут. И едем все! В смысле, кроме Марии, конечно.

— И что мы там полтора часа делать будем? Да и зачем? Пусть лучше Анатолий отоспится. Говорят ведь, что сон — лучшее лекарство!

— Зачем, говоришь? — Я тяжелым взглядом оглядел супружескую пару и объяснил: — Затем, чтобы обстановку контролировать. С Ловягиным за это время ничего не случится, он и в машине и на лавочке покемарить сможет. А мы пока посидим, понаблюдаем, что там и как. Кто его знает, чего хирургу в голову может прийти...

Ванин фыркнул:

— Опять снова-здорово! Ведь все уже обговорили!

Я шумно выдохнул, подумал и, решив не грузить народ массой вновь одолевающих меня сомнений, коротко сказал:

— Может, я, конечно, и гоню, но давай не будем спорить и сделаем, как предлагаю. Хуже от этого никому не станет.

И тут меня неожиданно поддержала Мария:

— Сергей правильно рассуждает. Надо пораньше туда приехать. Так что я пока пойду, Анатолия подготовлю. Не зря ведь лекарств набрала...

На том и порешили. А пока Ванина «готовила» Толяна, я инструктировал Настю и Лешку. И в начале второго мы уже ехали в сторону больницы.

ГЛАВА 11

— Сергей, обрати внимание вон на тот «шевроле».

Настя подбородком указала на тонированный «субурбан»,⁵⁵ медленно плывающий под шлагбаум, стоящий на въезде в больничный комплекс.

Я кивнул:

— Вижу. Но мне кажется, что для здешней полиции это чересчур шикарная машинка. Так что — расслабься...

Но Анастасия, плотнее ухватив меня под руку (вызвав, честно говоря, чертовски приятные ощущения), пояснила:

— У полиции таких автомобилей точно нет. Но машина дорогая, а «крутые» обычно в такие больницы не ходят. Это ведь средний класс, а они предпочитают более дорогие частные клиники. Поэтому я и удивилась.

— Чему тут удивляться? Может, это какой-нибудь чел из братвы любимую больную тещу навестить решил? Или главврач сей богадельни на работу приехал. Но за наблюдательность — «отлично»!

Девушка покраснела от похвалы, а я подумал, что Леха прав — и вся эта затея с предварительной разведкой и обнюхиванием подходов выглядит достаточно параноидально. М-да, тут я, похоже, перебдел. Хорошо еще, что девчонке все преподнес как обучение в полевых условиях, а то бы выглядел в глазах Насти полным идиотом, если не сказать больше...

⁵⁵ Chevrolet Suburban — американский внедорожник.

* * *

Вообще, приехав на место (не к самой больнице, а проехав за перекресток), мы остановились и, сидя в машине, наблюдали за парковочной площадкой. Просидев минут сорок и выслушав все, что Алексей думает относительно пугающихся собственной тени перестраховщиков, я решил прогуляться. А чтобы не было скучно, захватил с собой Настю. И как средство отвлечения постороннего внимания, и для общей приятности. Сделав пару кругов вокруг больницы, попутно объясняя уж очень приглянувшейся мне девчонке, зачем и почему мы это делаем, я осматривал местность, отмечая для себя въезды и выезды с территории, а также входы и выходы самого комплекса. Один раз во время обхода сильно напрягся — когда увидел въезжающую на территорию патрульную машину. Но она была не по нашу душу — два мента вытащили из нее какого-то сильно хромающего мужика и, подгоняя легкими тычками в спину, погнали его куда-то внутрь. А минут через двадцать та же тройца выползла наружу и укатила.

Я облегченно выдохнул, но решил поменять способ разведки. Долго маячить в виду главного входа нам было не с руки, так как людей на улице практически не было и фланирующая на ветру парочка могла привлечь к себе ненужное внимание. Да и снаружи я уже все, что надо, увидел. Теперь мне было интересно узнать, как там внутри. Поэтому, завернув в магазин и купив коробку конфет, мы направились напрямик в главный корпус. Там, как я и предполагал, все было вполне ожидаемо. В смысле, в этой больничной планировке сам черт ногу сломит. Меня вообще все время поражали подобные заведения, спроектированные так, как будто они специально делались, чтобы затруднить поиски нужного места. Но мы с задачей все равно справились, идя путаными коридорами и переходами и найдя все четыре выхода из корпуса. Включая один пожарный (запертый изнутри на здоровенный висячий замок), один служебный и один — для машин «скорой помощи».

Еще для себя отметил — весь персонал рассекал не в белых халатах, а в каких-то синезеленых робах. Я сначала удивился, но потом понял, что, наверное, это и есть отличительный признак данной клиники. То есть вот за эти самые роботы, а также за надменно-важное выражение на лицах врачей с тебя за лечение слупят гораздо больше, чем в любом другом месте.

Но это так, отвлеченные мысли. А вот совсем не отвлеченными и очень даже конкретными были увиденные мною видеокамеры в углах, напротив трех главных входов. Причем снаружи никаких камер не было, и для чего они нужны внутри, я так и не понял. Но долго ломать над этим голову не стал, и мы, пошарившись по первому и второму этажам среди немногочисленных посетителей, направились к регистратуре. Там, с конфетной коробкой наперевес, я затребовал указать местонахождение терапевта Епифановой. Дескать, пришел поблагодарить доктора за лечение отца, но найти ее не могу. Крашенная в блекло-желтый цвет блондинка за стойкой показала зубы в фальшивой улыбке и оповестила, что Епифанова сегодня выходная.

Ну дык, еще бы не выходная — зря я, что ли, изучал вывешенный на стене график работы врачей. Поэтому, сожалеюще разведя руками и пообещав прийти завтра, подхватил Настю под руку и направился на выход.

А когда мы вышли из корпуса, молчавшая Анастасия поинтересовалась:

— Я поняла, для чего надо было осматривать объект изнутри. Но вот зачем ты искал эту Епифанову, так и не дошло.

Прикурив, я пожал плечами:

— Просто все и всегда надо доводить до конца. Ведь для тебя это считай тренировка, так что мотай на ус.

Девушка улыбнулась:

— Так мне вроде не на что мотать?

— Хм, считай — уела. Ладно, объясню на пальцах. Смотри сама — мы вошли внутрь. Начали ходить по всему первому этажу. А до этого, проходя мимо информационного стенда, я обратил внимание, что на первом этаже располагается терапевтическое отделение. Чуть дальше висел график работы врачей, где я выбрал фамилию отсутствующего на сегодня доктора-терапевта. То есть создал себе хорошую отмазку. Ведь если бы кто-то нас вдруг спросил, а кого мы, собственно говоря, тут ищем, ответ у меня уже был — Епифанову. Потом мы поднялись на второй этаж, где находилась хирургия. В холле сидели две тетki и мужик с авоськой. А в открытые двери отделения были видны спокойно фланирующие больные. То есть мы убедились, что группа захвата, которая своим появлением, так или иначе, переполошила бы и посетителей и калек, здесь не появлялась. А к регистратуре подошли, потому что надо было отработать легенду до конца. Ты ведь камеры слежения видела? Ну вот, даже если вдруг кто-то потом будет просматривать записи и обратит внимание на нас, то та блондинка за стойкой скажет, что это приходили благодарные родственники бывшего пациента. Все. Мы — не словлены.

Настя кивнула:

— Ага, и даже те конфеты играли на нас. Чистая психология... И хоть сейчас это можно было и не делать, но я поняла, почему ты так поступал. Спасибо за науку.

После этих слов девушка, благодарно улыбнувшись, дружески положила свою ладошку мне на руку. Я моментально растаял и тут же захотел выдать еще что-нибудь умное и многозначительное. Но ничего придумать не смог, поэтому просто улыбнулся в ответ, и мы пошли сообщать мужикам, что дорога свободна.

Ванин, услышав мой доклад, только злобно фыркнул и, еще раз упомянув недобрым словом долбанутых перестраховщиков, которые заставили раненого больше часа, вместо того чтобы лежать в теплой постели, сидеть в холодной машине, завел двигатель. Глянув на часы, я возмутился:

— Эй, куда вы намылились? Сейчас только половина третьего! Еще с полчаса тут постоит, а мы перед самым вашим выходом еще раз проверим, что там и как.

Но Алексей тихо рявкнул:

— Иди ты знаешь куда? Ты на Толика посмотри — у него уже температура поднялась! Так что ждать больше не будем.

— Блин, а машину ты куда повел? Договаривались же, что на парковку заезжать не будешь!

Но Ванин вместо ответа лишь зло глянул на меня и включил передачу.

Вот мутило поповское! Идиота кусок! И что мне теперь — драться с ним? Я раздраженно сплюнул и, радуясь, что находящаяся в салоне, возле Ловягина, Настя не слышала нашей свары, сказал:

— Ладно, делай как знаешь. Но сейчас — тормози. Мы с Настеной пойдем своим ходом.

Дьякон прижал тормоз, бросив напоследок:

— Параноик!

И дождавшись, когда я выведу девушку, взревев мотором, поехал к больнице. Настя растерянно посмотрела вслед «уазику» и сказала:

— Вроде уговор был, что машина внутрь заезжать не будет?

Я, с трудом удержав готовое сорваться с языка ругательство, ответил:

— Планы поменялись. У Ловягина температура поднялась, незачем его лишний раз по этому ветругану водить.

— А мы что делать будем?

— У нас все без изменений. Идем к больнице и наблюдаем.

Настя согласно кивнула, опять взяла меня под руку и мы потопали по улице. Пока шли, я успокоился и внутренне уже где-то согласился с Алексеем. Оно ведь действительно, для обычного человека все мои телодвижения и опасения выглядят как приступ острой трусости. Но меня так учили — все просчитать, взвесить и где можно подстраховаться. И лишь только

потом — действовать. Но может быть, в этом конкретном случае я дую на воду? Наверное, потому, что толком не знаю, как работают здешние спецслужбы, вот и перестарался... А, ладно, все равно ничего уже не исправить — вон эти двое уже в здание зашли, так что мы будем стоять снаружи и курить бамбук.⁵⁶

Чем, в общем-то, и занялись. Я взял в ларьке неподалеку от входа какие-то подозрительные гамбургеры, единственным достоинством которых было то, что они горячие, и мы, стоя на пустой автобусной остановке, принялись наблюдать.

А потом состоялся наш диалог, в ходе которого я подытожил:

— Так что во время проведения осмотра местности ты должна сама понимать, какие детали важны и нужны, а какие можно отсеять. Вот, например, как этот «шевроле». Просто на будущее знай: оперативные работники никогда не будут пользоваться настолько приметной машиной. Я уж молчу, что такая тачка им просто по рангу не положена. Значит, на нее можно внимания не обращать. А общий вывод таков — ни внутри, ни снаружи больницы ничего подозрительного мы не обнаружили. На парковочной площадке никаких крепких, плечистых ребят нет. В больничке тоже все спокойно. Получается, что доктор собрался честно отрабатывать свои...

И тут я заткнулся, так как на парковку лихо зарулил светло-серый обшарпанный микроавтобус «Форд». А когда он остановился, оттуда бодренько выскочили трое мужиков и быстрым шагом двинули к больничному корпусу.

Настя, проследив мой взгляд, заинтересованно спросила:

— А про этих ты что скажешь? Что говорить, я пока не знал, но зато отчетливо ощутил, как по спине прошла ледяная волна, как тогда, в Израиле. А когда один из этих мужиков на секунду остановился возле нашего «уазика» и, кивнув на него своим спутникам, пошел дальше, я убито выдохнул:

— Пипец, похоже — приехали...

Наверное, вид у меня был очень красноречивый, так как девушка, напряженно сузив глаза, спросила:

— Ты считаешь, что они могут быть из полиции?

— Я считаю исключительно до пяти. А эти орлы могут быть кем угодно. Но наш рясоносный друг с утра сюда приезжал на своем зеленом рыдване. Прямо на стоянку вперся, чувырла братская. И доктор, если он вздумал стукануть, вполне мог видеть, что Лешка садится в «УАЗ». А ЭТИ «уазик» для себя ОТМЕТИЛИ. Может быть, конечно, они фанаты советских машин, но такое внимание мне категорически не нравится.

Глянув на часы и увидев время, коротко матюгнулся. Блин, без десяти три! Если бы меня все слушались, то все было бы нормально. И даже если приехавшие оказались ментами, то они бы остались с носом. А сейчас... а что сейчас? Сейчас остается только смотреть и ждать. Но если все обойдется, Ванину морду начищу — это к бабке не ходи. Привью через мордобой понятие дисциплины.

И еще одно — менты не должны мешать операции. Ловягин, как ни крути — пострадавший и медпомощь ему по-любому оказывать надо. А вот Ванина они постараются «закошмарить». Хотя бы для того, чтобы стясти с него денег, так как доказать то, что это он стрелял в Толика, полиция не сможет. Да и не надо им этого. Но крутить будут и без взятки не отпустят. Кстати, это я еще рассматриваю самый лучший вариант. В смысле, если полицейские ориентировку еще не получили. Или получили, но не заострили на ней внимания. Тогда я даже не вмешиваюсь и просто даю Марии денег, для выручки мужа. Но вот если через десять минут выведут обоих наших парней... Значит — дело швах. Значит, их обоих взяли как «террористов». И тогда ребят надо будет срочно выручать. Причем выручать жестко. Вот зараза! Знать бы, какой вариант сыграет! Тут ведь дело в чем — если берут только Алексея, то дергаться не надо. А вот если еще и Толика, то мне необходимо

⁵⁶ Курить бамбук (слэнг) — выражение обозначающее бездеятельность.

предварительно нейтрализовать водилу микроавтобуса и только потом разбираться с теми тремя ухарами. И как поступить?

Почесав нос, я сплюнул и принял решение. Ведь кто у нас пессимист? Это просто хорошо информированный оптимист. А информацией я владел и точно знал, что по «горячим следам» раскрывается подавляющее большинство преступлений. И значит, в нашем случае все полицейские первые дни: будут носом землю рыть, досконально отрабатывая каждый сигнал о поступлении раненого. И плевать, что до Коломны, где все произошло, больше полутысячи километров. В нынешнее время это не расстояние. Так что надо исходить из худшего и не надеяться на чисто финансовое разрешение ситуации. А пока надо подстраховаться.

Повернувшись к Насте, я достал «вальтер», загнал патрон в патронник и, взяв девушку за руку, проникновенно попросил:

— Слушай меня внимательно. Я сейчас прогуляюсь туда. Ты за мной не ходи. И если вдруг что-то начнется, не лезь. Ни в коем случае не лезь. Очень тебя прошу. Мне на сегодня и одного своенравного придурка выше крыши хватило. Да, и еще — дай свою гранату.

Анастасия, глядя мне в глаза, кивнула и, передавая оливковый кругляш американской «бомбочки», ответила:

— Я все поняла. Если начнется заваруха — не вмешиваюсь. А что делаю?

Блин, я уже люблю эту девчонку! Ни споров, ни соплей, ни выяснений! Она лишь только уточняет для себя задачу. Удовлетворенно хмыкнув, ответил:

— В этом случае отслеживаешь ситуацию, а потом ловишь тачку и пулей к Ваниным. Берешь в охапку Марию, ну и дальше — по обстоятельствам. Но в любом случае вам в доме оставаться нельзя. И еще... хотя — отставить. На этом все.

Я хотел было попросить барышню, чтобы в этом случае она обязательно прихватила мою сумку с железом, но, уходя, я ее так заныкал в дальнем углу огорода, что фиг найдешь. Так что пусть портал лежит, где лежит.

— Задача ясна?

— Да. Только... — Настя замялась: — Ты там осторожней...

От ее слов последние сомнения в правильности выбранного решения пропали окончательно. Хотя до этого, честно скажу, еще были колебания.

Ну да, компания моих новых знакомых — люди, конечно, необычные. И борются вроде за правое дело. Во всяком случае, я их хорошо понимаю. У самого, когда я вижу, что тут творится, в душе комок ворочается. Но раньше я наблюдал за всем этим как бы со стороны. Особо не вникая, и даже если помогал, то исключительно для того, чтобы самому не попасть в переplet. Только мысль, которая меня накрыла часа два назад, когда я чистил пистолет, независимо от желания продолжала крутиться в голове и, в конце концов, вылилась в простое осознание. Осознание того, а на хрена я вообще тогда живу? Допустим, плюну на ребят, захвачу портал и уйду к себе. И что? Просто выполню просьбу Сосновского, после чего он будет дальше ставить свои эксперименты. А я? Шкура, конечно, будет целая. Но вот дальше-то что? Становиться барыгой и ковать «бабки», благо стартовый капитал имеется? Еще неделю назад такая идея у меня была основной. Но сейчас понял, что основной она была от безвыходности. Зато теперь стала вызывать крайнее отторжение.

Наверное, потому, что чуть ли не впервые в жизни встретил самых обычных людей, для которых деньги и личное благополучие не главная цель в жизни. И этим отношением они мне сильно напомнили пацанов из нашей бригады СпН. Ведь там для нас понятия «долг» и «честь» не были пустым звуком и словосочетание «родину защищать» не вызывало глумливые ухмылки. Конечно, всякое случалось, но в основном дело обстояло именно так. А потом я выпал из обоймы и стал сам себе напоминать кутенка, попавшего к барсукам. То есть рыть норы и жрать жучков уже научился, но это занятие мне категорически не нравилось. Так чего мне трястись за жизнь, когда ТАМ я буду просто тихо и скучно доживать отмеренный срок в барсучьей шкуре? Только вот не надо считать Корнева долбанутым на всю голову. Желание спокойствия и комфорта мне вовсе не чуждо. Но что

делать, если с самой юности ты был заточен на совершенно другое? И был этим счастлив. А здесь ведь тоже Россия. Ограбленная и униженная, но Россия! Родина. И, оказывается, вовсе неважно, в каком она времени и пространстве находится...

Я сам не ожидал такой реакции от себя, но что есть, то есть. Появилась сильная уверенность, что именно тут мое место. И теперь я стал отлично понимать парней, которые после войны не вписывались в мирную жизнь. Просто там были совершенно другие отношения между людьми. Словами этого не передать, это надо только прочувствовать. И спивались мужики, прошедшие Афган, Чечню или Грузию не потому, что им не хватало адреналина или они были обижены на весь белый свет. Вовсе нет! Спивались они из-за того, что не стало этих отношений. Когда да — да, нет — нет, а остальное — от лукавого. А здесь, среди моих новых знакомых, я чувствую — будут именно такие отношения. Ведь знаю ребят буквально пару дней, но при этом твердо уверен, что они — НАСТОЯЩИЕ. Только я ведь тоже не игрушечный. И окончательно осознал это только сейчас. Так что — сомнения побоку и вперед! А там — война план покажет.

И для начала помогу мужикам выпутаться из ситуации, в которую они попали.

Поэтому, когда Настена попросила меня быть осторожнее, я только подмигнул девушке, кивнул и, сжимая в кармане пистолет, неторопливо направился в сторону серого больничного корпуса.

* * *

Приблизившись к «форду», не стал рваться внутрь, дабы с громкими павианьими криками мутузить шофера. Вовсе нет. Просто, остановившись в пару метрах от водительской двери, сначала лениво жевал гамбургер, а потом заинтересованно уставился на заднее колесо микроавтобуса. Водила, кинув на меня мимолетный взгляд, отвернулся. Потом опять посмотрел, уже более внимательно. В конце концов, не выдержав, приоткрыл окно и недружелюбно рявкнул:

— Чего пялишься?

Я, запихнув последний кусочек безвкусного бургера в рот и вытирая бумажкой жирные пальцы, лениво ответил:

— Да вот, думаю, каким чайникам надо быть, чтобы на спущенном колесе ездить? Или у тебя тачка казенная и резину не жалко?

Шоферский инстинкт сработал, как надо. Водитель, коротко матюгнувшись, распахнул дверь и, не вставая с сиденья, высунулся из машины, чтобы посмотреть на возможный ущерб. А я сделал шаг и рубанул противника по незащитному затылку. Точнее говоря, чуть правее затылка — в точку за ухом. После чего подхватил безвольно обмякшее тело, не давая ему выпасть, и запихнул обратно в кабину. Бросив быстрый взгляд по сторонам, убедился, что моя эскапада не привлекла ничьего внимания. Три тетки, груженные пакетами, как раз проходившие по дороге, ведущей к главному входу, даже головы не повернули. А что касается возможной засечки из самого больничного корпуса, то я надеялся на то, что в окно в этот момент никто таращиться не будет. А даже если и будет, то «форд», стоящий пассажирскими дверями к корпусу, прикроет свершившееся безобразие.

В общем, особо не таясь, я, засунув бессознательное тело в машину, пристегнул водителя ремнем безопасности так, чтобы со стороны он был похож на спящего человека, и быстро обыскал. После того, как обнаружил пистолет в оперативной кобуре, лишь довольно крикнул. Значит, логика и наблюдательность меня не подвели. Эти типы действительно силовики. И удостоверение, извлеченное из нагрудного кармана, развеяло последние сомнения. А явились они по нашу душу или нет, станет ясно через пять минут.

После нейтрализации шофера (полчаса отруба ему гарантировано) я снова отошел в сторону, расположившись на этот раз возле закрытого на обед киоска неопределенной торговой направленности. То есть сверху на нем было написано «Аптека», но на прилавках лежал стандартный набор вещевой палатки. Ухмыльнувшись непостижимому полету

русской мысли я, делая вид, что разглядываю выставленные за стеклом полотенца, принялся ждать. Ожидание не затянулось, так как буквально минут через пять дверь главного входа больницы распахнулась и на широком, крытом крыльце появились мои знакомые. Причем в наиболее хреновой вариации. В смысле — менты взяли обоих: и Ловягина, и Ванина. И заковали тоже обоих. Точнее, пошатывающийся Толян был прицеплен за здоровую руку к невысокому, крепенькому мужику, а окольцованного Леху придерживали за локти еще двое, один из которых обладал самой кавказской внешностью.

Вот, кстати, тоже интересная особенность — Северный Кавказ здесь от России отделен. И даже воюет с ней. Но почему, сколько я ни видел здешних полицейских, хоть один человек в патруле, да обладал весьма своеобразным профилем? Хотя, может быть, именно так и выражается страстная любовь тутошних демократов к джигитам? А что, у них много точек соприкосновения — и те, и другие умеют и любят красиво говорить. И те, и другие любят пустить пыль в глаза. И те, и другие безбожно врут людям не своего круга. М-да... и как завершающая точка — и те, и другие видят в местном населении лишь бессловесное быдло, которое можно и нужно грабить. Хм, если сюда добавить еще бандитов российских, обыкновенных, то получится вполне устойчивый и близкий по духу триумвират. Причем, демики, как бы они ни пыжились, в нем будут играть исключительно роль яркой и крикливой ширмы. Ну, в общем, как оно и было у нас в девяностые...

Но я несколько отвлекся, вон — конвоиры с арестованными уже спустились со ступенек, бодро продвигаясь к машине, так что — пора действовать. И ведь что характерно — страха не было. Вообще! Были лишь радостное предчувствие схватки и твердая уверенность, что все пройдет хорошо. Поэтому я, вынув «вальтер» из кармана и заведя руку с оружием немного назад, оттолкнувшись спиной от киоска, пошел навстречу довольным полицейским. Скорость взял такую, чтобы встретиться с ними непосредственно возле «форда». Подгадал удачно — был буквально в пяти шагах в тот момент, когда высокий парень, отличающийся от своих короткостриженных коллег наличием куцевого хвостика, отпустил локоть Ванина и, открыв дверь машины, рывком в салон:

— Колбаскин, подъем! Хватит харю давить! Колбаскин?

Вот в момент пятисекундной паузы, когда полицейские, столпившиеся возле микроавтобуса, перестали настороженно сканировать взглядами окружающую местность и недоуменно соображали, с чего это их водитель не подскочил спросонья на своем сиденье, я начал работу. Рывком сократив расстояние, впечатал рукоятью пистолета по башке кавказцу, посчитав его самым опасным. Он вроде невысокий и коротконогий, но я с подобными типами как-то уже сталкивался. Рукопашники они были не очень, но вот силой обладали — как у бульдозера. Пока вырубил — запаришься. А мне тут танцы танцевать не с руки. Так что, свалив одного, я, находясь в самой гуще стоящих, звезданул сбоку по колену не успевшего высунуться из салона хвостиконосца и, выдернув его за волосы наружу (а вот не хиппуй и стригись нормально), сунул ствол под нос третьему. Тот имел время среагировать на внезапно появившуюся опасность, только не имел возможности. И это было учтено в составленном плане атаки. Все дело в том, что у Ловягина было ранение в правое плечо, поэтому мент пристегнулся к его левой руке. И, соответственно, пристегнулся за свою правую руку. А когда начался кипеш, задержался, пытаюсь извлечь табельное оружие левой рукой из левой же подмышки. Но подобный трюк довольно неудобен, да еще и Толик мешал ему по мере сил, так что ничего у полицейского не вышло. И Ванин не дремал, а как раз в тот момент, когда я только выставлял руку с «вальтером», лягнул мента в промежность. Попал, не попал — дело десятое, но удар отвлек противника, и он даже не трепыхнулся, когда я, направив на него ствол, прошипел:

— Замри, сука, а то башку снесу! Все здесь, на х... ляжете!

Видно, морда у меня была слишком красноречивая, так как полицейский поверил угрозе моментально и безоговорочно, после чего дал себя разоружить. Высокий, подвывающий от боли в колене, тоже был не против расстаться с пистолетом. Точнее, может быть и против, но кто у него спрашивать будет? Секундой позже, забрав оружие и у

лежащего кавказца, я скомандовал:

— Длинный, теперь хватай своего горбоносого коллегу и лезь в салон. Только без шуток, а то моментом пулю словишь! Глубже, глубже его затягивай! На заднее сиденье! — После чего дал распоряжение второму дееспособному полицейскому и пристегнутому Толяну: — Теперь вы грузитесь!

Когда это было выполнено, открыл переднюю пассажирскую дверь и, запустив туда Ванина, выдохнул. Ну, в общем-то, практически все. На нейтрализацию противника ушло менее минуты. И главное — свидетелей не было! А теперь, даже если кто и пройдет мимо, то никакого внимания ни на стоящего возле машины, ни на сидящих в ней людей просто не обратит. Оставался только чересчур законопослушный доктор, который вполне мог смотреть в окно, но тут уж ничего не поделаешь. Да по-любому, пока тот гад позвонит и вызовет подмогу, несколько минут есть. Так что — продолжим:

— У кого ключи от наручников? Ага... Ты, в темпе их отстегивай и на себя надевай. Не так! Продень через дверную ручку и надевай. Да, правильно. А ты, длинный, давай сюда вторые ключи!

Получив требуемое, освободил Ванина и, притянув дьякона к себе, прошептал ему на ухо:

— Быстро в свою машину. Берешь Настю, она вон там стоит, и — пулей домой! Собираете все необходимое, после чего ждете нас за мостом, на том берегу. Учти — на сборы вам не более двадцати минут!

Алексей, вся бородка которого была залита кровью, сочащейся из носа (видно, сопротивлялся при взятии), кивнул и дисциплинированно повторил:

— Беру Настю, дома быстро собираюсь и жду за мостом. Все понял.

— Добре. Выполнять!

Лешка только что не козырнул, бросившись к своему пепелацу, но я, озаренный внезапной идеей, его остановил и, забрав телефону сидящего в уголке полицейского, передал «сотку» Ванину. А потом, отпустив дьякона (как я понимаю, уже бывшего дьякона), пристегнул длинного к кавказцу. Причем для страховки пропустив наручники через трубу крепления сиденья. В общем, создав из пленных довольно компактную, монолитную композицию, отдал один пистолет Ловягину и занялся водилой. Перекантовав последнего на пассажирское сиденье, завел двигатель и, развернув машину, резко газанул, увозя весь наш кагал подальше отсюда.

* * *

А чуть позже, загнав микроавтобус на территорию какой-то заброшенной промзоны, приступил к потрошению «языков». Точнее, просто к допросу, так как умные полицейские и не думали особо запираяться. Их даже бить не пришлось, так — лишь немного поугрожать. Да еще и окружающая обстановка хорошо помогала. Сырые стены цеха, все в каких-то потеках, кучи ржавого мусора по углам и сюрреалистический скрип цепей кран-балки на сквозняке, сифонящем из разбитых стекол, весьма способствовали появлению словесного недержания. В общем, въехав в этот очень удачно подвернувшийся объект тяжелого машиностроения, я первым делом перецепил пленных по-новому. Двух бессознательных скрепил «валетом» и оставил в машине, а оставшуюся парочку развел по углам и приступил к опросу. И он выявил всю картину.

Оказывается, все было несколько проще, чем я предполагал. Хитрожопый хирург, получив свои две сотни, не пожелал далее покрывать возможных преступников и законопослушно стуканул. Причем не просто в полицию, а в преддверии грядущего куша, он позвонил знакомому менту (как раз тому, третьему, который потом к себе Толика пристегнул). Полицейский, оценив возможность наживы, тут же свистнул друзей-оперов и на служебной машине двинули брать лоха. При этом начальству, разумеется, не было сказано ни слова. То есть поделиться бы потом поделились, но пока была не ясна общая

сумма возможной взятки, решили больше никого в это дело не посвящать. В принципе — практика обычная и довольно отработанная. Но в данном случае давшая сбой, так как ориентировку на искомого «террориста» менты получили еще утром. Нет, никто из этой тройки вовсе не рассчитывал наткнуться на ее фигуранта. «Смирновцы» настолько глупо не попадают. И тем больше было удивление оперативников, когда в больнице они неожиданно для себя вдруг опознали искомого БОГСом «колхозника»! Сразу стало понятно, что про вымогательство можно забыть, но зато в перспективе замаячил резкий карьерный рост в виде новых званий, благодарности и (чем черт не шутит) — премии. Когда все это дошло до полицейских, они, подпрыгивая от восторга, тут же потянули «террористов» к машине, намереваясь быстренько поставить арестованных пред начальственными очами. При этом так торопились, что даже предварительно не отзвонились и не доложили о своей удаче.

Услыхав про это, я довольно потер руки. Зашибись! Даже не ожидал, что все настолько хорошо сложится! А то все ломал голову по поводу того, как нам толпой, да еще и с детьми, выходить из города, «уазик» засвечен по самое «не могу» и его использовать нельзя — тормознут на первом же посту. Воспользоваться услугами автовокзала тоже нельзя — каждый из патрульных был бы извещен. Про обычный жэдэвокзал я вообще молчу. А так — никто еще ничего не знает! Хотя...

Доктор, падла, мог смотреть в окно и поднять шухер. С другой стороны, это можно быстро разяснить. Оставив длинного, у которого перепроверял сведения, полученные от второго мента, я вернулся обратно и, сунув хирурговскому знакомому телефон, сказал:

— Звони своему Гиппократу. Поблагодари за наводку. Скажи, что с тебя — поляна. У вас отношения позволяют так говорить? Ну, вот и хорошо. А если доктор видел нашу разборку во дворе, объясни, что это над вами так пошутили сотрудники другого отдела. Идиоты, дескать, что с них возьмешь? И ненавязчиво поинтересуйся, не сделал ли врач панический звонок в полицию?

Пленный угрюмо посмотрел на меня и глухо поинтересовался:

— Я позвоню, а дальше что?

Шмыгнув носом, ответил:

— Сделаешь все правильно — будешь жить долго. Мы просто уйдем отсюда, а вам заткнем рты и упакуем в машине. Бензина там почти полный бак, так что с печкой — не замерзнете. Ну а облажаешься — извини. Тут все и ляжете...

Говоря эту фразу, я вовсе не врал. Нет, по всем существующим правилам, их надо мочить. Это аксиома для подобных случаев, вбитая еще в институте. Но... Начнем с того, что вот так просто выстрелить связанному человеку в голову я оказался не готов. Угу, одно дело теоретически знать, что «при действиях на враждебной территории, свидетелей, способных доложить врагу сведения о численности и вооружении разведгруппы, необходимо уничтожать, невзирая на пол и возраст». И другое дело — применить это на практике. Практики у меня не было. Более опытных людей, могущих расстопорить внезапно возникший внутренний тормоз, рядом тоже не было. Вот я и засбоил...

Да и мысль постоянная сидела, что если доктор все видел и успел отзвониться, сделанная сейчас куча трупов потеряет всякий смысл. Живые они будут или мертвые — роли не будет играть, так как нас просто возьмут на выезде из города.

Но через пять минут, после того как полицейский переговорил со своим стукачом, я расслабился. Выяснилось, что хирургу было вовсе не до махания платочком вслед арестованным, так как сразу после быстрой драки в приемном покое, где вязали моих друзей, он был вызван к начальству для дачи объяснений. Телефон был на громкой связи, поэтому я хорошо слышал, как этот мудила жаловался, что из-за непрофессионализма ментов, устроивших потасовку и тем самым сделавших тайное явным, ему пришлось делиться гонораром и отдать целый полтинник евро хапуге-главврачу. Еще и на компенсацию намекал, сволочуга корыстная! Мой пленник, услышав про компенсацию, среагировал правильно и, сказав, что поляна за наводку, конечно, за ним, но вот все остальное — это

личные проблемы доктора, отключился.

Настроение резко повысилось. Значит, времени, чтобы свалить, у нас вполне хватает. На несколько секунд я задумался, как бы половчее оформить отход, но мент, глядя в мои остекленевшие глаза, расценил эту задумчивость по-своему и напряженно сказал:

— Парень, ты же обещал... Да и какой смысл стрелять, если к вечеру нас все равно хватятся? И на доктора выйдут по-любому. Он номер «УАЗа» знает, значит, хозяина машины вычислить — как два пальца об асфальт. То есть вас все равно искать начнут. Но вы-то к тому времени на другом конце страны будете! И наша смерть тебе ничего не даст. Так зачем брать лишний грех на душу?

Глядя на его побелевшее лицо, я только хмыкнул. Ну надо же, как у людей в критической ситуации соображалка работает! А ведь он прав. Не через них, так через хирурга, на нас выйдут. А ведь «лепила» насчет сегодняшнего громкого ареста явно не молчал, значит, уже как минимум половина медперсонала в курсе произошедшего. Так что, даже если бы я, следуя правилу разведки, захваченных пленных сейчас перебил, это бы ничего не решало.

Поэтому, вместо всеобщего мочилова, еще раз произвел тщательный обыск всех «языков» (включая уже очнувшегося водителя и бессознательного кавказца), после чего, используя аж четыре пары наручников, тщательно упаковал их всех в машине.

А чуть позже мы с Толгасом уже шли пехом к выходу из промзоны. Глядя на пошатывающегося Ловягина, участливо спросил:

— Ты как? Живой еще? Идти сможешь?

Тот вздохнул:

— Знаешь, когда нас вязали, чувствовал себя гораздо бодрее. Но теперь что-то опять развозит...

— Это отходняк после стресса. Во время ареста тебе адреналин так в вены шарахнул — сразу про все болячки забыл. Но как расслабился — вспомнил... Ну да ничего, сейчас мотор словим и поедем. А там, глядишь — Мария не протормозила и свои лекарства с собой взяла. Так что потерпи.

Ловягин ухмыльнулся:

— Куда я денусь!

ГЛАВА 12

Мария не протормозила, просто у нее больше не было обезболивающего. Это выяснилось после того, как мы, предварительно забрав мой баул с железом, прибыли на место randevu. Толику к тому времени явно стало хуже, поэтому прежде, чем выехать из города, пришлось заскочить в аптеку. Алексей остался за рулем, а я пошел вместе с его женой затариваться лекарствами. А когда зашел, понял, почему эта аптека имеет собственное название — «Мечта». Это, реально — мечта наркомана! Я во всех этил триметилфентаилах⁵⁷ и прочих диконалах⁵⁸ не очень шарю (у нас в армии в основном промедол⁵⁹ был), но вот аккуратно расфасованная маковая соломка меня просто потрясла. Так же, как и разноцветные таблетки «экстази», лежащие кучей в большой коробке.

Но Мария на мой обалдевший вид не обратила никакого внимания и быстренько закупила все, что было необходимо. М-да... Глянув внимательнее на цены, я лишь крикнул

⁵⁷ На слэнге — «Крокодил» — синтетический наркотик с «эффективностью» в 5000 раз сильнее морфина. Привыкание 100 процентов.

⁵⁸ Синтетический «коктейль» из нескольких психоактивных препаратов. Привыкание 100 процентов.

⁵⁹ Относится к группе наркотических анальгетиков. Привыкания нет. «Кайфа», практически тоже нет.

— наркота стоит сушие копейки, зато обычные лекарства не укупишь. Ну да, все правильно. Ведь как Лешка говорил — властями делается все, чтобы «лишние» аборигены, не занятые в добывающих отраслях, вымерли как можно скорее. Меня при этих раскладах другое удивляет — почему в наркоманию еще не все ударились? Нет, наркоши в этом мире встречались неоднократно, но далеко не так массово, как это могло бы быть. Хрен его знает, может это у населения какой-то защитный механизм включился? Или просто из чувства врожденного противоречия народ себя так ведёт? Типа власть делает все, чтобы я в нирвану ушел и сдох побыстрее? А вот хрен вам! Я даже пить брошу, но выживу, хотя бы для того, чтобы этим фактом досадить чиновным князьям! А что, зная характер наших людей, такой вариант тоже не исключается...

Пока я обдумывал этот вопрос, Ванина закончила с покупками, и сопровождаемые настороженным взглядом шкафообразного охранника мы покинули «Мечту». Потом заскочили в еще один магазин и пошли к ожидающему нас «УАЗу».

А после того, как Ловягина накачали всем необходимым, начался наш путь на юг. Точнее, сначала просто выехали в сторону Новой Усмани и уже в дороге мы с Алексеем держали совет, как же быть дальше. Бывший дьякон, которому я вставил фитиль от земли до неба (правда, без задуманного мордобоя), вначале полностью раскаялся в сегодняшних грехах, а потом, когда до него окончательно дошло, что он час назад лишил свою семью дома, впал в зависшее состояние. Но я его растормошил и начал выяснять, что он намерен делать в ближайшее время. Лешка после моего вопроса некоторое время молчал, крутя руль, а потом выдал:

— Завтра к вечеру, если все будет нормально, доберемся до Тихорецка. А там оставлю жену и детей у тещи, после чего опять буду искать хирурга для Анатолия.

Я фыркнул:

— Ты просто зашибись придумал! Или считаешь, что БОГС в это время будет сидеть и сопли жевать, даже не догадываясь о твоих родственниках? А вот фигушки! Зачем, спрашивается, тогда было вообще семью из города срывать? Марию и в воронежском отделении Бюро вполне могли бы допросить по поводу мужа-«колхозника».

Ванин, закулив, помолчал, а потом раздраженно хлопнул по баранке:

— Вот гадство! — и с надеждой глянув на меня, поинтересовался: — А может, они не поймут, что я это я? Хирург ведь моей фамилии не знает? Да и полицейские тоже. Документы, и свои, и Анатолия я в машине оставил, поэтому во время обыска у нас ничего не нашли. А по фотороботу искать —дохлый номер.

Вздохнув, я ответил:

— Сам-то веришь в то, что сказал? Судя по всему — нет, иначе Марии с детьми сейчас здесь бы не было. Зачем им документы, когда у них номер твоей тачки есть? Ты ведь как будто специально перед поездкой к доктору свою колымагу отмыл...

Сказав это, я умышленно не стал больше напоминать собеседнику, что вся бодяга закрутилась после того, как он, несмотря на предостережения и договоренности, возле больницы начал действовать по-своему. Ванин, катнув желваками, оправдываться не стал, лишь пояснил:

— Отмыл, чтобы дорожная полиция не цеплялась. А в остальном — ты прав. Я идиот, каких поискать. Но что касается семьи, считаю, что поступил верно. В любом случае с родителями жене будет легче, чем в одиночку. Да и наши «демократы» пока еще родственников «смирновцев» в заложники не берут, поэтому в Тихорецке Мария с детьми будет в безопасности.

Глядя на решительно настроенного Леху, уточнил:

— Окончательно решил в «колхозники» податься?

Тот хмыкнул:

— А что — сомневаешься?

— Просто интересно, а где вы их будете искать?

Алексей, вздохнув, поинтересовался:

— «Вы»? Значит, ты все-таки уходишь?

Ухмыльнувшись, я ответил:

— Да куда от вас уйдешь? Не бросать же такую веселую компанию посередине дороги? Тем более идея у меня есть, в какую сторону ехать.

А идея, действительно, была богатая. Не знаю еще как жизнь повернется, но вот иметь возможность в любой момент уйти в параллельный мир это есть гуд. Причем огромный гуд. А если у меня там будут люди, готовы в любой момент принять у себя Корнева, так это вообще — просто праздник какой-то. И желательно, чтобы эти люди жили не в Мурманске или Перми, а недалеко от портала. И Ванин на эту роль замечательно подходит. Да и жить ему где-то надо. Ну а позже можно с документами помараковать и его семью втихаря туда же перетащить. Правда, для начала «божьего человека» надо выдрессировать как следует, чтобы четко выполнял приказы и не взбрыкивал, аки конь. Но думаю, что после сегодняшнего до дьякона дошло, насколько чревато его вольное поведение.

Чем дольше я обдумывал эту мысль, тем она мне больше нравилась. Тем более что Алексея все равно надо куда-то определять. Да и Толика с Настей тоже...

Пауза, видно, несколько затянулась, потому что Леха поторопил:

— Так что за идея? Выкладывай!

Махнув рукой, я принял решение:

— Короче — сначала завозим твою семью в Тихорецк. После чего едем в Юрьево. Это недалеко, километрах в двухстах от Тихорецка, на берегу Азовского моря.

— Я знаю, где Юрьево находится. Кстати, ты ведь сам оттуда! Что, хочешь нас к себе пригласить?

— Не перебивай и узнаешь. Так вот, в Юрьево живет мой братан. Алкаш, в последней стадии. Я беру у него документы и на его имя покупаем там дом. Ну а потом будем дальше соображать, что делать.

Ванин удивился:

— Ты что, с дочкой миллионера спишь? Откуда у тебя столько денег? Дом покупать, тратиться... Да еще и документы у брата брать. Свои восстановить не можешь? Непонятно — если хочешь помочь, то зачем такие сложности? Мы ведь просто у тебя какое-то время побудем, а потом уйдем. Или есть какие-то причины нас к себе не приглашать?

Я кивнул:

— Есть. Мне просто приглашать некуда. И с документами тоже не все так просто... С другой стороны — чего я тебя уговариваю? Сам решай — или делаем, как я сказал, или — предлагай что-то свое и будем думать дальше.

Минут пять Алексей молчал, сосредоточенно крутя руль, а потом огоршил:

— Сергей, знаешь, даже не буду спрашивать, где и как мы Толика лечить будем, потому что уверен — у тебя уже есть варианты. Да и я вполне согласен сделать так, как ты предлагаешь. Но ответь мне на один вопрос: а ты вообще — кто? Про «ЮжРосгеологию» можешь даже не свистеть. Про Украину тоже. Просто ЛЮБОЙ человек, живущий на постсоветском пространстве, не может НАСТОЛЬКО не знать некоторых вещей. Даже если он совершенно не интересуется окружающим миром. В тебе для меня понятно лишь то, что ты должен был забрать из района Липцов свои загадочные узорчатые железяки. Остальное — загадка полнейшая.

Улыбнувшись на этот крик души, я подначил:

— А сам как думаешь?

Но терзающийся сомнениями Ванин улыбку не поддержал и ответил вполне серьезно:

— Я много про это думал, перебирая самые разные гипотезы. Но они отпадали одна за другой. Элементарно из-за твоего незнания обстановки. Можно было предположить, что ты придуриваешься, но знаешь, после рассказа о боях в Рязани у тебя в глазах ТАКОЕ появилось, что я даже несколько испугался. Так сыграть невозможно...

— Глаза к делу не пришьешь. Вывод-то какой?

Алексей вздохнул:

— А вывода епт нет. Ведь если оставить голые факты, то получается, как будто тебя заморозили лет шесть-семь назад и только сейчас разморозили. Но этого не может быть.

Я фыркнул:

— Угу, или как вариант — все эти годы я провел в коме и, выйдя из нее, тут же познакомился с тобой.

— Для бывшего коматозника ты чересчур бодр, свеж и прыток. И это сильно удивляет...

Закурив, я спокойно ответил:

— А вот не преумножай сущности — не будешь удивляться. Просто в силу своего журналистского прошлого и общей социальной позиции ты не представляешь, что есть люди, которые действительно не интересуются ни политикой, ни новостями. Вообще! И для тебя это настолько странно, что ты готов скорее поверить в шустрого коматозника, чем признать существование такой категории людей.

Смущенный моими словами Ванин задумался, а потом пожал плечами:

— М-да, уел. Так я этот вопрос не рассматривал... Просто для плюющего на политику ты как-то чересчур эмоционально реагировал на мои рассказы. Это и удивило...

— Дык я же человек! Раньше я про такие новости просто не знал. А как узнал, то обалдел и возмутился!

Судя по лицу Алексея, эти слова его до конца не убедили, но он, видя мое раздражение, только пробурчал:

— Угу — новости... Им уже лет шесть, этим «новостям»... — А потом, меняя тему, поинтересовался: — А с Ловягиным как поступим? У тебя в Юрьево есть завязки в больнице?

Этот вопрос я уже обмозговал, поэтому ответил сразу:

— Завязок нет, но это делу не помеха. Нам ведь сложную и долгую операцию делать не надо, так — рану почистить и все. А потом уколы мы и сами ставить сумеем. Значит, будем играть нагло и жестко. Я с Толяном иду в больницу, беру врача за жабры, и он все быстро делает.

— Как?

— Каком кверху! Отловлю «лепилу», зажму в углу и объясню политику. Скажу, что ейской братве врачебная помощь нужна. Сделает все как надо — получит сто баксов. А за любой косяк валим и его, и его семью. В общем — закошмарю основательно и всё. Как думаешь, что он после этого выберет — деньги или законопослушание?

Ванин передернулся, видно, представив себе состояние хирурга после такого ультиматума, а я добавил:

— Кстати, именно этот вариант предлагался в Воронеже. Но некоторые чересчур щепетильные и осторожные начали возражать, поэтому теперь мы имеем кучу проблем.

Алексей смущенно заерзал и опять быстренько перевел разговор на другое:

— Ты говорил, что к вечеру начнут искать полицейских и выйдут на доктора? А ведь он номер моей «ласточки» знает...

Выкидывая окурок и закрывая форточку, я пояснил:

— До этого момента у нас минимум есть часов шесть-семь. Но по-любому в Шахтах надо машину бросать и дальше добираться на перекладных.

Бросать?!

— А ты как думал? «Уазик» засвечен по самое «не могу». И Шахты — это еще самый лучший вариант. По-хорошему, нам уже в Миллерово надо пересаживаться. Кстати, еще хочу сказать — так как в больничке стояли камеры, то твой фейс тоже засвечен. Но нет худа без добра — поповская растительность на голове была хорошей маскировкой. И если от нее избавиться...

Убитый известием о скорой потере машины, Ванин уныло поинтересовался:

— В смысле — избавиться? Это ты на что сейчас намекаешь?

— Не намекаю, а прямо приказываю: усы, бороду и шевелюру — долой! Я там

машинку для стрижки аккумуляторную прикупил, так что все оформим за пятнадцать минут и в лучшем виде!

А потом, глядя на пришибленного Леху, дружески пихнул его в бок:

— Чего нос повесил? Ты радуйся, что в магазине краски не было, а то бы еще и масть поменял!

Будущий расстрига только рукой махнул:

— Да я не из-за этого... Просто без колес нам совсем плохо придется... У Толика вроде опять температура поднялась, и как мы его дальше потащим?

М-да, вопрос, конечно, интересный... Глянув в окошко, отделяющее салон от кабины, и увидев барышень, хлопчущих возле полулежащего на лавке Ловягина, я только вздохнул. А ведь Ванин прав. Сам Толян, похоже, не ходок. Точнее, ходить он может, но шатаясь и до первого мента. Значит — вокзалы нам не подходят. И частники такую толпу просто не повезут. Тут ведь не просто машина нужна, а нечто вроде микроавтобуса. Можно, конечно, разделиться, но как? С раненым должен быть хоть один мужик, но я сам без документов, поэтому отпадаю, а отрывать Ванина от семьи тоже как-то не очень...

С другой стороны, когда я только сюда ехал, то постов на дороге не наблюдал. Они, конечно, были на въезде-выезде в Ростов, Новочеркасск, Миллерово, Семилуки, ну и так далее. То есть во всех более-менее крупных городах. А вот на трассах никаких пунктов ДПС не видел. Это значит, что если объезжать города и достаточно большие поселки, то можно от машины не избавляться. Риск, конечно, есть. Но немногим больший, если мы «уазик» бросим и начнем попутки ловить. Зато оставив вездеход у себя... М-м-м... Это же от скольких головных болей избавимся? Тем более что колер у ванинского рыдвана самый что ни на есть распространенный, а номера уже так заляпало быстро застывающей на вечернем морозце грязью, что никто их не разберет. Да и погода на нас работает — то ли уже снег, то ли еще дождь моросит. Дорожные ментозавры при таких раскладах стараются из своих утепленных берлог не вылезать. Значит, можно, как изначально думал, ехать до Миллерово. В смысле — спокойно ехать. А вот дальше надо будет сторожиться, периодически съезжать с трассы и двигаться проселками, огибая населенные пункты.

Когда поделился своими мыслями с Алексеем, тот просто воспрянул к жизни. Видно, Ванину очень не хотелось лишаться заработанного кровью и потом средства передвижения. Обрадованный Лешка тут же заверил меня, что дорогу и расположение постов знает достаточно хорошо, так как иногда вывозил семью к родителям Марии. И постарается доездить так, чтобы с полицией мы вообще не сталкивались.

Что сказать? У нас это почти получилось. Причем оборзели до того, что к вечеру я его подменил за рулем и дал возможность отдохнуть. А часов в шесть утра, когда мы, уже довольно далеко отъехав от Ростова, шпарили по трассе, которая в нашем мире зовется М-29 — наравались. Причем все произошло просто и буднично. Лешка снова рулил, я кемарил и проснулся оттого, что водитель, ругнувшись сквозь зубы, начал тормозить. Глянув в зеркало заднего вида, понял, почему он ругается — с мобильным постом встретились. На обочине стояла «тойота» характерной для здешнего мира черно-белой окраски, возле которой, посверкивая светоотражающими полосками, нашитыми на форму, терлась парочка дорожных мытарей. А может, и не парочка, так как темень стояла — глаз выколи и свет давали только габаритные огни полицейской машины.

Посмотрев на Лешку, который, сцепив зубы, проверял на месте ли документы, я предупредил:

— Только без психа! Даже если машину уже в розыск подали, то ищут в Воронежской области. А эти хмыри нас тормознули просто от скуки. Трасса-то совсем пустая...

Алексей молча кивнул и полез наружу. Я секунду подумал и кинул в салон:

— Сидите спокойно, не дергайтесь!

Тоже вышел из «УАЗа» и потопал к ожидающим ментам. Подошел, определился с их количеством — трое. Двое с автоматами и еще один — с деньгодобывающим жезлом. Хотя в темном салоне «тойоты», на пассажирском месте, вроде тоже кто-то маячит. Одно радовало

— при виде нас автоматчики за оружие хвататься не стали, а как курили, так и продолжили курить, лениво перебрасываясь фразами. Единственно — палковладелец недовольно спросил у меня:

— Э, ты что — водила? Чего сюда приперся?

Я миролюбиво ответил:

— Водитель — он, а я просто размяться вышел. В этом сундуке на колесах вся спина затекла.

Но мент, уже потеряв ко мне интерес, затребовал у Ванина документы. С минуту поизучав отданные ксивы, он сложил их и, прихлопнув получившейся пачкой по ладони, поинтересовался:

— Нарушаем?

Леха вытаращил глаза:

— Чего — «нарушаем»?

— ПДД нарушаем. У тебя левый габарит не работает. И машина грязная. Номера — вообще не читаются. Так что придется штрафовать!

Ванин вздохнул и, пожав плечами, поинтересовался:

— Сколько?

А я, чуть не застонав, дал ему мысленного пинка. Блин, он что — совсем сбрендил? Кто же так сразу соглашается? Тем более на пустом месте? Какой габарит? Какая грязь? Он должен был взвиться и долго доказывать свою правоту. И только потом (если не получилось отмазаться), бурча и стenea, дать оборзевшему вымогателю мзду. Но, видно, в ожидании гораздо более страшного, Лешка, услышав про простой штраф, так обрадовался, что совершил ошибку. И полицейский, поняв, что что-то не так, насторожился. Даже документами по ладони хлопать перестал.

Окинув нас долгим взглядом, он кивнул автоматчикам и уже другим тоном спросил:

— Чего везешь?

— Ничего не везу. С семьей и друзьями к родственникам еду.

Мент после секундного размышления приказал:

— Ну, пойдем, посмотрим, что там за родственники. — После чего, обращаясь к одному из автоматчиков, добавил: — Мага, ты пока пробей номерок-то.

Носатый Мага кивнул и, подойдя к «уазику», ребром подошвы несколько раз шаркнул по номеру, счищая налипший слой грязи. Разглядев нужные цифры и буквы, он потопал к «тойоте», а мы столпились возле нашего зеленого рыдвана. Точнее говоря, расположились так: полицейский с Ваниным, заглядывающие в салон, затем в шаг от них я и еще в трех шагах дальше — контролирующий обстановку патрульный с автоматом. Пока палконосец, несколько расслабившийся от вида узлов, женщин, детей и «простывшего друга», говорил с Лешкой, я, зябко поеживаясь, поднял воротник куртки. Потом, так же ежась, сунул руки в карманы и ухватился за рукоятку пистолета. Что-то все это мне крайне не нравится. Не знаю, как здесь оснащены патрульные машины, но комп в них, похоже, присутствует. Блин, прямо как в Грузии, где народ лапу сосет, зато силовики снабжаются по высшему разряду, включая и подобные девайсы в патрульных авто.

М-да, что сказать — на компьютер у патрульных я никак не рассчитывал. И если он не в сети, то есть шанс, что в нем загружены данные за вчерашний день (на время заступления этих ментов на дежурство). Тогда все нормально и это нам ничем не грозит. А если в сети... Эх, знать бы заранее! Ведь от этого наши жизни могут зависеть. Ну да ладно, будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Стрельбу начать никогда не поздно. Только вот страшновато. Пуля она — дура, и хоть постовые не ждут нападения, но их слишком много. И если парочку, стоящую рядом, я положу за три секунды, то с дальними полицейскими еще неизвестно, как выйдет. Автомат он и в Африке автомат. Хотя внезапность, она тоже свою роль играет. Но посмотрим, посмотрим...

Беззвучно сняв «вальтер» с предохранителя и краем уха слушая, как полицейский требует, чтобы ему предъявили баулы с узлами для досмотра, а понявший свою ошибку

Алексей злобно возражает, я постоянно давил косяка в сторону «тойоты». Вот Мага подошел к человеку, сидящему в ней. Вот диктует номер в приоткрывшееся окно. Теперь ждет. Двадцать секунд. Тридцать секунд. Минута. Неужели пронесло? Неужели у них компьютер не в сетке?

За это время спор между ментом и Лехой достиг пика, и стоящий за нашими спинами патрульный вмешивается. Положив руку на автомат, он шагает ближе и рывкает:

— Ты чо, мужик, слабо понимаешь? А ну на х... всё вытаскивай из машины! И спиногрызов твоих, и кореша больного и узлы эти! Быстро, давай!

Разборки тут же угасли, и на дорогу первой стала выбираться Мария. Но я на это не смотрел. Я смотрел на Магу. Вот он наклоняется к окну, что-то переспрашивая. Вот, получив ответ, быстро распрямляется, начиная стягивать с плеча «АКС-74». У меня еще мелькнула мысль, что нам все-таки крупно НЕ повезло, после чего события понеслись вскачь. В «тойоте» зажегся дальний свет, высвечивая «УАЗ» и стоящих возле него людей, как прожектором, а я, вырвав пистолет из кармана, направил оружие в сторону стоящего рядом автоматчика и дважды нажал на курок. Бах! Бах! Получивший две пули в голову противник стал безопасен. После чего перевел ствол на пораженно застывшего палковладельца. Бах! Тот еще оседал, а я, заорав ребятам: «Ложись!», отпрыгнул в сторону и, двинув по дуге, стал посылать пулю за пулей в сторону стоящей в двадцати шагах «тойоты». Ее фары слепили напрочь, поэтому стрелял почти наугад, стремясь в первую очередь если не попасть, то хотя бы задавить огнем автоматчика. Но этот Мага оказался чересчур шустрим.

«Та-та-та-та-та-та!», «та-та-та-та-та-та!», «та-та-та-та-та!» Первая очередь прошла впритирку над головой, вторая вздыбила комочки земли и щебня в двух шагах слева. Третья вообще — усвистала непонятно куда. Ага, сначала вспышки шли на уровне роста, а теперь понизу. Похоже, он на колено встал и долбит. Зря. Только время потерял и прицел себе сбил. Да и стрелок этот мент — никудышный. Кто же такими длинными с «калаша» лупит, еще при этом и приклад не откинув? Мысли мелькнули на периферии сознания одновременно с действием, когда я, уйдя в пережат, подхватил «вальтер» второй рукой под рукоятку и, не вставая с земли, выдал шестипатронную серию, смещая ствол пистолета влево. Результатом моих выстрелов стало то, что правая фара на «тойоте» погасла и Мага наконец заткнулся. Сделав еще один выстрел по неподвижному силуэту, лежащему возле переднего колеса, я скачками бросился вперед. Бежал опять-таки не по прямой, а стараясь идти по дуге, так как до сих пор не видел сидящего в салоне. Конечно, может, он уже обгадился и просто нырнул под приборную доску, а может, приготовил жаркую встречу. У него с начала стрельбы на это минимум секунд десять было. Передвигаясь скользящими шагами и стараясь не споткнуться, я приближался к машине, не опуская ствола от лобового стекла. Но все равно пропустил момент, когда левая, водительская дверь распахнулась (в какой момент он успел перескочить?) и оттуда вывалился человек. Его почти полностью перекрывал корпус машины, но и того, что было видно, мне хватило. «Бах», «бах», «щелк»! Затвор встал на задержку, и я, быстро поменяв магазин, направился к лежащему за «тойотой». Угу — готовченко...

А теперь надо все сделать в темпе. Ухватив труп за шиворот, подтянул его к машине и, открыв заднюю дверь, запихнул тяжелое тело в салон. По пути не удержался и с любопытством глянул на небольшой экран жидкокристаллического монитора, вмонтированного в приборную доску. Ух ты! Теперь понятно, почему Мага сразу за оружие схватился. Машина уже в розыске, а Леха — особо опасный вооруженный террорист. Причем и Лешка, и машина объявлены в розыск всего два часа назад. Да, долго же воронежские менты своих оперов искали и на доктора выходили. Почти десять часов форы нам дали...

Взглянув на лежащего рядом жмурика, я только хмыкнул. Вот ведь странно — только что убил четверых и вообще никаких эмоций не испытываю. Нет, вру, есть только радость от хорошо сделанной работы. А ведь всего два дня назад, когда с бандажами схлестнулся, совсем другие ощущения присутствовали. Интересно, в кого же я превращаюсь? Правда,

долго рассуждать на эту тему времени не было, поэтому быстренько охлопав мертвеца, забрав оружие, документы и толстый портмоне, я вылез из машины и порысил к «уазику», на ходу крикнув:

— Лешка, что ты там сидишь, помогай!

Но увидев странные движения возле нашего вездехода, прекратил орать и добавил ходу. А когда подбежал, внутри все оборвалось. Оборвалось от того, что Алексей и не думал мне помогать, а полулежал на коленях у Марии с закрытыми глазами. Глядя, как Ванина с помощью Насти накладывает на грудь мужу повязку, из-под которой торчал кусок целлофана, я сквозь зубы ругнулся. Черт! Как же это так получилось? Ведь специально сразу в сторону от машины рванул, чтобы Мага сюда даже не стрелял. А этот криворукий мудака с переполоха и со страха, получается, последнюю очередь выпустил в этом направлении. Распахнутую дверь «УАЗа» пробил и стоящего за ней Алексея достал... И судя по целлофану под бинтами — дело совсем плохо. Так делают только при пневмотораксе. Я несколько секунд смотрел на раненого, а потом спросил:

— Легкое опало?

Мария подняла залитое слезами лицо:

— Нет. Но береженого — Бог бережет...

Стянув с головы вязаную шапку, вытер ею внезапно взмокшее лицо, выдохнул и приказал:

— Тогда заканчивайте перевязку и грузите Леху в машину. А я пока с этими разберусь.

Барышни кивнули и молча продолжили упаковывать раненого. Лишь когда я, ухватив постового за ворот куртки, потащил тело к «тойоте», Настя тихо спросила:

— Что же теперь делать?

Что делать, что делать? Снять штаны и бегать! Пулевое в грудь — это вам не дырка в плече. С таким ранением по больницам не походишь. Да с ним вообще нигде не походишь! Что делать ума не приложу. Но если не хочу к завтрашнему дню иметь на руках бездыханное тело, реальный выход только один — вытягивать Алексея в наш мир. Но как быть с остальными? Ведь времени завозить Марию с детьми к её родителям просто нет. Да и не хочется вот так всем все рассказывать. Ладно, что-нибудь придумаю. Во всяком случае, время на это будет. Отсюда до Михеевки часа четыре ходу. Вот только сейчас с этими жмуриками разберусь, чтобы погоня не сразу на хвост села, и рванем!

За те пятнадцать минут, что я обыскивал мертвецов, освобождая их от оружия и документов, запихивал тела в машину, отгонял «тойоту» за редкие кусты на обочине, девчонки закончили оказывать первую помощь Лешке. Издалека глядя, как они укладывают раненого в салон, вздохнул и с сожалением захлопнул продырявленную дверь патрульного автомобиля. Мысль использовать быстроходный и комфортный трофей для скоростной доставки Ванина в Михеевку была отброшена сразу. Если в ней комп подключен к сети, то есть большая вероятность наличия передатчика позиционирования. Так что на фиг, на фиг! Лучше уж мы на своей...

А потом была гонка. Нет, не в том смысле, что за нами кто-то гнался, а в том, что я разогнал древний «уазик» до рекордных девяноста километров в час, притормаживая лишь там, где дорога была совсем уж убитой. Так что до заброшенной деревни мы добрались менее чем за три часа. Было девять двадцать пять, когда «УАЗ», скрипнув тормозами, остановился возле полувросшей в землю избы, почти в центре Михеевки. Алексей, накачанный лекарствами по самые брови, к этому времени уже очнулся. Поэтому я, выйдя из кабины и разминая плечи, открыл дверь салона, после чего, глядя в недоумевающие лица ребят, которые с удивлением оглядывали умершую деревню, сделал общее объявление:

— Всё, приехали! Как там наш раненый? Точнее говоря, как они оба?

Толян самостоятельно заверил, что он как огурец, а вместо Ванина ответила его жена:

— Пока вроде ничего. Только растрясло немного. А куда мы приехали? — и еще раз оглядев окрестности, добавила: — Сережа, Леша так долго не протянет. Его надо срочно к хирургу. Только как это сделать?

— Я знаю как. А сейчас, группа, слушай боевой приказ.

Черт его знает, с чего вдруг я сбился на командный тон, но вот что удивительно — ребята это восприняли как должное. Во всяком случае, никто не делал удивленных глаз. Даже дети перестали всхлипывать возле папы и затихли, уставившись на меня. Ну, вот и хорошо. Продолжим:

— Сейчас вы все выгружаетесь, занимаете наиболее целый дом и сидите там безвылазно. Толик, к тебе персональная просьба — сменив тон, я продолжил более мягко: — Продержись до завтра. Не расклеивайся. Понимаю, не от тебя зависит, но больше сказать мне нечего. Я постараюсь вернуться или вечером, или завтра утром. Вы, главное, особо по деревне не шастайте. Она, конечно, заброшена, но мало ли кто может сюда завернуть? Вопросы?

— А как же Алексей?

Глядя на Марию, коротко ответил:

— Лешка останется там, где лежал. Ехать здесь недалеко. И дорога нормальная. Только вы его сумками подоприте, чтобы, не дай бог, не стал по салону елозить.

Ванина от такого предложения только что на месте не подпрыгнула и безапелляционно заявила:

— Ты что — с ума сошел? Я еду с вами!

Спорить не стал, лишь спросил:

— Детей тоже с собой возмешь?

Покусав губу, она кивнула. А я, почесав щетинистый подбородок и глянув на часы, оповестил:

— Есть большой шанс, что придется прорываться жестко и со стрельбой. Ты готова сыновей под пули сунуть? Учти, если кого еще зацепит, то я с ним возиться не смогу. Просто физически не получится. И насколько вообще мой план по поводу врачебной помощи сработает, тоже не могу сказать. А пуля она — дура. И представь, что вот такая, шальная, зацепит твоего младшенького... Представила? А теперь ответь — ты по-прежнему хочешь ехать?

Мария, не замечая бегущих по щекам слез, машинально положила руки на прилипших к ней пацанов и растерянно спросила:

— Но как же тогда? Ведь за Лешей кому-то смотреть в дороге надо...

И тут я рывкнул:

— А вот так! Вы сейчас берете жопы в горсть и выполняете приказ, мля! А твоя персональная задача — смотреть за детьми! Ясно? Чтобы они от твоей юбки далее чем на два метра не отходили! И это всех касается — сидеть в доме! Выходить только в сортир и к колодцу. Если через три дня меня не будет, выбирайтесь отсюда самостоятельно. Старший — Анатолий. Всё, работаем!

Махнув рукой, показывая, что дальнейших споров и вопросов не потерплю, стал выкидывать из «УАЗа» шмотки. Было видно, что ребят просто распирает и они готовы спорить, спрашивать, доказывать и ругаться, но мой вид к этому совершенно не располагал, поэтому стали молча помогать. А когда машина была разгружена, вещи с кое-какими продуктами перенесены в самую целую хату (в которой даже стекла в окнах имелись) и раненый надежно подперт двумя большими сумками из тех, что брали с собой Ванины, я сел за руль. Глянув на свою гоп-компанию, выстроившуюся рядом с вездеходом, ободряюще улыбнулся:

— Ну, что такие лица похоронные у всех? Не бойсь, прорвемся! А сейчас, все — марш в дом!

Потом надавил акселератор и осторожно повел «уазик» к выезду из деревни. В зеркало заднего вида успел заметить, как народ потянулся к облюбованной хате, после чего дорога вильнула и покосившиеся хибары скрыли их от меня. А вот теперь, цигель, цигель! Глянув на часы, отметил, что до открытия портала осталось еще почти двадцать минут. Вроде нормально успеваю. Сейчас вот отъеду на другой конец Михеевки и замаскирую машину в

сарая, у которого хоть и нет одной стены, но зато есть крыша. То есть, если вдруг что, от наблюдения с воздуха эта стоянка прикрыта. И еще будем надеяться, что мои гаврики по деревне шастать не будут и авто не найдут. А то мне очень сложно будете ними объясниться...

В общем, сделал, как и задумывалось, после чего, повесив за спину автомат (второй оставил Толику), на плечо сумку с железом, осторожно подхватил на руки находящегося в беспамятстве Алексея и побрел к знакомым кустам, до которых было метров тридцать. А когда уже подходил, в их глубине, на листьях, повисла знакомая сизая дымка. Молодец «проф», как часики работает! Повернувшись чуть боком, прикрывая раненого от ветвей, сделал три шага и в нос ударил мерзкий запах «сарайного химического оружия». Того самого, которым Сосновский, в теории, собирался отпугивать воришек. И это означало, что я снова дома.

Дома-то дома, но расслабляться рано. Лешку надо в темпе отремонтировать, ребятам помочь, да и вообще — эта поездка поставила передо мной столько новых задач, что злокозненные арабы стали казаться просто сопливой и не заслуживающей внимания мелочью. Угу, задач много, а времени мало. Поэтому, щурясь от света фонаря, который держал в руках удивленный Сосновский, я, даже не поздоровавшись, отрывисто выпалил:

— Игорь Михайлович, чего вы застыли? Освобождайте стол, а то мне раненого положить некуда!